

An artistic illustration of a woman's profile, facing left. She has long, dark, wavy hair and freckles on her face. The background is dark, filled with vibrant autumn leaves in shades of orange, red, and yellow. Large, bright orange flowers are visible in the lower right corner. The overall mood is warm and seasonal.

Ася Ливен

ЧАГИ

Ася Ливен

Чаги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67746932

SelfPub; 2024

Аннотация

Петербургский роман, сюжет которого разворачивается на фоне подпернутого осенней пеленой города. Это история о надежде, мечтах и любви двух одиноких людей, которых разделяют большие пространства, разность традиций и общественного положения, но объединяет нечто большее – то, над чем не властны ни время, ни расстояния, ни условности.

Содержание

Ася Ливен

Чаги

Часть представленных в тексте комментариев и выдержек из интернет-публикаций являются подлинными свидетельствами отношения пользователей Всемирной сети Интернет к людям, чьи истории легли в основу этой книги.

Денис открыл входную дверь и в удивлении замер, услышав возмущенный голос своей подружки Насти. Громко и эмоционально, не стесняясь в выражениях, она костерила Вадима, их общего знакомого. Заглянув в комнату, Денис увидел, что девушка расхаживает взад-вперед, а ее закадычная подруга Аня сидит на диване и улыбается. Денис тут же понял, что волноваться не о чем: если Аня улыбается и пытается слабо возражать, значит, Настю опять подвел взрывной характер и, что бы ни вызвало бурю, она скоро уляжется.

– Ты знаешь, что этот твой приятель, Вадим, отчебучил? – воскликнула Настя, завидев Дениса.

– Да не такие уж мы и приятели, – отозвался он и спросил у Ани: – Что случилось-то?

– Как это не приятели? – возмутилась Настя. – Это же ты его с Анютой познакомил. А он, козел блудливый, такое

учудил, хоть стой, хоть падай!

– Ничего серьезного, – поспешила успокоить Аня, – но Настя так расстроилась, что никак не уймется.

– Аня застучала его с какой-то девицей. Прямо в этом его фитнес-клубе, представляешь?! Договорился с ней о встрече, а сам там в укромном месте...

– Говорю же, ничего серьезного, это даже смешно, – перебила Аня. – Видели бы вы его лицо в тот момент. Да и мое. Просто анекдот! – Аня засмеялась, и этот легкий, беззаботный смех заставил Настю сначала с неодобрением посмотреть на нее, а потом все же улыбнуться.

– Вот что ты за человек, Семенова?! Почему именно с тобой такое происходит?

– Напоминаю, это была твоя идея. Я тебе сразу сказала, что у нас с ним мало общего, но ты заладила – приглядишься да приглядишься. Не надо было тебя слушать.

– Сочувствую, – пробормотал Денис. – Мне казалось, у вас все хорошо складывается.

– Не бери в голову. Приятного мало, но в более нелепую и комичную ситуацию я еще ни разу в жизни не попадала, – и Аня опять захихикала.

– Слышал бы ты, как она это все в красках описывала! Боже, что за придурок! – Настя взяла со стола бутылку с газировкой и сделала большой глоток. – Нет, больше никаких спортсменов, фитнес-тренеров и прочих качков! Силу давать некуда, а мозгов не припасли.

– С меня точно хватит, – призналась Аня. – Слава богу, у нас далеко не зашло, а то был бы прекрасный... сюрприз.

Денис изобразил на лице что-то неопределенное и тут же был атакован Настей, которая решила, что лучшее средство от хандры и неприятностей – сухой мартини, а значит, им всем сейчас не помешает хорошенько оттянуться.

– Ты уверена? – возразил было Денис, но все кончилось тем, чем обычно кончались его споры с Настей: он уступил, снова обулся и отправился в магазин.

Настя подошла к зеркалу и постаралась пригладить свои короткие, обычно безупречно уложенные волосы.

– Я бы этому Вадику шею свернула, – сказала она, – но ты, конечно, махнешь рукой и забудешь. Удивляюсь я тебе! Ладно, не расстраивайся. Считай, легко отделалась, жалко только потраченного времени.

– Я не расстроилась. Мне почему-то больше смешно, чем обидно.

Спустя пару часов, подогретые сухим мартини, они все еще продолжали перебивать косточки незадачливому любовнику и смеяться.

Денис частенько наблюдал такую картину – сидят рядом, нос к носу, и смеются. Бог их знает, о чем они там болтают! Настя была девушкой гордой, строптивой, вспыльчивой, с ней иной раз и не пошутишь, но Анне каким-то чудом удалось ее развеселить. Ее саму нельзя было назвать хохотушкой, скорее наоборот: бледная, будто анемичная, по большей

части спокойная. Один взгляд чего стоит – долгий, внимательный и совершенно бесхитростный. Что они нашли друг в друге – понять невозможно. Но и представить этих двоих друг без друга уже не получалось.

Денис был знаком с Настей около года. У него никогда не было иллюзий по поводу этой насмешливой и язвительной брюнетки: она была классной девушкой с бесспорно оригинальной внешностью. Такие барышни дадут сто очков вперед любой красотке. Ума и характера ей было не занимать, и в целом ее отношение к жизни можно было охарактеризовать строчкой из песни: «Кто мне сказал: не получится? Если мне захочется – сбудется!»

Аня уступала ей по всем пунктам. Слишком пресная, на его взыскательный вкус; миловидная, некоторые сказали бы – очаровательная, но совсем без огонька. Если и теплился свет в ее спокойных серых глазах, в ее улыбке, то горел он не для каждого. Денис не исключал, что подобные девушки – с мягкими повадками, в общении неназойливые, а в большой компании зачастую и вовсе незаметные – могут привлекать внимание. В конце концов, не каждому понравится жить как на вулкане, а с Настей он все время ощущал себя вблизи еще не случившегося, но в любую минуту готового разразиться катаклизма.

Положа руку на сердце, именно Настя была инициатором знакомства тихони-подруги с Вадимом. Парень был не особенно разборчивый, но, по Настиному выражению, «ак-

тивный и впечатляющий», работал фитнес-тренером и имел самые обширные знакомства. Пару раз они провели время вчетвером. Вадим шутил и смеялся больше необходимого и явно, как подумалось Денису, хотел произвести впечатление. Аня смотрела на него изучающе, улыбалась и держалась вежливо. На этих совместных посиделках с тоски можно было помереть, и Денис даже думать бы о них не стал, но неожиданно ему захотелось увидеть, к чему все приведет. К тому же его очень развлекали комичные Настины гримасы и подмигивания, которыми она старалась подстегнуть подругу.

В конце концов Настя поздравила себя с успехом, однажды заявив, что усилия ее оказались не напрасны: «протеже Дениса» (при этих словах Денис удивленно поднял брови) без ума от прекрасной Анны, и теперь они официально пара. С тех пор прошло не более трех недель, и вот сегодня Денис застал Настю в приступе негодования по причине того, что «активный и впечатляющий» фитнес-тренер был застукан с какой-то девицей. Событие, столь возмутившее Настю, похоже, оставило Аню совершенно равнодушной.

«В любом случае, все к тому и шло», – подумал Денис, но вмешиваться не стал. Оставил подруг на кухне в компании мартини и отлично провел время в блаженном одиночестве, наконец улучив возможность спокойно и без лишних комментариев поваляться на диване и посмотреть фильм.

Он уже задремал на финальных титрах, когда Аня заглянула в комнату попрощаться. Часы показывали девять, дома

было полно дел и, главное, – ждала собака. Денис предложил подбросить ее на машине, но Аня отказалась.

– Будем час стоять в пробках и на светофорах, – сказала она. – Я на метро за двадцать минут доеду. Пока!

Обняла Настю, помахала Денису и ушла.

Едва оказавшись на улице, Аня с наслаждением вдохнула теплый влажный сентябрьский воздух. Было еще светло, зеленый двор показался приветливее и уютнее обычного. Как же хорошо жить в таком тихом районе! Аккуратные домики, цветущие клумбы, буйная зелень... Ей же предстояло вернуться в один из безликих домов, стоящих в непосредственной близости к оживленной улице, зажатый со всех сторон плотной петербургской застройкой. Вечер был чудо как хорош! Аня еще раз с облегчением вздохнула, достала наушники, включила в телефоне любимую музыкальную подборку и бодро зашагала к метро.

Локи, большой лохматый бордер-колли, встретил ее безудержным собачьим восторгом. Пока Аня добиралась до дома и выгуливала собаку, приподнятое настроение незаметно улетучилось. Подступили апатия и усталость. Хотелось лечь спать и ни о чем не думать. Сейчас, после мартини, поездки в метро и бодрящей прогулки с собакой по вечернему парку, Аня привела в порядок мысли и решила, что она искренне смеялась над своей нелепой ситуацией и случившееся ее несколько не уязвило. «И правда придурок», – усмехнулась она и выкинула Вадима из головы.

Утром Аня с трудом оторвала голову от подушки. Взглянув на часы, она увидела, что проспала. Позавтракать не получилось, единственную чашку чая пришлось допивать уже в прихожей, одновременно зашнуровывая кроссовки.

Позвонила Настя. Голос у нее был тихий и осипший.

– Закусывать надо было лучше, – пробормотала она, когда Аня сказала, что ей сейчас не до разговоров, она опаздывает и вообще чувствует себя не лучшим образом.

– А все ты со своими посиделками!

– Ой, убавь звук, и так голова раскалывается... Звоню сказать, что Денис в твоём районе, заедет, подбросит тебя на работу. А я взяла отгул. Пойду отсыпаться.

Аня ждала лифт, нервно пританцовывая на месте, но, так и не дождавшись, сбежала по лестнице и на выходе со двора увидела машину Дениса.

– Чтоб я еще раз с вами связалась! – в сердцах воскликнула она, плюхаясь на пассажирское сиденье.

В ответ Денис только рассмеялся.

Они долго ехали по утренним запруженным дорогам. Аня то и дело поглядывала на часы, пока не поняла, что еще чуть-чуть – и будет совсем поздно. Нельзя сказать, что в редакции англоязычного глянцевого журнала, где она работала журналистом и переводчиком, были очень уж строгие правила. Но часы показывали почти десять. До конца недели нужно было сдать номер. Аню ждала гора незаконченных дел, и терпеть

бездарный простой в утренней пробке было выше ее сил.

Наконец потеряв терпение и всякую надежду быстро добраться до офиса, Аня попросила Дениса высадить ее у ближайшей станции метро.

– Мне здесь не развернуться, – сказал он, глядя на плотный ряд машин. – Остановлю на соседней улице – добежишь.

– Давай хоть так!

Попрощавшись с Денисом, Аня несколько минут торопливо шагала по тротуару, пока ее не догнала внезапная мысль.

«Ведь сегодня Осьминожка притащится в отдел!» – подумала она.

Осьминожкой сотрудники редакции окрестили главного редактора – неприятную, цепкую и хищную особу, которая, по общему мнению, не уступала героине Мерил Стрип из известного фильма про модный журнал. Анин журнал был, конечно, поскромнее, о моде писал факультативно, в основном уделяя внимание светским сплетням, еде и развлечениям, но это ничуть не умаляло лютости главной редакторши, у которой не только не было трех сердец, как положено осьминогу, но, судя по манере держаться, не было вообще ни одного. И этот ужасный спрут, если верить данным редакционной разведки, должен был сегодня навестить к ним в отдел, хотя случалось такое нечасто. Непосредственный Анин начальник был человеком либеральных взглядов, он не контролировал журналистов и редакторов – людей творческих, – так

что не приходилось сомневаться – в десять утра на рабочем месте не обнаружится ни единой души, если не считать добряка Марка Львовича, у которого вечные нелады с женой, а потому он приходил рано и задерживался допоздна.

Аня побежала. Ей приходилось лавировать между пешеходами. Некоторые из них, кажется, вообще никуда не спешили. До чего же эти неторопливо бредущие неизвестно куда прохожие могут вывести из себя!

На перекрестке перед станцией метро Аня неожиданно наткнулась на столпотворение посреди тротуара. Остановилась у светофора и невольно прислушалась к тому, что происходит. Громче всех в толпе шумела тучная немолодая женщина. Она возмущалась и указывала пальцем на высокого худого человека, который пытался было с ней говорить, а потом начал кланяться.

– Нет, вы только посмотрите на него! – воскликнула женщина так, что теперь и Аня ее отлично слышала. – Понаехало всяких заграничных, не протолкнуться, ни обойти, а по-русски ни бельмеса! Я тебе говорю, куда прешь?! Еще и очки черные нацепил, вообще не различает, где дорога, где тротуар! Чуть дух из меня не вышиб! Ну что ты кланяешься, как болванчик?! Не понимаю, что он лопочет!

– Я видела, как этот велосипедист на женщину наехал, а потом еще бросился к ней, типа, помогать, – говорил кто-то из собравшихся. – Карманы бы у него проверить, мог и стащить чего-нибудь!

Загорелся зеленый. Поток людей устремился ко входу к метро, но Аня помедлила: вид незадачливого интуриста, переминающегося с ноги на ногу возле лежащего на земле велосипеда, невольно вызывал сочувствие. Окруженный немногочисленной, но явно недружелюбной группой, он время от времени кланялся и что-то говорил без всякой надежды быть понятым. Досадуя на саму себя, Аня подошла ближе, быстро окинула его взглядом – шарф, солнцезащитные очки, бейсболка, а поверх еще и капюшон, лица как следует не разглядеть – и повернулась к возмущенной женщине:

– Я говорю по-английски и могу помочь. Что случилось?

Пострадавшая посмотрела на нее с подозрением, и девушка тотчас пожалела, что вмешалась в чужую перепалку. Она безошибочно определила, что перед ней заядлая скандалистка. Такую только тронь – проблем не оберешься! К тому же сочетание красного плаща с ярко-рыжими волосами не предвещало ничего хорошего. Собрав толпу зевак, огненная фурия неприкрыто наслаждалась ситуацией, взывала к справедливости, жестикулировала и выговаривала иностранцу громко и с расстановкой, словно он был глухой.

– Вы не должны размахивать руками перед его лицом, – строго сказала Аня. – Это может быть расценено как угроза нападения.

Услышав эти слова, рыжая сначала очень удивилась, а потом разразилась такой отповедью, что толпа зевак увеличилась сразу вдвое. Однако из потока слов и эмоций Аня все-

таки выхватила суть дела: иностранец на смартбайке не справился с управлением и наехал на эту рыжую, которая вознамерилась перебежать дорогу на мигающий зеленый, а потому не смотрела по сторонам.

Аня тотчас заметила, что последнее обстоятельство не в пользу потерпевшей, а также добавила, что, если никто не пострадал, совершенно незачем кричать и устраивать беспорядки в центре города с участием иностранного гражданина. Так недалеко и до приезда полиции.

Видимо, последнее слово иностранец распознал. Аня услышала, как он что-то досадливо процедил, а потом сказал более громко:

– Мисс, прошу вас, не надо полиции! Если госпожа пострадала, я охотно компенсирую ущерб.

Было очевидно, что иностранец с трудом сдерживается. Едва подойдя, Аня решила, что он растерян и ошеломлен напором скандальной тетки, но сейчас увидела, что происходящее его скорее раздражает и только воспитанность, диктующая быть вежливым к старшим (а может быть, и опасения, что, если он попытается ретироваться, его нагонят и ситуация усугубится), удерживают его на месте, заставляют кланяться и извиняться.

– Что он там бормочет?

– Он говорит, что является штатным сотрудником Генерального консульства Китайской Народной Республики и намерен прибегнуть к правовой защите дипломатического ве-

домства, – подняв голову, Аня поглядела по сторонам. – Здесь должны быть камеры наружного наблюдения и автомобильные видеорегистраторы, которые необходимо изъять для выяснения всех подробностей произошедшего и установления степени виновности каждого участника инцидента.

– Да она с ним заодно! – воскликнула рыжая, хватаясь за сердце.

– У вас есть мобильный телефон? – спросила Аня иностранца.

– Да, – удивился он.

– Достаньте и позвоните кому-нибудь.

– Зачем? Поймите, мисс, меньше всего я хочу привлечь внимание людей и полиции! Как сделать так, чтобы эта женщина успокоилась и ушла? Я не понимаю, что она хочет.

– Она хочет внимания, и ей удалось его привлечь. Делайте, как говорю! Я опаздываю на работу. И зачем я только в это ввязалась?

Иностранец полез во внутренний карман за телефоном.

«Чудной тип, – подумала Аня. – Стоит, злится, но раскланивается, еще и денег предлагает. И правда китаец, что ли? Выговор непривычный... Наш человек давно бы уже послал эту скандалистку куда подальше и уехал».

– В самом деле звонить собрался? – заговорила тетка. – Пускай звонит, у меня свидетели есть!

При слове «свидетели» интерес к уличной склоке про-

пал и у тех прохожих, кого прежде не испугали слова «полиция», «дипломатическое ведомство» и «камеры наружного наблюдения». Вскоре женщина обнаружила, что осталась один на один со странной парочкой – наглой пигалицей и бестолковым иностранцем. Она презрительно фыркнула, не забыв прибавить несколько крепких слов, смирила их уничижительным взглядом и зашагала по зебре.

Аня повернулась к спасенному интуристу. Теперь она была уверена, что перед ней азиат, и подивилась его высокому росту. «Хотя – что я знаю про Китай?» – пронеслось в голове.

Даже из вежливости ей некогда было отвечать на чистосердечную благодарность, но сама все же решила высказаться. В глубине души следовало признать, что крикливая тетка права, а китаец, разъезжающий по оживленным тротуарам на велосипеде, – нет. Он спокойно выслушал ее замечание о том, что велосипед – это транспортное средство и еще повезло, что ни женщина, ни он сам серьезно не пострадали.

– Я прошу прощения. Я совершил ошибку. К сожалению, в этом городе нет велосипедных дорожек.

Аня почувствовала себя задетой за живое.

– Город не нравится? Подумать только! Вот они, хваленые китайские церемонии!

– Китайские церемонии? – удивился турист.

– Возможно, я ошиблась и вы не из Китая?

– Почему вы так решили?

– Не Китая, так Японии. – Аня чувствовала нарастающее

раздражение. Ее начал нервировать этот тип. – Признаюсь честно, я опаздываю на работу, но не могу отказать себе в удовольствии заметить вам, господин, что правила дорожного движения надо соблюдать, куда бы вы ни приехали.

– Когда вы явились передо мной, я решил, что вы ангел, а теперь я так не думаю.

Аня искоса взглянула на него – издевается, что ли? Или шутит?

– Прошу прощения! – искренне извинился он. – И благодарю вас от всего сердца!

– Пожалуйста! – угрюмо отозвалась Аня, сердясь непонятно на что. – Дальше по дороге есть парк, где можно покататься. Всего хорошего.

Она вставила в уши наушники, которые вынула перед тем, как ввязаться в эту неприятную историю, и направилась к переходу.

Турист двинулся следом.

– Подождите, прошу вас!

Аня остановилась и вынула один наушник.

– Я благодарю, что вы указали на мою ошибку. Теперь я вижу, как глупо поступил, когда решил ехать по тротуару.

Сказав это, он низко поклонился. Аня от неожиданности отшатнулась.

«Вот же ж, блин! – подумала она. – Опять за свое. И будет говорить, что не китаец!»

– Я очень рад, что вы говорите по-английски! Почти ни-

кто, к кому я обращался, не говорит или говорит так плохо, что мне трудно понять. Не могли бы вы оказать мне еще одну услугу?

– Какую? – настороженно спросила Аня.

– Я хочу попасть сюда, – он вынул из-за пазухи рекламный буклет, развернутый на странице с достопримечательностями.

– Шереметевский дворец – Музей музыки?

Настала Анина очередь удивляться. Этот китаец совсем не выглядел как человек, желающий даже от нечего делать посетить подобное место. Судя по его облику, он скорее мог заинтересоваться модными питерскими барами и клубами, но Музей музыки... Было в этом что-то подозрительное.

– Вы уверены?

– Разумеется.

Аня смирила его взглядом. Китаец невольно выпрямился. Конечно, она ничего не сказала вслух, но он явно уловил ее настроение.

– Я заметил, что вы не очень заботитесь о вежливости, – сказал он с некоторым высокомерием.

«Хороша благодарность! – усмехнулась Аня. – Стоило заступаться, чтобы такое услышать. Кто мы тут все, по его мнению, – неотесанные грубияны и варвары без велосипедных дорожек?»

– Это говорит человек, чье лицо я даже разглядеть не могу? Не знаю, как у вас в Китае, но у нас воспитанные люди

при разговоре снимают темные очки, чтобы открыто смотреть собеседнику в глаза. Тот, кто так не делает, считается грубияном!

– Вы правы, – сказал интурист после некоторого раздумья. – Это неуважительно.

Он снял очки, капюшон и бейсболку, хотя проделал это неспешно и с явной неохотой. Аня уже приготовила очередную колкость, но внезапно для себя самой воскликнула:

– Боже мой, да ты красавчик!

Едва эта кошмарная фраза сорвалась с ее губ, как она густо и мучительно покраснела. Да что же это, в самом деле! Что за день такой! Почему она делает и говорит невероятные вещи? Влезает в уличную ссору, ругается с иностранцем, грубит ему, а теперь еще и это глупейшее замечание. От жаркой волны стыда и смущения ей захотелось провалиться сквозь землю, но факт остается фактом: Аня в жизни не видела таких красивых и холеных мужчин. У него были довольно крупные, но гармоничные черты лица, красивые миндалевидные глаза и четко очерченные чувственные губы.

– Красавчик? – повторил иностранец с ужасающим акцентом, отчего слово прозвучало невероятно комично. – Что это значит?

Аня с облегчением поняла, что проговорила по-русски. Несколько мгновений она смотрела в сторону, через проспект, давая себе время оправиться от неловкости, потом снова повернулась к собеседнику.

– Теперь вы поможете мне? – спросил он с неожиданным вызовом.

Анне это показалось необычным, но долго раздумывать над причинами такого поведения было некогда, к тому же она начала испытывать необъяснимое беспокойство. Самое правильное было поскорее уйти, поэтому она ткнула пальцем в путеводитель и довольно резко сказала:

– Если хочешь, объясню, как туда добраться, но очень быстро. У меня нет времени, я спешу.

– Составите мне компанию? – вдруг предложил он и улыбнулся.

Эта улыбка будто озарила его лицо изнутри. Аня быстро отвела взгляд, решив, что с нее достаточно.

– Нет.

– Прошу вас, я могу заплатить.

– Деньги некуда девать? Купи лишнюю матрешку.

– Мне нужна помощь. Не откажите.

Аня растерялась, не зная, что ответить. Ее все больше охватывало необъяснимое волнение. К сожалению, она принадлежала к категории тех несчастных, которые, по Настиному выражению, «не умеют держать лицо». Все Анины сильные чувства и эмоции мгновенно и красноречиво отражались на ее лице, и сейчас она с ужасом ощутила, как опять краснеет.

– Я вижу, вы почти согласны, – все так же улыбаясь, сказал турист.

«Да за кого он меня принимает! Это шутка какая-то?» – Аня снова начала злиться. Злиться на его наглость и на саму себя за то, что ей вдруг стало дискомфортно от его близости. Она отступила на шаг и с раздражением ответила:

– Почему я должна ехать куда-то с первым встречным? Может, ты на самом деле мошенник. Или маньяк, увлекающий женщин. Пускаешь в ход обаяние, улыбаешься, говоришь приятные вещи, а потом запикиваешь бедолаг в багажник машины и отрезаешь им головы в темном лесу.

Чистое помешательство. Что за вздор она мелет? Но Аня только смутно осознавала, что утратила способность мыслить здраво. Ее словно несло течение какого-то бурного потока – голова и так была тяжелой после вчерашних возлияний, на душе кошки скребли, да и это утро, начавшееся с опоздания и автомобильных пробок, не предвещало хорошего дня. Серое небо над головой хмурилось, обещая того и гляди пролиться мелким дождем, и, кажется, он действительно уже начал накрапывать. Аня поежилась под легкой ветровкой и с упреком взглянула на длинного китайца. Внезапно она поняла, что он смотрит на нее как на полоумную.

– Маньяк, отрезающий женщинам головы в темном лесу?! Я?

Турист был потрясен – на его лице появилась забавная гримаса. А потом молодой человек начал смеяться. Он смеялся громко и заразительно, и довольно долго, не в силах остановиться. Он то сгибался, держась за живот, то отвора-

чивался, и Аня видела только его трясущиеся плечи.

– Эй ты, прекрати немедленно!

От досады Аня чуть не заплакала, но он никак не мог перестать смеяться. Тогда в полном смятении она отвернулась и пошла прочь.

– Кретинка, дура, идиотина! – бормотала девушка, чувствуя, как лицо пылает жаром. – Что я наговорила? Надо было такое ляпнуть!

Он быстро догнал ее:

– Подожди! Это просто невероятно!

Теперь он смотрел на нее пристально и как будто недоверчиво.

Аня стряхнула его руку:

– Полегче! Хочешь повеселиться – иди в цирк, а меня оставь в покое. Я опаздываю на работу.

– Проведи со мной вечер. Я тебя приглашаю.

– Что? – Аня непроизвольно отступила, чтобы посмотреть ему в глаза.

В них словно чертики плясали. «Так вот что значит это выражение», – пронеслось в голове, но потом все мысли точно ветром сдуло.

– Дай свой телефон.

– Что?

– Давай, давай. – Он потянул за проводок наушников и выудил из ее кармана телефон. – Roxette? Как мило! И без пароля. Ай-ай-ай, как неосторожно.

В следующую минуту он несколько раз ткнул пальцем в экран. Его мобильник зажужжал, отображая входящий номер.

– Я не китаец и не японец, я кореец. Позвоню после шести. Благодарю за помощь и до встречи!

С этими словами он вложил ей в руку телефон, сел на велосипед и уехал.

День выдался не из легких. Приближался срок сдачи номера, и по дурной традиции начался аврал: споры, беготня, звонки, замена подготовленных материалов, визиты недовольных авторов и прочее в таком же духе. Атмосфера в редакции была наэлектризована до предела. Осьминожка, как и было обещано, явилась, но, к счастью, Анин начальник имел свои источники информации, а потому был на месте уже с восьми утра. Впрочем, это не спасло их от изрядной взбучки. Весь день Аня сидела не поднимая головы, а к вечеру выяснилось, что слетел рекламный материал на целый разворот, и ей пришлось срочно писать обзор в рубрику «Мир путешествий», который планировалось отложить до следующего номера.

В обед позвонила Настя. Аня размешивала растворимое картофельное пюре в пластмассовой кружке и одновременно просматривала верстку нескольких страниц.

– Не можешь выйти?

– Нет, сегодня не получится. Здесь настоящий дурдом, и

Осьминожка не в духе.

Поразмыслив мгновение, Аня все же рассказала подруге об утреннем происшествии.

– Ты что, ввязалась в драку? – недоверчиво переспросила Настя.

– До драки не дошло, но, думаю, если бы он продолжал мямлить и кланяться, эта кикимора могла бы ему и в волосы вцепиться. Настоящая городская сумасшедшая! Угрозило же его именно на такую наехать! Тебе смешно, а мне было не до смеха. Не поверишь, я его обругала, меня просто прорвало... Взвинченная была с утра: проспала, пробки бесконечные, и этот парень такой... с прибабахом.

– Паре-е-ень? – с непередаваемой интонацией протянула Настя. – Так, что за парень, как зовут? Приличный хоть?

– Ты прямо как моя соседка. У нее парни бывают или приличные, или неприличные.

– А этот? Он тебе понравился, что ли?

Аня обмолвилась, что незнакомец узнал номер ее телефона. Настя отреагировала резко и негативно. Как можно, заявила она, давать свой номер первому встречному? Аня назвала обвинения несправедливыми, хотя, честно говоря, не могла отделаться от мысли, что и в самом деле вела себя глупо. Настя требовала подробностей, вспоминала знаменитых психопатов, воображала грядущие ужасы и договорилась до того, что Денис отвезет Аню вечером домой.

– Не глупи, – ответила Аня, несколько озадаченная ее на-

пором. – Я не маленькая. Уже жалею, что тебе рассказала.

– А кому еще тебе рассказывать? Выкладывай-ка подробности!

– Ну... он не русский.

– Боже! Гость из ближнего зарубежья?!

– Из дальнего. Назвался корейцем.

– А на самом деле нет?

– Кто его разберет? Выглядит как азиат. Очень красивый.

– Да ну? – заинтересовалась Настя.

А Аня со смешком добавила:

– Такой, знаешь, как с картинки.

– Ничего удивительного! У них там пластическая хирургия и индустрия красоты на высшем уровне, и даже мужики косметикой всюю пользуются, крема там всякие волшебные, мази... Красивый, говоришь?

– Ага.

– А как зовут?

– Не знаю.

– То есть какой-то смазливый тип узнал у тебя номер телефона, а ты даже имени его не спросила?

– Он сказал, что сегодня позвонит.

– Не смей никуда с ним ходить! Я серьезно.

– Ты ведешь себя как безумная мамаша. К тому же я никуда и не собираюсь, мне бы только до родного дивана добраться. Очень спать хочется.

Настя выразила надежду, что Аня так и поступит – выки-

нет из головы подозрительных иностранцев, и уж точно не вздумает отвечать на звонки с незнакомых номеров, хотя бы ради собственного спокойствия и безопасности.

«Какой же ты можешь быть занудой!» – не без улыбки подумала Аня, но вслух лишь пожелала Насте удачного рабочего дня.

Ближе к вечеру она пила уже четвертую чашку кофе, – для нее это было сверх нормы, но чай у всех неожиданно закончился, а запасы кофе были исчерпаемы. От крепкого растворимого во рту стоял горьковато-кислый вкус. Аня поняла, что еще немного кофеина – и ее начнет тошнить. В восьмом часу, когда, казалось, свобода уже близка, Осьминожка неожиданно созвала летучку и битый час заставляла солировать начальников отделов. Время от времени Аня поглядывала на телефон, гадая: позвонит – не позвонит? Он позвонил в разгар перепалки выпускающего редактора с художественным. Аня прикрыла трубку ладонью и прошептала:

– Не могу говорить. Я на совещании.

– А у вас там жарко! – ответил веселый голос. – Где ты работаешь?

– Не могу говорить!

– Береги себя, не давай в обиду.

Все оставшееся время совещания Аня почти не отрывала взгляда от настенных часов, придя к заключению, что они, должно быть, сломаны. С летучки она вышла с целой уймой новых поручений. Едва сев за компьютер и вперившись в

монитор усталым взглядом, Аня вдруг поняла, что ужасно проголодалась. Поиски в ящиках стола и на забитом всяким хламом подоконнике не привели к желаемому результату – не нашлось даже завалящего сухарика. На ее удачу, девочка-верстальщица поделилась с ней шоколадной плиткой, хотя от сладкого уже мутило не меньше, чем от кофе.

– Сейчас бы кусок колбасы, – мечтательно протянула верстальщица.

Аня кивнула и подумала, что напрасно не спустилась днем в кафе прикупить себе что-нибудь на вечер. В этот момент телефон зажужжал снова. Аня схватила его и вернулась на свое рабочее место.

– Как настроение?

– Спасибо. В порядке.

– Рад это слышать. Очень занята?

– Да.

– Предлагаю расслабиться после работы.

– Что?!

– В твоем голосе я слышу испуг. Я что-то не так сказал? Английский – не мой родной язык.

– Спасибо за приглашение, но я сегодня задержусь допоздна, а потом сразу поеду домой. У меня мало свободного времени, – прибавила Аня.

– Очень жаль. Мне хотелось бы с тобой увидеться.

– Не уверена, что это необходимо. – Она мысленно похвалила себя: это был очень корректный отказ.

После первого звонка утреннего незнакомца Аня пребывала в раздумье. Сейчас же она решила, что все это просто смешно. В ее жизни и так полная неразбериха, не хватало еще этого корейца.

– Я добрался до Музея музыки. Много интересных старинных инструментов, даже есть скрипка Страдивари, правда сына.

В ответ Аня пробормотала что-то неопределенное. Утомительный день давал о себе знать – голова с трудом соображала. Она ведь только что дала ему от ворот поворот, разве нет? При чем здесь скрипка Страдивари?

– Куда и во сколько за тобой приехать?

– Не надо приезжать! У меня вечером дела... да, я иду в гости.

– Понимаю.

Аня готова была поклясться, что он сказал это с улыбкой:

– Ты боишься?

– Какие глупости! Чего мне бояться?

– Я не отрезаю девушками головы в темном лесу. Я очень спокойный, уравновешенный человек. Я был бы рад встретиться. Конечно, в разгар дня и в людном месте.

Анне стало неловко. Чего она, в самом деле, так беспокоится?

– Но я даже не знаю, как тебя зовут.

– Меня зовут Ким Иль У, – ответил он.

Аня взяла листок, карандаш, прижала трубку к плечу и

начала записывать, но в нерешительности остановилась.

– Это пишется в одно слово?

– Ты записываешь мое имя?

– Э-э, понимаешь, только не обижайся, оно прозвучало для меня непривычно. Я и русские-то имена малознакомых людей плохо запоминаю, а твое имя на мой слух – странный набор звуков.

На несколько секунд воцарилось молчание.

«Обиделся?» – подумала Аня.

Но он ответил непринужденно:

– Пишется в три слова. Ким – фамилия. Иль У – мое имя.

– Спасибо, – пробормотала Аня, царапая на бумажке имя корявым почерком, потому что рука непроизвольно дрогнула. – Извини.

– Если ты записываешь имя, значит, мы увидимся?

– Я не уверена...

– А утром выглядела очень уверенной. Я должен тебе кое-что сказать: ко мне следует обращаться «господин Ким» или называть полным именем. Короткая форма, Иль У – только для семьи и близких друзей.

Это была явно шутливая фраза, и чтобы как-то преодолеть неловкость, Аня ответила ему в тон:

– Благодарю за разъяснения, господин Ким... но меня почему-то тянет сказать «товарищ Ким».

Снова короткая пауза.

– Прошу прощения! – пролепетала она, внезапно вспом-

нив из курса истории про разьединенный Корейский полуостров, закрытый коммунистический Север с чередой вождей по фамилии Ким и капиталистический, открытый миру Юг. Надо же быть такой бестактной, не язык, а помело! Может, он как раз из Северной Кореи и сейчас глубоко оскорблен этим нелепым замечанием.

– Я южанин. Мне привычнее обращение «господин».

– Я говорю глупости. Извини. Сегодня у меня нелегкий день, столько работы навалилось... А утреннее происшествие и твой звонок добавляют в мой кошмарный день сложностей.

– Сочувствую. Если ты устала, закончить этот день нужно по-особенному – подняться над проблемами как можно выше.

– Подняться? Что это значит?

– Слышал, тут есть самое высокое здание с рестораном. Любопытно взглянуть.

– Ужин в «Лахта-центре»?

– Да, кажется, так называется эта башня. Когда ты освободишься? Я приеду за тобой.

Прозвучало волшебное слово «ужин», но Аня быстро опомнилась. Одежда, прическа, макияж – все это мгновенно промелькнуло перед ее мысленным взором. На ней были старые джинсы, невзрачная футболка и кроссовки. Волосы стянуты в хвост, потому что утром она не успела помыть голову. Челка стоит дыбом – сколько раз за день она накручи-

вала ее на палец, что за ужасная привычка!

– А-а-а, хорошая идея, спасибо, но я не могу.

– Почему?

– «Лахта-центр» далеко... Нет, я не пойду! – решительно заявила она, но через секунду добавила: – Это не потому, что я чего-то боюсь, просто очень устала и не в настроении.

– Понятно. Хорошо, не буду настаивать.

Аня почувствовала смутное беспокойство от мысли, что он сейчас свернет разговор.

– Может быть, завтра?.. – проговорила она полувопросительно.

– Завтра день будет спокойнее?

– Такой же, но я постараюсь закончить все дела вовремя и не задерживаться.

Он спросил, куда приехать, и Аня назначила встречу у подземного перехода на Невском проспекте возле станции метро «Гостиный Двор».

После того как он попрощался, Аня посидела в задумчивости некоторое время, а потом позвонила Насте. Как и ожидалось, Настя прохладно отнеслась к идее встречи с «этим подозрительным типом».

– Твое постоянное недоверие ко всему на свете... – протянула Аня, выслушав очередную сентенцию о несовершенстве этого мира.

– Он точно нормальный? – спросила Настя.

– Что за вопрос!

– Да у тебя вечно то одно, то другое. Не хватало еще влипнуть в какую-нибудь историю.

– Мы просто погуляем по центру. В конце концов, почему бы и нет? Я уже не помню, когда меня в последний раз звали на свидание. Вадим не в счет.

– Этот придурок точно не в счет. Угораздило же с таким связаться!

– Дело прошлое. Не заводи эту шарманку. Лучше скажи, что надеть?

– Что-нибудь красивое, но не слишком нарядное, чтобы не было заметно, что ты готовилась.

– Джинсы и кроссовки или юбку и туфли?

– Ты в кроссовках косолапишь и шагаешь как grenader, категорически нет! Надень ботинки на каблуках и платье свое, такое приталенное, темно-синее, оно подойдет. И ты это... позванивай мне время от времени. Не доверяю я этим иностранцам. Тем более кореец, прости господи! С чем их едят?

– Ты как всегда! Ладно, завтра созвонимся. У меня сейчас голова не соображает. Надо домой идти, мне еще с Локи гулять. Отложу все дела на завтра, лучше приду пораньше.

– Слушай, Анька, – вдруг сказала Настя, – а ты молодец! Не зацикливаешься на Вадиме. С глаз долой – из сердца вон, и уже новый бойфренд на горизонте. Респект!

– Бойфренд – громко сказано. Так, небольшое свидание. Почему бы нет? Прогуляюсь, развеюсь. В пятницу точно бу-

дем сидеть до ночи, пока все хвосты не подобьем, не сверстаем и не сдадим, так что Иванычу еще придется нас развозить.

– Ну, удачи, подруга. Только учти, послезавтра специально приду в обед, ты спустишься в кафе и все мне подробно расскажешь.

– Так и быть, – согласилась Аня. – От тебя все равно не отвяжешься.

На следующий день Аня пришла на работу на два часа раньше. Редакция была пуста, только парочка аййтишников, по-видимому здесь же и ночевавших, что случалось нередко, болталась в курилке. В комнате отдыха, где стояли микроволновка и несколько столиков, витал аромат кофе. Утренние сборы прошли в спешке, но, зная, что впереди очередной безумный день, Аня взяла с собой косметичку и парфюм. До вечера ее не покидало странное волнение. Она то и дело поглядывала на часы. Утром ей казалось, что минуты ползут неоправданно медленно – до семи было невыносимо далеко, но во второй половине дня время как будто ускорило бег, а после четырех – пустилось в галоп. За оставшиеся часы Ане предстояло переделать еще кучу дел, привести себя в порядок и выскочить из редакции не позднее начала седьмого.

Но освободиться ей удалось лишь без четверти семь. На ходу подкрашивая губы и брызгаясь духами, она окунулась в сырой питерский вечер и быстро зашагала к метро. Ожи-

дание этого необычного свидания весь день будило необъяснимые эмоции, а сейчас ее стали одолевать сомнения. Зачем, спрашивается, она согласилась? Наверное, Настя права. Парень-то странноватый... Подспудно подкралась мысль не делать глупостей и пойти домой – все равно она опаздывает почти на час. Аня всерьез уверяла себя, что из этой встречи ничего путного не выйдет: не такой она человек, чтобы запросто сходиться с людьми, особенно с мужчинами. Тем более (припомнила она Настин тон) – с иностранцами. Благодаря своему образованию, стажировке за границей и работе в англоязычном журнале Аня повидала немало иностранцев, но редко находила привлекательными их менталитет, привычки, мировоззрение, образ жизни и прочее.

Размышляя об этом, она и сама не заметила, как вышла из подземки. К этому времени утренний кураж окончательно испарился, и, сделав несколько шагов к переходу, Аня остановилась. Сначала подумала, что ее не ждут, но потом увидела нового знакомого, – он стоял уткнувшись в телефон и не смотрел по сторонам. Пройди она мимо, пожалуй, и не заметит.

Аня наблюдала за ним несколько секунд, а потом неожиданно повернула назад. Было и смешно от собственной дурости, и беспокойно, и слегка обидно. «Что меня сюда принесло? – с удивлением думала она. – Еще и вырядилась!»

Она опять вошла в вестибюль метро – здесь можно было постоять просто так у газетного киоска, уставившись на раз-

ноцветные газеты-журналы, и подумать. Конечно, не поздно подойти к нему, рассуждала Аня, но дальше рассуждений дело не шло. Ноги точно приросли к полу, и она никак не могла понять, что заставляет ее стоять здесь и досадовать на себя. Взглянула на время: без двадцати восемь. «Он ждет уже сорок минут, и мне надо на что-то решиться... Ладно, – в конце концов, пробормотала Аня, недовольная собой, – если он не ушел, то подойду, а дальше будь что будет!»

Чтобы снова оказаться на улице, ей пришлось обойти кругом вестибюль станции, подняться по лестнице, спуститься и выйти на проспект. На этот раз она решительным шагом направилась к подземному переходу, но молодого человека там уже не было.

Аня растерянно и разочарованно смотрела по сторонам. Минуту или две она топталась на месте, даже не пытаясь понять, что ее так задевает, но тут увидела вчерашнего велосипедиста – он стоял у выхода из метро. Кореец помахал ей, подошел и, здороваясь, поклонился. Аня инстинктивно поклонилась в ответ, почувствовав себя вдобавок ко всему прочему совсем уже глупо.

– Я задержалась на работе, – произнесла она и расстроилась еще больше оттого, что начала с оправданий.

Повисло неловкое молчание. Молодой человек почему-то ничего не говорил, и Аня понятия не имела, что должна сказать. Вдруг вспомнился его безудержный смех, и в голову пришла ужасная догадка: этот парень позабавился от души

вчера и сегодня рассчитывает на то же самое. Полный провал! Надо же было купиться на броскую внешность и дружжелюбный тон, а теперь так глупо попасть впросак! Никогда еще она не испытывала настолько необъяснимого тревожного чувства, как сейчас, стоя рядом с этим человеком. Наконец Аня посмотрела на него и увидела, что он улыбается. У него была поразительная улыбка – завораживающая, мягкая, сладкая, как мед.

– Ты сердишься, – сказал он.

– Неужели?

– Поджала губы, хмуришься, смотришь по сторонам, подумываешь, как бы уйти.

Девушка с независимым видом вскинула голову и положила руку на сумку, перекинутую через плечо. «Точно на эфес шпаги», – неожиданно промелькнуло в голове, и эта нелепая мысль едва не вызвала у нее нервный смехок.

– Какие глупости! Я пришла, хотя не в моих правилах встречаться с незнакомыми людьми.

– Я так и подумал. Итак, наши планы?

– Планы? – Аня была озадачена его нечувствительностью к колким выпадам. – Программу предлагаю я?

– Я не знаю города и не гулял по нему вечером.

– Прогулка по вечернему Петербургу... Что ж, если мы все-таки встретились и я не хочу просидеть вечер в клубе или баре...

– Да, не стоит.

– Хорошо, давай прогуляемся по городу. Тебе понравится.

Она сделала пару шагов, молодой человек присоединился к ней, и они двинулись в сторону Дворцовой площади.

Домой Аня вернулась поздно вечером. Не переодеваясь, только сменив обувь (после целого дня на каблуках ноги немилосердно ныли), вышла на прогулку с Локи, а когда вернулась, легла на диван и долго смотрела в потолок. Из задумчивости ее вывел звонок телефона.

– Ну как? – услышала она Настин голос. – Не утерпела, уж извини. Все нормально? Ты не с ним сейчас, я надеюсь?

– Все нормально. Завтра поговорим.

– Не в настроении?

– Устала, ложусь спать.

– Но тебе хоть понравилось? – спросила Настя, явно рассчитывавшая на более оживленную беседу.

– Да, – сказала Аня. – Мне понравилось.

– Ты с ним поцеловалась?

Невольно улыбаясь, Аня пожелала Насте спокойной ночи, передала привет Денису и закончила разговор.

Когда на следующий день Настя явилась в кафе, расположенное на первом этаже бизнес-центра, еще не было и часа дня. Она заказала плотный обед, чайник чая и села за столик в ожидании подруги. Наконец пришла Аня.

– Ну, рассказывай! – Настя сложила перед собой руки в замок и уставилась на подругу. Глаза ее возбужденно горели.

Аня невольно поморщилась.

– Ты знаешь, я этого не люблю. Да и что я могу тебе рассказать?

– Все по порядку, – уверенно ответила Настя. – А можно самое главное.

– Что – главное?

– Он тебе нравится?

– Да. И ты, кажется, это уже поняла. Зачем спрашивать?

– Ну не злись. Хорошо, расскажи, где вы были и что делали.

– Мы гуляли по городу, потом поели, потом я хотела сесть на метро, но он настоял на такси, заплатил водителю, и я уехала домой.

– С тобой с ума сойти можно! Это рассказ о свидании?!

– Не уверена, что это было свидание. Если честно, я чувствовала себя странно... Поначалу так вообще ужасно. Нервничала и от этого постоянно болтала, – Аня неожиданно обхватила голову руками. – Кошмар! Когда я поняла, что не в состоянии заткнуться, стала рассказывать про город и разные известные места, ну, там: это музей-квартира Пушкина, великого русского поэта. Это Миллионная улица, названная так, потому что здесь строились самые богатые доходные дома. Это Зимний дворец, главная императорская резиденция, сейчас музей Эрмитаж. Это Мраморный дворец, у которого

нет фасада...

– Так, я поняла ваш маршрут, – перебила Настя. – Поработала гидом – и?..

– Ну и все.

– В смысле – все?

– Ты знаешь, он отличный парень. Слушал внимательно, задавал вопросы, шутил. Фотографировал мало.

Аня задумчиво посмотрела на Настю.

– Понимаешь, он какой-то все-таки подозрительный. Меня не покидало ощущение, что он как будто... прячется.

– Прячется? – удивилась Настя.

– Ну да. Он опять был в бейсболке и темной одежде. Я заметила, что он старается избегать людных мест и особенно сторонится своих соотечественников.

Настя скептически хмыкнула, а Аня после паузы сказала:

– Я предложила ему поесть рамен. Это его страшно удивило. Он на меня так посмотрел, что я впала в ступор, подумала, он что-то не то расслышал. Принялась объяснять, что на Невском есть ресторанчик, ну, ты знаешь, во дворике. Сказала, там приличная кухня и по телику крутят клипы каких-то женоподобных мальчиков-певцов. Он очень смутился и засмеялся, и я поняла, что он совсем странный! Честно скажу, в эту минуту опять мелькнула мысль – не сбежать ли мне? Наконец он вроде как заметил, что я в полном замешательстве. Перестал смеяться и попросил прощения. Вот что это было, можешь объяснить? До сих пор не знаю, как рас-

ценивать такое поведение...

– Наверное, есть тебе расхотелось?

– В этой рамённой точно. Он тоже отказался туда идти, ответил, что женоподобные мальчишки его не привлекают, а лапшу он может поесть и дома. Я предложила другие варианты. Он выбрал тихое местечко на Киричной.

– И какие выводы ты из всего этого сделала?

– Мне кажется, он преступник. Не просто так он прячется...

– Что?!

– Он точно не простой человек... Из тех, с которыми никогда не чувствуешь себя в своей тарелке. Он как будто и притягивает, и отталкивает одновременно... Не знаю, как это объяснить. Помнишь, мы с тобой ходили по замерзшему озеру? Делаешь шаг и чувствуешь, как хрустит и подламывается тонкий лед под ногами, и вода проступает. Чистое безумие! Вот я как будто опять прошлась по льду...

– Странные ассоциации, – нахмурилась Настя.

– Мы с тобой тогда быстро выбрались на берег, а если бы продолжили идти? Провалились бы? Как думаешь?

– Думаю, тебе стоит обуздать свое богатое воображение. Что за глупости? Человек не любит толпу, обходит туристические группы и не хочет есть рамён в России. Что тут подозрительного?

– А фотографии? Он почти не фотографировал, а когда я предложила сфотографировать его на фоне достопримеча-

тельностью, он быстро свернул эту тему, так что даже заикаться об этом у меня желания больше не возникало.

– Он был с тобой груб?

– Ничего подобного! Скорее я с ним... Хотя, знаешь, есть в нем что-то для меня непонятное, что-то тревожащее, не знаю, как объяснить... Какая-то нервозность, что ли, но не явная. На самом деле он вел себя вполне свободно, очень естественно, как будто мы сто лет знакомы. Никакой неловкости. И никаких топорных подкатов... Это был такой прекрасный вечер! Сначала я не знала, чего от него ожидать, как себя вести, и дергалась. А потом подумала, что этот дурацкий психоз исходит только от меня, и постаралась успокоиться. Я почему-то уверена, что мне он ничего плохого не сделает.

Настя скептически посмотрела на Аню:

– Сейчас ты меня пугаешь.

– Считаешь, я надумываю?

– Откуда же мне знать? Ты у нас большая фантазерка, порой такого насочиняешь... Может, и на этот раз? Прогулялась с симпатичным парнем – как будто по тонкому льду прошлась? Поменьше читай всякую романтическую дребедень и посмотри на ситуацию трезво. Тебя пригласили на свидание, накормили, отвезли домой, вдобавок лекцию от тебя выслушали. Чего еще? Отличный малый! А уж эта твоя нервозность – мне ли не знать! У тебя просто нет опыта общения с приличными мужчинами. Вечно попадают какие-то кре-

тины.

– Это точно, и они очень быстро дают это понять. Про Илюшу я так сказать не могу.

– Илюшу? – удивилась Настя.

– А, ну да, я так его зову. Он не против, сказал, что это звучит забавно и ласково.

– Ласково? Что-то мне это не нравится...

– О чем ты? – встрепелулась Аня, но сразу сникла. Она сделала несколько глотков остывшего чая и наконец произнесла: – По правде сказать, на этом, видимо, все и закончится.

– Думаешь, не позвонит?

Аня помолчала минуту.

– Когда я уже села в такси, он наклонился, чтобы сказать пару слов, но несколько мгновений просто смотрел на меня. Меня аж в жар бросило. Наверное, я стала красной, как помидор, чего-то тараторила, махала на прощание... В общем, как вспомню... просто кошмар. Он сказал только: «Спасибо за интересную экскурсию». Улыбнулся этой своей убийственной улыбкой и захлопнул дверцу машины. Я уехала.

– И все? – разочарованно протянула Настя.

Аня кивнула.

– Я сейчас прокручиваю в голове весь этот вечер и бешусь оттого, что вела себя как дура. Не то делала, не то говорила. Это меня с ума сводит! Думаешь, я совсем ему не понравилась?

– Ну ты и вопросы задаешь! По твоему описанию этот Илюша прямо полубог. Даже любопытно стало... У таких запросы – сама знаешь!

– Нет, я не про то! Он просто очень живой, непосредственный, красивый...

– Анька! – Настя снова посмотрела на нее с подозрением. – А ты, случайно, не влюбилась?

– Не знаю...

– Ну ты даешь! Два раза в жизни видела какого-то залетного туриста, который сегодня здесь, а завтра тю-тю в свой Сеул. Да ты с ума сошла!

– Точно, что-то со мной не в порядке. Я не могу ни о чем думать, ничего делать, у меня стоит перед глазами его лицо и этот его взгляд. Представляешь, у него глаза совсем темные, без зрачков. Я это увидела там, в такси. Наверное, просто было такое освещение, на самом деле они должны быть карими, как думаешь?

– Я думаю, что дело плохо. Если он не впечатлился твоим обществом, больше ты его не увидишь. А если он все-таки позвонит и вы еще раз встретитесь – продлится это недолго. Когда-нибудь он уедет, а ты останешься.

– То есть я в любом случае буду пострадавшей стороной?

– Кажется, это уже так.

– Раз исход один, я бы предпочла второй вариант, – пробормотала Аня.

– Вообще, я слышала, что азиаты не очень-то любят свя-

зываются с европейцами. Они предпочитают своих девушек.

– Вот уж неправда! К тому же я не европейка, а русская.

– Это, по-твоему, меняет дело? Может, у него в голове одни предрассудки и он думает, что ты держишь дома ручного медведя и пьешь водку за завтраком, обедом и ужином.

Аня недовольно взглянула на Настю.

– Слушай, а насчет этих твоих смутных сомнений... – продолжила Настя как ни в чем не бывало. – Может, он вообще за другую лигу играет и тебе не стоит расстраиваться?

Не дождавшись ответа, она с досадой воскликнула:

– Почему ты его хотя бы не сфотографировала тайком?! Загуглили бы фото, а вдруг он в международном розыске.

– Что ты несешь?!

– А что? Всякое бывает. Очаровательный молодой человек соблазняет девушек, предлагает заграничное путешествие, а там эти девушки оказываются в сексуальном рабстве!

Аня фыркнула, вспомнив трясущегося от смеха Илюшу.

– Ну посмотри на меня, какое сексуальное рабство? У меня что, модельная внешность или грудь пятого размера?

Настя состроила гримасу и, соглашаясь, покивала.

– Да уж, извини, на эту роль ты не тянешь. Вряд ли он стал бы ради тебя так заморачиваться. Хотя он и не заморачивается! – убежденно закончила она. – Даже «до свидания» не сказал.

Аня уронила отяжелевшую голову на руки. Вид у нее был

потерянный. Глядя на скорбную позу подруги, Настя не на шутку забеспокоилась. Кажется, дело принимало более серьезный оборот, чем ей казалось, и это было неприятное открытие.

– А чем он занимается?

– Не знаю. Мы об этом не говорили.

Настя очень удивилась:

– Как? Ты даже не узнала, кто он такой? Живет здесь, учится, приехал в отпуск... Да мало ли что? Такие вещи выясняют первым делом.

– Я даже не подумала об этом.

– Подруга, ну ты странная! Ох какая странная!

– Нет, подожди... Я спросила, где он так хорошо выучил английский. Он ответил, что с детства мечтал о небе, но стать летчиком не позволило здоровье, поэтому учился на бортпроводника в институте гражданской авиации, кажется так.

– Так он бортпроводник? Летает на международных рейсах?

Аня пожала плечами:

– Мне кажется, он говорил о своей профессии в прошедшем времени.

– Кажется или в прошедшем? Отличный был шанс все выяснить!

Аня примирительно улыбнулась.

– Согласна, надо было расспросить его обо всем, но как-то к слову не пришлось... – она задумчиво нахмурилась. – У

меня было такое странное ощущение близости, когда глупые анкетные вопросы совершенно не нужны.

– Ой, беда, беда, – Настя без тени улыбки смотрела на Аню. – Всего один вечер в компании Илюши, и твои мозги превратились в кисель. Дело, конечно, твое, но лучше бы этот вечер остался единственным.

– Почему?

– А ты не понимаешь?

– У тебя есть Денис! – с обидой возразила Аня. – А я что, не имею право на счастье?

– Счастье? С кем, Анют? С заезжим иностранцем, о котором ничего не знаешь? Ты даже не знаешь, настоящее ли он тебе имя назвал. С другой стороны, назовись он Хон Гиль Доном^{1*}, ты бы и этому поверила.

– Кем?

Вместо ответа Настя с досадой махнула рукой.

– Слушай, а может, дело в менталитете? – опять начала Аня. – Ну, Восток – дело тонкое и все такое. Много ты знаешь об азиатах? Может, у них там свои обычаи и представления, как проводить свидания?

– Об этом лучше мою тетку спроси. Она с утра до вечера в своей кофейне крутит азиатские передачи и фильмы. У нее там даже своего рода клуб образовался – из странных дамо-

¹ * *Хон Гиль Дон* – главный герой одноименного северокорейского боевика 1986 г., в основу которого лег средневековый роман «Сказание о Хон Гильдоне» Хо Гюна.

чек «кому за», таких же азиоманок. – Настя с иронией покачала головой, а Аня посмотрела на нее укоризненно.

– Что ж, – примирительно сказала Настя, – если ты ему понравилась, он обязательно позвонит. Вопрос в другом: нужно ли тебе это?

– Не знаю, – отозвалась Аня.

– Господи, откуда он только свалился на твою голову?

Аня молча смотрела в чайную чашку. Потом тряхнула головой и попыталась изобразить улыбку:

– Ладно, проехали. Нет так нет. Все проходит, и это пройдет.

Сквозь сон настойчиво пробивался какой-то звук – монотонный противный трезвон. Аня не могла решить: почему звонит будильник? Не открывая глаз, она протянула руку и стала шарить по полу в поисках телефона. Нащупав его, поняла, что он не только истошно орет, но еще и вибрирует, а значит, это не будильник, а звонок. Ну что за гады ее коллеги, знают же, что она ушла с работы за полночь, а сегодня суббота! Аня провела пальцем по экрану и, не отрывая голову от подушки, положила телефон на ухо.

– Да-а-а... – Голос прозвучал протяжно и хрипло.

– Ты спишь?

Аня подскочила так резко, точно ее прошил электрический разряд. Телефон описал дугу в воздухе, с грохотом упал на пол и погас.

От неожиданности и сильного волнения Аня довольно неловко скатилась с дивана. Подобрала телефон, и через мгновение он зазвонил снова.

– Доброе утро. Кажется, я тебя разбудил? Очень сожалею.

– Все в порядке.

– Что за шум? Что-то упало?

– Телефон выскользнул из рук. Я не ждала звонков утром в субботу.

– Уже почти восемь. Я подумал, раз у меня свободный день, лучше не терять ни одной минуты. Что скажешь?

– Э-э-э... – Аня подняла взгляд и увидела свое отражение в зеркале: всклокоченные волосы, красное от жаркой волны лицо, сощуренные спросонья глаза.

– Понятно, ты еще не проснулась. Диктуй адрес, я приеду.

– Что?! – Аня вскочила на ноги и теперь маячила в зеркале целиком. В кошмарной пижаме в розовый горошек.

– Я не понял.

– Приедешь? Когда?.. Зачем?..

– У меня на этот день большие планы. У тебя есть час, говори адрес.

Отпущенный час прошел как в угаре. То, как она намыливала голову, рылась в шкафу, рвала колготки, попадала тушью в глаз, роняла плойку и все-таки прожгла что-то уютным, смахивало на сюжет старомодной комедии.

Когда на часах было девять и телефон снова зазвонил, появился Локи, который все это время отсиживался на кухне.

– Ты готова? – спросил Илюша.

– Да, но, понимаешь, я не успела погулять с собакой.

– У тебя есть собака? Тогда погуляем с ней вместе, а потом поедем.

Между кроссовками и туфлями Аня, не задумываясь, выбрала последнее. Спускаясь в лифте, она сделала несколько глубоких вдохов и постаралась успокоиться. Как ни удивительно, ей это удалось. Выйдя из парадной и увидев стоящего возле такси Илюшу, она смогла приветливо поздороваться и улыбнуться.

Он был в той же бейсболке, но солнечные очки держал в руке. Это почему-то очень обрадовало Аню, и она на самом деле почувствовала себя увереннее.

– Почему у тебя правый глаз такой красный? Ты плакала или заболела?

Да чтоб тебя! Разве настоящую уверенность можно разрушить таким невинным вопросом?

– Что-то в глаз попало... скоро пройдет.

Он улыбнулся и переключил внимание на Локи, который махал хвостом и тянул поводок то в одну сторону, то в другую

– Какой милый пес! Похож на Атика, собаку моего друга, – Илюша присел и потрепал Локи за ухом, и тот замахал пушистым хвостом с удвоенной силой. – Где вы гуляете?

– Здесь неподалеку, в парке. Надо отпустить такси.

– Почему?

Аня удивилась.

– Очень дорого, если такси будет ждать, а потом еще куда-то нас повезет.

Илюша сказал, что волноваться не о чем, открыл заднюю дверцу машины и вытащил оттуда два бумажных стаканчика с кофе. Аня поблагодарила, взяла стаканчик и, чтобы как-то скрыть волнение, пошла вперед. Спасибо Локи – он не стоял на месте, а уже устремился по своему привычному маршруту, прижав нос к земле.

Илюша выглядел задумчивым и погруженным в себя. Допив кофе, он сунул руки в карманы и шел, поглядывая на пробивающееся сквозь багряную листву солнце, с удовольствием вдыхал утренний, прихваченный морозом воздух. Он молчал, но это Аню не тяготило. Идти рядом с ним было приятно и как-то естественно, словно это часть их повседневной жизни – вот так, не спеша, брести вместе по осеннему парку, обмениваться редкими фразами и присматривать за собакой. Аня рассказала, что Локи ей подарили, а назвала она его так из любви к скандинавской мифологии. На вопрос, почему не греческой или римской, ответила, что скандинавский эпос – брутальный и страстный и его герои вызывают у нее больше сочувствия, чем сонм олимпийских бездельников, которые только и делали, что греховодили да вредили смертным. Илюша признался, что в этой области не силен, хотя недавно был в Мариинском театре на опере «Гибель богов».

– Наверное, тебе нравится Вагнер? – спросил он.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что он brutальный и страстный.

Аня рассмеялась, наслаждаясь мягким солнечным светом. Свет отражался в Илюшиных темных очках, золотистыми бликами играл на металлических застежках ее куртки и приятно грел руку, в которой она несла свой недопитый кофе.

Такси ожидало на прежнем месте. «Интересно, как он договорился с водителем?» – подумала Аня, направляясь к парадной.

– Я заметил, что местные девушки очень любят туфли на каблуках, – неожиданно сказал Илюша.

Аня остановилась и с удивлением посмотрела на него.

– Ты надеваешь туфли, чтобы погулять с собакой?

– Предполагалось, что я пойду рядом с тобой, а ты высокий.

Он улыбнулся своей удивительной улыбкой.

– Смени обувь на удобную. Тебе не обязательно до меня дотягиваться. Я могу наклониться к тебе.

Когда Аня снова вышла на улицу, Илюша стоял поодаль от машины и разговаривал по телефону. Разговор шел на незнакомом ей языке и, судя по всему, был малоприятным. Заметив девушку, Илюша сказал несколько прощальных фраз и нажал отбой.

– Все в порядке?

– Да, наши планы не изменились.

– А какие у нас планы?

– Поедем в парк развлечений.

– Куда? – удивилась Аня.

– Это моя мечта! Я лет десять или даже больше не был на аттракционах.

– Почему? В твоей стране их нет?

– Очень много.

– И что мешало тебе туда сходить?

– Как-то не складывалось.

Аня бросила на него быстрый взгляд.

– Моя подруга говорит, что ты очень странный, – заметила она.

– Ты рассказала обо мне подруге?

– Да.

Илюша задумался.

– Знаешь, я тоже считаю, что ты странная.

– Все-таки это разница менталитетов, – серьезно ответила Аня. – Наверняка нам друг в друге кажутся странными самые обычные вещи.

Усевшись в машину, Аня сообщила водителю, что они поедут на Крестовский остров, потом посмотрела на Илюшу и внезапно воскликнула:

– Боже! Что у тебя на голове?

Он испуганно дернулся.

– На мне кто-то сидит?!

– Да тебя сейчас удар хватит, – Аня постаралась скрыть улыбку, но это плохо получилось. – Насекомых боишься? Никто на тебе не сидит, успокойся. Но зачем ты так причесался?

Ей действительно было чему удивляться – все волосы от макушки он зачесал на лоб. Аня никогда не видела такой необычной прически, больше всего она напоминала стрижку «под горшок».

– Тебе не нравится?

– Это ужасно!

Молодой человек был обескуражен. Он заметно смутился и что-то пробормотал.

– Это мода такая? – не унималась Аня. – Не представляю, кого может украсить опущенная на лоб густая челка? Ты выглядишь ну очень забавно!

– Эй! – возмутился он.

Больше не сдерживаясь, Аня расхохоталась:

– Ой, не могу! Надень бейсболку или сделай что-нибудь с волосами.

В ответ он уже гораздо громче сказал что-то на своем тарбарском языке и резким движением всей пятерней убрал челку со лба.

– Теперь довольна?

Аня смеялась, прикрывшись ладонями.

– Прости! Не хотела тебя обидеть...

Он насупился, отвернулся и уставился в окно.

Аня посмотрела на него с раскаянием.

– Илюша, извини, пожалуйста...

– Я показался тебе смешным?

– Не сердись, – она дотронулась до его плеча, но почувствовала, как он вздрогнул, и немедленно убрала руку.

«Азиаты не любят прикосновений! – вспыхнула мысль. – Просто кланяются друг другу при встрече, кажется, даже руки не пожимают».

– Извини, – искренне произнесла она, ругая себя за глупую выходку.

Несколько минут они ехали в молчании. Аня прикинула, что от ее дома до Крестовского острова минут сорок пути, если не будет пробок, за это время можно постараться аккуратно расспросить Илюшу о его жизни и занятиях. В конце концов, Настя права: нельзя же быть наивной дуручкой и с бухты-баряхты довериться незнакомому человеку. Надо начать с чего-нибудь легкого, ненавязчиво задать один-два простых вопроса, а там как дело пойдет.

Решив приступить к расспросам, она взглянула на своего спутника и обнаружила, что он по-прежнему смотрит в окно. Вид у него был мрачный и отрешенный. Девушка машинально протянула к нему руку, но отдернула еще быстрее, чем в первый раз, так и не коснувшись. Илюша повернулся к ней.

– Не знала, что ты такой обидчивый. Я правда не хотела быть бестактной, извини меня.

– Что? О чем ты?

Аня растерялась.

– Ты не обиделся?

Мгновение он смотрел на нее, потом протянул руку ладонью вверх:

– Дай мне свою руку.

Она тотчас это сделала. Он сжал ее пальцы и несколько секунд держал так, потом отпустил.

– Что с тобой, Илюша? Я беспокоюсь.

– Все в порядке... Нет, не в порядке, – он стиснул рукой лоб и нахмурился.

– Голова резко заболела? Надо быстро потерять виски, и все пройдет, вот так. – Она обхватила пальцами его голову и надавила на виски.

– Что ты делаешь? – от неожиданности и удивления Илюша сказал это на родном языке.

– Не дергайся. Я чувствую, как ты дрожишь, – еще не хватало заболеть! У тебя было хорошее настроение, и сейчас мы его вернем. Поверь мне, я знаю, что делать: всего лишь легкими движениями помассировать виски, а еще лучше – натереть их укусом. К сожалению, сейчас укуса нет, но и без него поможет. Я часто так делаю, когда болит голова, – не люблю таблетки. Ну как, лучше? – Она слегка отклонилась, чтобы посмотреть на него.

– Спасибо, – он мягко, но решительно отвел ее руки от своей головы. – Не знаю, что мне думать – ты глупая или совсем наивная?

– Что? – опешила Аня, внезапно испугавшись. – Что ты говоришь?

– Пожалуйста, не бойся, – он повернулся к ней всем корпусом. – Хотелось бы знать, что ты обо мне вообразила. Может быть, когда-нибудь расскажешь. Но поверь, я не плохой человек и, что бы случайно ни сказал или ни сделал, не причиню тебе вреда. Сегодня я хочу всего лишь отбросить все заботы и переживания и даже не вспоминать о здоровом смысле.

– Я никогда не забываю о здоровом смысле, – пробормотала Аня, встревоженная еще больше его словами.

– Тогда обещай, что твоего здравого смысла хватит на нас обоих, ведь я хочу провести этот день с тобой. И все последующие дни, которые у меня остались.

– Которые остались?.. – Аню поразила ужасная догадка. – О чем ты? Надеюсь, ты не... не болен? Какой-нибудь смертельной болезнью?

Илюша вдруг ласково погладил ее по волосам. Аня почувствовала, как сердце подскочило в груди.

– Нет, это было бы слишком драматично, как в каком-нибудь плохом фильме. Все проще – я возвращаюсь домой.

– Уезжаешь? – спросила она. – Когда?

– Осталось всего несколько дней.

Аня опустила взгляд на руки, стиснутые на коленях.

– И не вернешься?

– Я вообще не планировал сюда приезжать. Спонтанное

решение. Последние три года, и даже больше, были очень тяжелыми для меня, я с трудом их пережил. Теперь вернуть и удержать то, что я потерял, почти невозможно. Впервые за много лет я обрел свободу, а она оказалась страшнее самой глубокой бездны, – он усмехнулся, но, взглянув на Аню, поспешил добавить: – Прошу, не смотри на меня с такой тревогой. Я не псих, просто болтаю, что в голову взбредет, и доволен этим. Как же это классно – говорить и делать что хочется и не думать об условностях!

– Да, – отозвалась Аня в растерянности, но больше не прибавила ни слова. Илюша держался непринужденно, но она вдруг отчетливо вспомнила с ним встречу у метро и снова испытала тревожное и смутное предчувствие – и почему-то вдруг необъяснимое сожаление.

– Мне скучно, – говорил он, не замечая ее настроения. – Ощутить себя живым, получить эмоциональный заряд, увидеть и прочувствовать что-то новое, – в этом есть для меня смысл? Не знаю. Не знаю, способен ли я на перерождение. С таким же успехом мой добрый друг, который меня сюда пригласил, мог посоветовать мне полететь в космос. Но все-таки Россия оказалась ближе, чем Луна, хотя я и не вижу между ними большой разницы.

Аня вгляделась в его лицо. На его губах блуждала легкая усмешка, слишком холодная и отстраненная, чтобы сулить обещание тепла и надежды. Он умолк.

– И ты нашел здесь то, что искал?

– Кто знает...

Это был короткий ответ, но Аня больше не задавала вопросов. У нее в голове словно зажегся стоп-сигнал. Еще минуту назад она хотела о многом расспросить этого необычного молодого человека, который так внезапно и глубоко задал ей в душу, постараться стать к нему ближе, найти с ним общие интересы. Сейчас это потеряло всякий смысл. Какая разница, кто он, чем живет, что испытал и что теперь ищет, если совсем скоро он вернется туда, откуда приехал? Он сказал об этом просто и спокойно. Сказал без сожаления. Ее поразила мысль, что она была для этого парня всего лишь экзотическим приключением, девушкой из незнакомой страны, которую он считал такой же запредельной, как Луна. Она, Аня, была бесконечно далека от его реальной жизни. Ее чувства, сомнения, переживания, ее робкие надежды на будущее обернулись глупой шуткой. Аня украдкой взглянула на Илюшу. Он расслабленно откинулся на спинку сиденья. Но именно в этот момент горького прозрения, осознав, насколько недостижим сидящий рядом человек, Аня наиболее остро ощутила его присутствие. Охватила взглядом его целиком – обтянутые джинсами бедра, крупные сильные руки, разворот плеч. Жаркая волна прокатилась по всему телу. Как она могла только что дотрагиваться до него? До его волос, его кожи? Аня отвернула пылающее лицо к окну, с ужасом ощущая, как на глаза наворачиваются слезы.

Илюша окликнул ее, удивленный молчанием.

– Я посижу чуть-чуть с закрытыми глазами, – ответила она, не поворачиваясь. – Ты рано разбудил меня, я не выспалась.

– Ты первая девушка, которая в моем присутствии предпочитает вздремнуть, вместо того чтобы общаться со мной, – заметил он. – Так способна поступить только обитательница Луны.

Когда они вышли из машины, у Илюши снова зазвонил телефон, и, разговаривая, он слегка отстал. Аня получила короткую передышку, чтобы успокоиться и взять себя в руки. Слезы на ветру быстро высохли, а глаза и до того были красными. «Скоро это пройдет, – думала она. – Надо быть благодарной за то, что тебе дается». Аня часто повторяла эту фразу, пока та не стала ее личной волшебной формулой счастья. На свете столько недоступных вещей, столько несбыточных желаний. Существуют такие вершины, до которых тебе ни за что не добраться, в то время как на твоих глазах другие уверенно идут к ним. Парадокс заключался в том, что у любого человека есть такая вершина, на которую кто-то завистливо смотрит снизу и с которой он сам с завистью взирает наверх. «Надо быть благодарной за то, что мне дается, – бормотала Аня. – Он позвонил, сказал, что хочет провести со мной время. Наверное, рассчитывает еще на одну экскурсию, так почему бы и нет?..»

Когда Илюша догнал ее, она встретила его искренней

улыбкой – ничто не помешает ей радоваться сегодняшнему дню! Который к тому же выдался солнечным и теплым.

Несмотря на ранний час, в парке было многолюдно. Стоял характерный гомон, сотканный из детских криков и смеха, и откуда-то с небес, издали доносились визги тех, кто совершал крутые виражи на всевозможных аттракционах. Илюша осматривался с явным удовольствием.

– Прекрасно! Сколько же лет я не был в таком месте! Будем есть мороженое и развлекаться!

Когда он это сказал, Аня вдруг осознала, что у нее вряд ли получится быть благодарной за поездку именно сюда. В последний раз она посещала парк развлечений несколько лет назад с однокурсницами и очень пожалела тогда, что пришла. Ей, отчаянной трусихе со слабым вестибулярным аппаратом, на половину каруселей путь был заказан, а на другую она сама ни за что не хотела идти. Настоящим позором для нее стал аттракцион с перемещающимися на пятиметровой высоте машинками. По роковой случайности Аня села одна, и ей самой пришлось крутить педали, чтобы двигаться вперед. Проклятая машинка так скрипела и клонилась набок, что несчастная девушка не могла заставить себя шевелить ногами. Особенно ее ужасали повороты и гулкий шум удара, когда ее догоняли едущие следом, поскольку она застопорила все движение по рельсам. После этого Аню уговорили прокатиться на колесе обозрения. Она согласилась только потому, что кабинки были закрытыми, но и это не спас-

ло от неприятных ощущений. Кончилось тем, что она стояла и держала сумки подружек, пока те крутились и визжали на «Шейкере», «Бустере», «Шторме» и прочих качелях.

Сейчас, глядя на развлекательные конструкции, напоминавшие нечто среднее между марсианскими кораблями из романа Герберта Уэллса и строительными кранами, Аня поняла, что пропала.

– А что тебе больше нравится? – осторожно спросила она Илюшу, который бодрым шагом направлялся в самую гущу толпы в поисках информационных стендов и касс.

– Все, но ты можешь выбрать.

– Знаешь, я не очень хорошо переношу карусели, – призналась она. – У меня кружится голова и тошнит.

Илюша остановился, не сумев скрыть разочарования. Но Аня огорчилась еще больше, увидев выражение его лица. Неожиданно для самой себя, подчиняясь какому-то необъяснимому порыву, она сказала:

– Я пойду с тобой на те аттракционы, где не надо крутиться.

Илюша осмотрелся, его взгляд замер на катапульте, которая выстреливала ядром с сидящими внутри людьми метров на восемьдесят вверх, и на паре-тройке американских горок.

– Послушай! Хочешь пострелять? – с преувеличенным энтузиазмом предложила Аня. – Тут есть отличный аттракцион в павильоне. Пойдем, тебе понравится!

За пещерой с «космическими пришельцами», в которой

нужно было пулять из «лазера» и где они с Илюшей оказались одни среди детей с мамами и подростков, последовал автодром. Аня водила из рук вон плохо и постоянно в кого-то въезжала. Илюша с такой силой давил на педаль и выворачивал руль с такой ловкостью, что за отпущенные минуты объехал всю площадку несколько раз и ни с кем не столкнулся. Потом они плавали на резиновых утках, и Илюшу это очень веселило. Затем настала очередь злополучных машинок. Илюша взял управление на себя и развил приличную скорость. Машинки по-прежнему тряслись и кренились. Аня сидела не шевелясь и старалась не смотреть вниз.

После небольшого перерыва на мороженое и кофе они забрели на детскую половину парка, и Илюша уговорил Аню прокатиться на аттракционе, представлявшем собой домик Элли, унесенный ураганом. Аня вышла оттуда пошатываясь и с гудящей головой, но Илюша был счастлив, как ребенок.

Он купил им по большому засахаренному яблоку на палочке. Есть его было невозможно. Через пять минут, когда все Анино лицо было в кокосовой стружке, а руки липкие, словно вымазанные в патоке, она заявила, что не в состоянии это съесть.

– Я против того, чтобы выбрасывать еду, – сказал Илюша, прекрасно справляясь со своей порцией. Каким-то чудом он уже умял пол-яблока и умудрился остаться чистым.

– Это невкусно. Не будь занудой, дай мне от него избавиться.

– Ни в коем случае.

– Как ты можешь есть эту гадость? Я выкидываю.

– Эй! Это мой подарок!

– Да ты смеешься!

Анино восклицание прозвучало под жужжание очередного звонка Илюшиного мобильного. Молодой человек с досадой взглянул на телефон и засунул его обратно в карман.

– Кто это тебе постоянно названивает?

– Мой добрый, но излишне беспокойный друг, – с усмешкой сказал он.

– Зачем? Что ему надо?

– Просит не делать глупостей и возвращаться назад. Однако я намерен следовать только своим чувствам и желаниям. Хочу наконец делать абсолютно все, что хочется.

Аня с подозрением посмотрела на него:

– А не улизнул ли ты из-под какой-нибудь опеки? Не дай бог медицинской? Или полицейского надзора?

Илюша засмеялся.

– Как я уже сказал, я не псих. И не больной, если ты об этом, хотя, бог свидетель, мне плевать на завтрашний день, чтобы он мне ни готовил. Это необычно – я в чужой стране, на многолюдном аттракционе, ем странную еду и общаюсь с девушкой, которая сомневается во мне и подозревает во всех грехах смертных. Может быть, ты на самом деле мой ангел-спаситель? Или коварная кумихо, от которой приму окончательную погибель? Что скажешь?

– Это цитата какая-то, что ли?

– Это правда жизни, беби, – и он снова засмеялся, хотя Аня не видела здесь ничего смешного.

– Так и быть, – сказал Илюша, переходя на деловой тон, – можешь выбросить яблоко, но за это кое-что сделаешь для меня.

– Это шантаж?

– Поторгуемся.

– Я чувствую подвох.

– Следующий аттракцион выбираю я.

Аня посмотрела на отвратительное яблоко. Оно было тяжелое, холодное и дико сладкое. От него страшно хотелось пить.

– Я знаю, чего ты хочешь, – с досадой пробормотала де-вушка, – но, наверное, никогда не смогу понять почему.

– Это опасность, граничащая с наслаждением, волнение и выброс адреналина.

Аня исподлобья взглянула на Илюшу. Господи, что она делает? Зачем? Почему? Кажется, она и правда не в своем уме.

– Хорошо! Но учти – мне очень страшно, и если я умру от разрыва сердца, ты будешь виноват.

– Договорились! – смеясь, он забрал у нее яблоко и выкинул в урну.

Когда они вернулись в центральную часть парка, Илюша остановился в раздумье. Аня уже чувствовала подступаю-

щую к горлу тошноту. Выбирать предстояло между несколькими пугающего вида аттракционами. Один из них походил на сорокаметровый башенный кран с прицепленной к стреле ракетой. Другой вариант – качели на головокружительной высоте. Анне показалось, что они взлетают над землей еще выше ракеты. Чуть дальше располагалось огромное светящееся колесо, совершавшее обороты в триста шестьдесят градусов. Рядом с ним летающая тарелка и нечто похожее на буровую установку с расположенными по граням сиденьями. Сиденья сначала медленно поднимались к верхушке, а потом резко летели вниз под отчаянный визг сумасшедших, которым захотелось пощекотать нервы. Выбирая, Илюша задержал взгляд на жуткой катапульте и американских горках.

Аттракционы представлялись Анне настоящей пыткой. Она искренне не понимала людей, которые по доброй воле подвергают себя таким экстремальным испытаниям. Ничего кроме ужаса эти ракеты, горки, качели и катапульты у нее не вызывали. Но как же теперь быть, когда исчерпаны все детские развлечения и она уже не в силах отвлечь Илюшу от того, ради чего он сюда пришел?

– Летающего домика Элли с тебя хватило. Карусели отпадают. Будем кататься на горках. Жаль, они здесь не самые большие из тех, что я видел, – с огорчением добавил он и наконец сделал выбор: – Вон та подойдет. Идем посмотрим, что про нее написано.

Когда они подошли к одним из американских горок, кото-

рая, подобно спруту, раскинула извивающиеся стальные щупальца на огромной территории лесопарка, Аня остановилась перед информационной табличкой и несколько минут молча смотрела на нее. Наконец она перевела Илюше, что этот аттракцион один из самых масштабных в стране. Его отличает пневмозапуск с последующим разгоном до ста километров в час за две секунды. Посетителям обещали резкие спуски, вращение, свободное падение, крутые виражи и десять непрерывных мертвых петель.

Илюша весело подмигнул:

– Спорим, ты здесь ни разу не каталась?

– Нет, – ответила она, обводя взглядом железного монстра.

С земли все казалось не таким уж и пугающим. «Несколько раз придется перевернуться вниз головой, – подумала Аня, – но я закрою глаза. Если ничего не буду видеть, то и страшно не будет».

Все же она с облегчением вздохнула, когда прямо перед ними закончилась очередная посадка и они оказались первыми в очереди. В ожидании Илюша облокотился на ограждение, некоторое время наблюдал за движением вагонеток, а потом переключил внимание на телефон, получив несколько СМС-сообщений подряд. Но Аня не отрывала взгляда от стремительного полета поезда – он взлетал по наклонной вверх, затем почти вертикально устремлялся вниз, несколько раз пропадал из вида, а когда появлялся снова, закручи-

вался кольцами, как змея. Длилось это недолго. К концу поезд сбавлял темп и медленно подползал к месту посадки.

Илюша убрал телефон во внутренний карман куртки и посмотрел на спутницу.

– Тебе лучше перевесить сумку через плечо и вынуть мелочь из карманов.

Аня послушно проделала все это.

– Не волнуйся, будет здорово! Идем!

– Мы сядем впереди? – Аня вдруг поняла, что им предстоит сидеть во главе состава, обернулась, но остальные места уже были заняты.

– Конечно! Здесь лучше всего. Запрыгивай.

Сотрудник аттракциона начал обход, проверяя, надежно ли закреплена защита пассажиров. Когда он наклонился над Аней, туго затягивая ремень безопасности и опуская на ее плечи железные поручни, она посмотрела на Илюшу. Он встретил ее взгляд с удивлением и без улыбки. Но говорить и делать что-либо было уже поздно. Их кабинку проверили последней, сотрудник покинул площадку, и движение началось.

Вагонетки медленно поползли в гору. Стволы, а потом и верхушки деревьев на глазах уходили вниз, и Аня почувствовала, как внутри у нее все холодеет. Когда вагонетки достигли высшей точки, они на мгновение зависли на краю, где-то между небом и землей. Впереди зияла пустота, и вдруг Аня будто сорвалась с зыбкой опоры, опрокинулась и стре-

нительно полетела в эту бездну на бешеной скорости. В уши ударил дружный визг и уже не умолкал, потому что вагонетки стало крутить и подбрасывать то вверх, то вниз. Аню парализовало. Она не могла кричать. Она даже не могла закрыть глаза и с ужасом смотрела, как мир переворачивается, земля и небо меняются местами, а все окружающие предметы превращаются в пестрый тошнотворный вихрь. Через несколько секунд пришло осознание происходящего, и девушку накрыла паника. Мощный ветер бил в лицо, Анне стало казаться, что сейчас вагонетка сорвется с рельс или разомкнутся крепления и ей придется падать с большой высоты через стальные конструкции. Она опустила голову, зажмурилась, вцепилась в поручни мертвой хваткой и желала только одного: чтобы все скорее закончилось.

Очнувшись она от легких хлопков по щекам и от того, что кто-то пытается оторвать ее руки от поручней. Когда она открыла глаза, Илюша молча, но очень быстро освободил ее от креплений, схватил под мышки и заставил подняться. Шатаясь, они спустились с помоста, но возле ограды у Ани так затряслись колени, что несколько минут она не могла сделать и шагу. Илюша терпеливо ждал, потом, не заметив нигде свободной скамейки, отвел девушку в сторону и прислонил спиной к дереву. Лицо молодого человека оказалось так близко, что Аня увидела его глаза: в лучах пробивающего сквозь листву солнца они были ярко-карими, как темный янтарь.

– Прости меня, прости, – пробормотал он. – Дорогая, ми-

лая, я виноват!

Аня вжалась в дерево от изумления. Илюша наклонился и поцеловал ее. Несколько мгновений ей казалось, что ее парализовало во второй раз, а потом как будто во второй раз за день ударило током. Аня воспринимала Илюшины прикосновения каждой клеточкой тела. Никогда в жизни от близости мужчины она не испытывала такого острого чувства наслаждения, волнения и выброса адреналина. Кровь прилила к ее щекам. Сердце стучало так, что, казалось, пульсирует в голове.

Некоторое время спустя Илюша стоял молча, обняв ее, потом сказал:

– Пойдем, я напою тебя чем-нибудь горячим, и тебе надо поесть.

– Я не хочу есть...

– Совсем недавно у тебя было абсолютно белое лицо, как у мертвеца. И с утра ты ничего не ела, кроме кофе, мороженого и засахаренного яблока.

Аня подняла взгляд.

– Илюша, я...

– Ничего не говори, – он улыбнулся своей чудесной улыбкой. – Я больше никогда не сделаю того, что может тебя напугать, или того, чего ты не хочешь.

Он взял ее за руку и повел на оживленную аллею парка.

Аня находилась в полном замешательстве. Говорить о случившемся было невозможно, да и вряд ли ей удалось бы

облечь сумбурный поток мыслей в какие-нибудь вразумительные слова.

Найдя кафе, они обнаружили, что все столики на улице заняты, но им повезло и несколько свободных нашлось внутри помещения. Используя английский и язык жестов, Илюша сделал заказ. К этому времени Аня начала испытывать такое мучительное смущение, что почти не поднимала глаз, а когда принесли еду, принялась торопливо есть.

Илюша смотрел на нее задумчиво, ел не спеша и не старался много говорить, пока не заметил, что на него косится компания девчонок, сидящих за соседним столиком. Он передвинул стул так, чтобы оказаться к ним спиной, и надел свои неизменные темные очки и бейсболку. Эти манипуляции привлекли Анино внимание.

– Не люблю людных мест, – ответил молодой человек на ее немой вопрос.

Аня огляделась и заметила глазающих в их сторону.

– На тебя смотрят?

– Чаще, чем мне хотелось бы.

– Женщины обращают на тебя внимание, я замечала.

– Люди вроде меня к этому привычны.

– Люди вроде тебя?

– Я ведь... – он на мгновение задумался и с трудом выговорил по-русски: – Красавчик.

– О боже! – воскликнула Аня, уронив ложку.

– Ты сама так сказала, когда меня увидела.

– Но как... как ты запомнил это слово и узнал его значение?

– У меня абсолютный слух и отличная память на звуки.

– Не могу похвастаться ни тем, ни другим. В детстве бабушка отвела меня в музыкальную школу, хотела, чтобы я играла на пианино, но из этого ничего не вышло. А ты играешь на инструментах?

– Всего лишь немного бренчу на гитаре и более-менее сносно пою.

– Умеешь петь? Здорово! А я нет. Ни слуха, ни голоса. Если бы ты мне сказал что-нибудь по-корейски, я бы никогда в жизни это не запомнила и не повторила.

– Может, попробуем? – Он наклонился к ней через стол.

Аня, уже начавшая было справляться с одолевавшей ее неловкостью, покраснела.

– Не надо! – торопливо сказала она, досадуя на свое совершенно необъяснимое и глупое состояние. Чтобы как-то переключить Илюшино внимание, она прошептала с деланным весельем: – Мне кажется, те девушки слишком пристально смотрят на нас.

– Да, я заметил. Доедай скорее, и пойдем.

В этот момент у него снова зазвонил телефон. Илюша сказал, что должен все-таки ответить, и вышел на улицу. Неожиданно одна из девчонок за соседним столиком, прошипев что-то своим испуганным подружкам, поднялась и быстро подошла к Анне.

– Этот парень что – Дам Рён? – выпалила она.

– Кто? – опешила Аня.

– Как зовут парня, который здесь сидел?

– А в чем дело? – Аня с удивлением уставилась на нее.

Девчонка, на вид лет пятнадцати-шестнадцати, посмотрела на нее нахмурившись, потом процедила «Конечно, нет!», резко развернулась и направилась к дверям.

Гомон за соседним столиком усилился. Ничего не понимая, Аня торопливо допила чай, подхватила сумку и вышла из кафе. Илюша разговаривал по телефону, неподалеку стояла странная девчонка и пожирала его глазами.

– Да что такое, девушка?! – воскликнула Аня.

Илюша обернулся, а девчонка решительно двинулась к нему. Аня пошла следом, но, заметив едва уловимый Илюшин жест, остановилась. На каком бы языке они ни пытались говорить, длилось это недолго. Когда девчонка вернулась к своим подружкам, высыпавшим на улицу, вид у нее был разочарованный.

Поравнявшись с Аней, она недовольно сказала:

– Они точно все на одно лицо! Вблизи совсем не похож!

Ти Ди кажется выше и гораздо красивее. Выражение лица у него... не такое.

Аня проводила ее недоуменным взглядом и подошла к Илюше.

– Что случилось? За кого она тебя приняла? За какого-то Ти Ди?

– А! Это происходит постоянно, – посетовал молодой человек. – Терпеть не могу. Глупые ситуации.

– Кто это – Ти Ди?

– Ди Ди, – поправил Илюша. – Китайский актер Дао Мин Ди, он известен под псевдонимом Джерри Дин, а фанаты зовут его Ди Ди.

– Эта девушка подумала, что ты – китайский актер? – спросила Аня с веселым удивлением.

– Примерно так.

– Так вот почему... – начала было Аня, но осеклась.

Ей совсем не хотелось, чтобы он знал, что его привычка прятать лицо за козырьком бейсболки и темными очками настораживала и выглядела подозрительно. Но он, кажется, понял.

– Ты права – не люблю, когда мне докучают незнакомые люди или показывают пальцем. Но это происходит все чаще. А многие еще пытаются сфотографировать. Настоящее безумие!

– А этот Ди Ди очень на тебя похож?

– По-моему, совсем не похож.

– Тогда почему тебя с ним путают?

– Наверное, потому что он такой же «красавчик», как и я.

– Теперь ты будешь всегда это повторять? Подожди! А ведь она еще что-то сказала. Подошла ко мне и как-то странно тебя назвала... что-то похожее на «рено» или «рамён»...

– «Рено» или «рамён»? – Илюша засмеялся.

– Не смейся! Я же говорила, что не запоминаю странные имена.

– А ты уверена, что это имя?

– Ни в чем я не уверена. Совсем запуталась... Глупость какая! По-моему, очень странно уже то, что эти школьницы знают какого-то современного китайского актера. Я вот никого не назову, кроме Брюса Ли и Джеки Чана.

– Какие же фильмы ты смотришь? – Илюша засмеялся еще веселее. – Ди Ди страшно популярен.

– Даже у нас?

– Он снимается в романтических сериалах; наверное, их и на русский переводят.

– Господи, что за бред! Кто станет смотреть китайские сериалы?

Илюша в недоумении покачал головой.

– Ты чудовищно неполиткорректна!

– Ничего подобного! – воскликнула Аня, слегка задетая его замечанием. – Я тоже кое-что знаю. Я прочла роман... ну хорошо, половину романа «Сёгун» и люблю фильмы Вонг Карвая. И еще, между прочим, «Записки у изголовья» Сэй-Сёнагон – одна из лучших книг, которые я читала!

– Молодец! Вонг Карвай – давно всеми признанный классик мирового кинематографа, «Сёгун» написан американским автором лет пятьдесят назад, а «Записки у изголовья» – безымянной японкой в Средние века.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что ты ничего не знаешь о современной Азии.

– Это потому что я не знаю, кто такой Ди Ди?

Илюша продолжал смеяться, но Аня вдруг заметила в нем неожиданную перемену. Он казался взволнованным, шутил и жестикулировал, как человек, находящийся в сильном возбуждении.

– Прошу, не дуйся! Не хочу уходить, когда ты рассержена.

– Уходить? – удивилась Аня.

– Да, – он кивнул на телефон, который все еще держал в руках, и виновато улыбнулся. – Как я и думал – неотложные дела.

– Это из-за звонка? Что-то случилось?

– Возможно, мне предложат новую работу. Не знаю, стоит ли этому радоваться... – Он неожиданно успокоился, за сунул руки глубоко в карманы и простоял в раздумье секунду-две. – Признайся, это ты принесла мне удачу?

Аня в растерянности смотрела на него, не до конца осознавая, что он сейчас уйдет, и совсем не понимая, о чем он говорит.

– Извини, я обещал тебе весь день, но должен уехать.

– Когда?

– Прямо сейчас.

– А-а, да, конечно... – пробормотала она, – так неожиданно.

– Прости.

Аня в замешательстве не знала, что еще сказать.

– Это было лучшее свидание в моей жизни.

– Свидание?

Он наклонился, поцеловал ее в щеку, произнес: «Увидимся!» и торопливо зашагал к выходу из парка.

Остаток дня Аня провела в полном душевном раздрае: ее накрывало то безудержное веселье, то непонятная нервозность, то страстное нетерпение. Дома она расцеловала Люки и побежала с ним гулять. Шагая по парку, она искренне удивлялась, как не замечала раньше, насколько яркими красками раскрашен мир. Желтая листва, подобно золоту, горела на солнце, небо поражало бездонной глубиной, даже сам воздух – хрустальный, морозный и сладкий, – имел вкус осенних яблок. Вернувшись с прогулки, Аня, не раздеваясь, упала на кровать и долго лежала так, перебирая в памяти события сегодняшнего дня, улыбаясь, хихикая, что-то бессвязно и радостно восклицая.

Заснуть она не смогла. Длинная осенняя ночь пролетела как один миг. На следующий день, в воскресенье, Аня не расставалась с телефоном, и именно в тот день он трезвонил непрерывно: звонил Денис, который не мог найти Настю, звонила Настина тетка, у которой та забыла телефон, наконец, позвонила Настя с веселым рассказом о том, как Денис за нее волнуется, и предложила прогуляться. Потом позвонила коллега с просьбой прикрыть завтрашний отгул. Был звонок и от Вадима, но Аня не стала отвечать и в раз-

дражении отклонила вызов.

К вечеру, уставшая и огорченная, она незаметно уснула и проснулась на следующее утро чуть свет с больной головой. Ни уксус, втираемый в виски, ни кофе, ни таблетки – ничего не помогало. В голове пульсировала тупая боль, не позволяя ни о чем думать. Промучившись пол-утра, Аня заставила себя выйти с Локи, и на улице ей стало немного легче. День выдался пасмурный, влажный. Вчерашние яркие краски поблекли – багрово-желтая листва казалась теперь буро-коричневой, с примесью ржавчины. Пожухлая трава на рыхлой земле напоминала лишайные пятна, а почти оголенные кусты сливались в одну серую массу, щетинясь на ветру черными узловатыми ветками.

День на работе прошел как в тумане. Телефон молчал – черный безжизненный кусок пластмассы притягивал взгляд, но на этот раз не зазвонил ни разу. Вечером, добравшись до кровати, Аня зарылась под одеяло и закрыла глаза. Теперь, когда головная боль начала отступать, на смену ей пришли душевные муки. До позднего вечера девушка прождала звонка, но Илюша так и не позвонил. За эти проведенные в подавленном состоянии часы она поняла, что нет на свете ничего хуже ожидания. Это самая мучительная пытка. Ждать, глядя на часы, на темнеющее окно, на безмолвный телефон. Блуждать взглядом по четырем стенам, ходить из угла в угол, пытаясь заглушить внутреннюю опустошенность звуками из телевизора.

В первом часу ночи, совершенно измученная, она наконец легла спать, но никак не могла уснуть – ворочалась, вздыхала, прокручивая в голове бессвязные мысли, а в груди что-то горело и дрожало, как дрожит и резонирует струна, тронутая движением пальцев. Ей стало нечем дышать. Аня села на постели, сделала несколько глубоких судорожных вдохов и начала плакать, потому что вдруг осознала природу своего состояния. Это открытие ошеломило ее. Несколько минут она сидела парализованная, оглушенная, напуганная. Потом, как сомнамбула, встала с кровати и поплелась в ванную умыть пылающее лицо. И не узнала себя в зеркале. Оттуда на нее смотрело какое-то незнакомое создание с безумным взглядом и бледными губами. Аня невольно дотронулась до своих губ, вспомнив другое прикосновение, и ее начала бить крупная нервная дрожь. В бессильной попытке унять ее девушка обхватила плечи руками и присела на корточки. «„Так поражает молния, так поражает финский нож“... – всплыли в ее памяти строки, – так убийца выскакивает из-под земли... Боже мой, боже, что это? Зачем это? Что со мной?» Грудь, в которой еще недавно все билось и трепетало, теперь словно придавили каменной плитой. Не зная, как справиться с этой непомерной тяжестью, с этим пугающим безвоздушным пространством, Аня снова начала плакать от горькой и безутешной жалости к себе.

Следующий день был в точности похож на предыдущий, за тем лишь исключением, что начальник принял следы пе-

реживаний на бледном Анином лице за признак тяжелой осенней простуды и отпустил девушку домой. Выйдя из редакции, Аня с облегчением вздохнула: суета, звонки, торопливые разговоры – все это ее утомленная, тяжелая голова была не в силах вынести. Однако, очутившись дома, Аня поняла, что одиночество в пустой квартире угнетает куда больше. В растерянности, не зная, чем себя занять, она взялась было за книжку, уже долгое время лежавшую недочитанной, но поняла, что смысл написанного упорно от нее ускользает. Несколько раз она возвращалась к одному и тому же предложению, пока не призналась себе, что мысли и чувства ее заняты совсем другим. Аня подходила к окну, наблюдая, как быстро угасает пасмурный осенний день. Подходила к шкафу и, открыв дверцы, смотрела на полки и вешалки, вяло размышляя, что сейчас как раз есть время разобрать летний гардероб и достать с антресолей одежду потеплее, но со вздохом отходила, так и не взявшись за дело.

Спустя несколько часов она лежала на диване и смотрела в потолок. Рядом кружил Локи, призывно поглядывал на нее, укладывал свою страдальческую мордашу на подлокотник, но Аня не могла заставить себя подняться и выйти с ним на улицу.

Позвонила Настя и, услышав апатичный голос подруги, решила немедленно приехать.

– Не хочу, – ответила Аня, – не хочу ни о чем говорить. Я сейчас лягу спать.

– Почему ты сама ему не позвонишь? – спросила Настя.

– Как ты себе это представляешь? Что я ему скажу? Буду задавать идиотские вопросы? «Когда ты приедешь? Ты думал об мне? Ты скучал?..» Да меня тошнит от одной мысли об этом. Что сказать?.. Как?.. Я не могу. Может быть, он уже уехал.

– Да что же ты за дура такая! Разве приличные мужики на дороге валяются? Выпала тебе удача – иностранец, не урод, не извращенец, еще и при деньгах, похоже. Что ты сидишь, сопли на кулак наматываешь? Если он тебе нужен, прояви инициативу, пошевелись хоть раз в жизни!

– Вот поэтому и не надо тебе сейчас приезжать, – улыбнулась Аня. – Ты мне весь мозг вынесешь. Давай завтра. Я сейчас с Локи погуляю и спать лягу. День дурацкий, холодно... ничего не хочу.

– Ну ладно, – согласилась Настя. – На работу завтра пойдешь?

– Пойду, что мне дома-то делать? От стены к стене слоняться? Скажу, что уже выздоровела.

– Ну, как знаешь. Завтра точно приеду.

Несколько минут Аня полежала в тишине с закрытыми глазами, потом все-таки встала, натянула куртку, резиновые сапоги и вышла с Локи под дождь. Прогулка не затянулась. Уже через пятнадцать минут, промокшие насквозь, они вернулись домой. Чтобы как-то отогреться, Аня залезла под горячий душ, потом надела теплую байковую пижаму и приго-

товила большую чашку какао. Когда зазвонил телефон, она грела ладони о чашку и смотрела в темное окно, по которому с глухим стуком барабанил дождь. На звонок Аня ответила не сразу. Сначала выпустила чашку из дрожащих рук.

– Я стою у твоего дома. Можно подняться?

– Подняться? Где ты?

– У твоего дома.

– Моего дома... а-а, да, сейчас. – Она назвала код домофона, этаж и медленно двинулась к входной двери.

Открывая ее непослушными пальцами, она услышала шум лифта, вышла за порог и через несколько минут увидела Илюшу. С его волос и одежды ручейками стекала вода.

– Что случилось? Ты насквозь промок!

– На улице сильный дождь.

– И замерз! Заходи, я сейчас сварю кофе.

Он вошел. Аня помогла ему снять отяжелевшую от дождя куртку, принесла из ванной сухое полотенце и долго сутелась в поисках подходящих тапок. Когда тапки были найдены, она с восклицанием «горячий кофе!» устремилась на кухню, велев Илюше идти в комнату. Через пару минут Аня вспомнила о разбросанных повсюду вещах и «забытых» на столах и подоконниках пустых чайных чашках и тоже пошла в комнату. Илюша стоял посередине и с интересом осматривался.

– Извини, я никого не ждала, – пробормотала Аня, стараясь быстро и незаметно навести порядок. Из кухни слы-

шалось шипение, и когда она вернулась туда, кофе уже выплеснулся из турки, погасил огонь и залил половину плиты.

– Ох, черт, черт!

Обжигая пальцы, Аня принялась собирать горячую зернистую жижу, но, казалось, от этого ее становится только больше. Когда Илюша вошел на кухню, он застал Аню сидящей на корточках и оттирающей пол от пролитого кофе.

– Может быть, лучше чай? – с наигранным весельем спросила она. – Ты голодный? Я не готовила, но можно сделать сэндвичи.

Илюша странно смотрел на нее.

– Я не должен был приходить.

– Можно вызвать такси, у тебя вся одежда насквозь промокла. И волосы. Ты что, гулял под дождем? – У нее вырвался нервный смешок.

– У тебя тоже волосы мокрые.

– У меня? – Аня в недоумении поднесла руку к волосам и будто очнулась от дурного гипнотического сна: с обескураживающей ясностью она вдруг осознала, что на ее тесной маленькой кухне Илюша, а сама она стоит перед ним с умытым лицом, взъерошенными волосами, в байковой пижаме в розовый горошек.

Она покраснела до корней волос и сделала порывистое движение, чтобы выбежать из кухни, но Илюша стоял в дверях, так что ей пришлось остаться на месте. Слезы стыда и унижения заволокли глаза. Она отвернулась, но Илюша шаг-

нул к ней и крепко обнял за плечи.

– Прости меня, – пробормотал он. – Ты гуляла с собакой, такая маленькая, потерянная... Шла по лужам в смешных сапогах в цветочек. Я думал, увижу тебя и успокоюсь... Я не должен был приходиться.

Аня повернулась и оказалась в его объятиях.

– Я уезжаю послезавтра.

Она подняла залитое слезами лицо, но, не в силах справиться с собой, снова опустила голову и прижалась к его плечу.

– Ты пахнешь кофе, – сказал он, касаясь губами ее волос.

– Не уходи, – прошептала она. – Остайся сегодня и завтра со мной.

Она услышала стук его сердца, почувствовала, что он наклоняет голову, потянулась к нему, встала на цыпочки и поцеловала в губы. От этого поцелуя с привкусом слез в Аниной голове точно взорвался фейерверк. Она больше не могла думать, говорить, почти не могла дышать. Все, что она когда-либо считала важным, неотъемлемым, сокровенным, сосредоточилось для нее в единственном мгновении, в единственном человеке, и произошло это так обыденно, так удивительно просто, словно и не могло случиться по-другому.

Солнечный свет просочился сквозь неплотно задернутые шторы и озарил Анино лицо. Она моргнула и перекатилась на другой бок. Теперь теплый луч лежал на ее руке. Прикрыв

глаза, девушка чувствовала, как тепло утреннего солнца согревает не только ладонь, но приятной волной растекается по всему телу. Она ощущала этот прилив радости каждой клеточкой, будто по венам текла не кровь, а жидкий солнечный свет.

– Илюша, – прошептала Аня и протянула руку, но ответа не было. Она открыла глаза, с удивлением и испугом огляделась и прислушалась к тишине. Резко сев на постели, слегка покачнувшись, – мимолетное головокружение сменилось четким осознанием, что она в квартире одна.

– Илюша? – Аня вскочила с дивана.

В этот момент в прихожей хлопнула входная дверь. Сердце оборвалось. Путаясь в одежде, девушка накинула на себя что-то и выбежала в коридор. Навстречу просеменил Локи. Илюша, снимая куртку, обернулся на звук ее босых ног. Едва взглянув Анне в лицо, он быстро подошел:

– Ну что ты? Чего испугалась?

– Я проснулась одна... подумала, ты ушел...

– Глупышка, собаки ведь тоже не было. Если я захотел прогуляться и взял с собой Локи, значит, должен вернуться. К тому же я заглянул в твой холодильник. У тебя действительно нет еды.

– Ты голодный! Я сейчас сбегаяю в магазин.

– Я кое-что принес – хлеб, яйца, сыр. Могу рассчитывать на завтрак?

Аня счастливо засмеялась и крепче обняла его.

Он провел рукой по ее гибкому податливому телу.

– Нет, – сказал он, целуя ее, – ты такая мягкая и теплая...

Лучше сначала я съем тебя.

Далеко за полдень Аня жарила на кухне яичницу, варила кофе и делала бутерброды. В холодильнике нашлись пара помидоров и одна луковица. Но Илюша не проявил к ним интереса. Он сказал, что в жизни не ел такой пресный салат, и очень удивлялся, почему в доме нет соусов и пряных солений, которые годятся как закуска к любому блюду. Аня советовала ему не привередничать и сожалела, что у нее нет борща, иначе он узнал бы, что такое настоящая еда. За отсутствие борща он вознес благодарность небесам и добавил, что варить сладкую свеклу с соленой капустой – дикость, все равно что варить суп из кимчи с сиропом. Наливая ему кофе, Аня заявила, что сегодня он может не рассчитывать на гастрономические изыски, потому что они поедут за город и, если погода не испортится, устроят пикник в Павловском парке.

Через полчаса в багажнике такси лежал рюкзак с порцией бутербродов, картошкой в мундире, вареными яйцами и большим термосом с чаем – короткий, но бурный спор завершился в пользу чая. «Я не могу пить кофе по сто раз в день, – сказала Аня. – А ты без кофе не останешься. Поверь, он продается там на каждом углу».

На этот раз ехать с Илюшей в такси было чрезвычайно весело. Он шутил, рассказывал забавные истории и просто был

в ударе. Изображая, как его приятель однажды перебрал в караоке, принялся фальшиво напевать, и это было настолько комично, что Аня натянула на лицо шарф, сдерживая хохот, отчего невольно начала хрюкать, и им обоим стало еще смешнее.

Павловский парк встретил их восхитительным буйством осенних красок. Решив не заходить во дворец, они направились в долину реки Славянки и бродили по тенистым аллеям, шурша опавшей листвой, вдыхая прохладный, пропитанный солнечным светом воздух. Аня сказала, что любит Павловский парк за отсутствие помпезности и имперского шика.

– Наверное, тебе надо было показать Петергоф с его роскошным дворцом и потрясающими фонтанами, но я подумала, что здесь нам будет лучше.

Илюша обнял ее за плечи, и они медленно брели вдоль реки, любуясь живописными пейзажами, поздними цветами и разбросанными по парку уединенными белокаменными павильонами и колоннадами. Завидев конную упряжку, Илюша предложил прокатиться в экипаже. В придворцовом районе они наняли экипаж и под неспешное цоканье копыт объехали почти весь парк.

Когда вернулись с прогулки на парадный плац, Аня решила, что настало время перекусить, и повела Илюшу вниз по склону через мост к Круглому озеру. Сойдя с тропинки, они преодолели заросли кустарников и очутились на пологом, скрытом от глаз берегу. Пока Аня расстилала захвачен-

ное из дома покрывало и доставала еду, Илюша стоял у воды, заложив руки за спину, и смотрел на тихую озерную гладь, в которой, как в зеркале, отражались яркие краски голубого неба и багряной листвы.

Аня поглядывала на него с невольной тревогой, чутко уловив изменившееся настроение. Еще во время прогулки в экипаже она заметила, что спутник ее как будто сник и утратил интерес к атмосферным пейзажам Павловского парка. Сначала он перестал шутить и улыбаться, а после и вовсе замолчал. Сейчас, стоя у воды, Илюша казался задумчивым и отстраненным. Аня видела его опущенную голову, поникшие плечи. Так стоял он пару минут, потом сделал несколько шагов вдоль берега и, остановившись, оглянулся на нее.

Аня открыто встретила его взгляд и, бодро улыбнувшись, позвала:

– Илюша, твой кофе остынет.

Он подошел и обнял ее.

– Почему ты ни о чем не спрашиваешь? Ты странная, непонятная и непостижимая девушка!

Аня шевельнулась, словно желая освободиться от его объятий, но на самом деле лишь немного отстранилась.

– Разве твои ответы утешат меня? Не хочу знать, не хочу думать о завтрашнем дне, – она подняла голову и заглянула ему в глаза. – Сегодня твой телефон не звонит.

– Я его выключил.

– Значит, этот день только мой, – она привстала на цыпоч-

ки и чмокнула его в щеку. – Не переживай ни о чем, садись и поешь. Не бог весть что, но вечером зайдем в какое-нибудь кафе. И выпьем. Может, купим вина или шампанского?

Когда с едой было покончено, Илюша растянулся на покрывале, закинув руки за голову.

– Как же давно я не смотрел на небо! Как странно... Я вырос на острове Чеджу, для меня это самое прекрасное, дорогое и удивительное место в мире. В детстве я любил смотреть на небо. Облака, напоминающие горы, – будто другая земля. А безоблачное небо казалось бездонным. Я помню, как однажды оно искрилось после дождя. Теперь я редко обращаю внимание на такие вещи.

– В детстве все кажется другим. В большом городе небо сложно разглядеть. Чтобы чаще его видеть, надо жить повыше. С моего шестого этажа неба тоже не видно.

– Сейчас я лежу на самой земле, но вижу его.

– Знаешь, тут не нужно философствовать. Мне кажется, мы видим и замечаем то, что хотим видеть и замечать. Вот ты больше не живешь на своем волшебном острове, а из моих окон видны только соседние дома, но сегодня мы здесь, лежим и смотрим на прозрачное осеннее небо, потому что хотим этого.

Минуту они помолчали, потом Илюша сказал:

– Пожалуй, вино подойдет. Но если хочешь, купим шампанское.

– Лучше вино. Кстати, я знаю в городе магазин корейских

продуктов, правда, ни разу там не была. Можем заехать.

– Если бы там нашлась бутылка соджу^{2*}, да покрепче, я бы не отказался... Но нет, давай поужинаем где-нибудь, а домой купим вина.

– О'кей, босс! – Аня засмеялась и села на покрывале. – Вставай, все-таки лежать на земле уже холодно. Летом здесь полно народу, особенно в пейзажной части парка, там и позагорать можно, если погода хорошая. К слову, ты знаешь, что этот парк по территории в три раза больше, чем все Княжество Монако?

– Чаги, ты неисчерпаемый источник познаний!

– Как ты меня назвал?

Он поцеловал ее и прошептал прямо в губы:

– Или мне лучше звать тебя ури эги – «моя детка»?

– И то и другое звучит странно, а «моя детка» по-английски – просто кич. Терпеть не могу этих избитых фраз.

– Ты точно странная, – заметил он.

– Ничего подобного! – сказала Аня как можно веселее. – Мне просто не нравится быть «солнышком», «зайчиком» и так далее...

– Это потому, что ты девятихвостая лиса, которая меня обольстила.

Аня с немалым удивлением и возмущением посмотрела на него:

– Какая еще лиса? Хочешь сказать, что я хитрая плутов-

^{2*} *Соджу* – традиционный корейский алкогольный напиток.

ка?

– Плутовка? – теперь удивился и он. – А это не так?

– Невероятная чушь! Вообще не понимаю, о чем ты говоришь. С самого начала ты назвал меня ангелом-спасителем. Это мне нравится больше.

– Решено! – произнес он с кривой усмешкой. – Осени меня своим благословением, ангел, или растерзай меня, лиса, и сожри мою печенку!

– Я начинаю думать, что ты перегрелся на жиденьком петербургском солнце – несешь какую-то околесицу. Что вдруг опять с твоим настроением? Мне жаль видеть тебя подавленным и расстроенным. Смотри, какая погода – теплынь и такие яркие краски! Давай-ка взбодрись! Если хочешь, еще кофе купим. И вот что – скажи, как мне тебя лучше называть?

Илюша невольно улыбнулся ее болтовне.

– Если бы ты была корейкой, то звала бы меня «оппа».

– Как? – Аня, начавшая было вставать, повалилась на покрывало в приступе смеха. – Оппа? Какой кошмар! Никогда не слышала ничего забавнее. Нет, уж лучше я буду звать тебя Илюшей.

Он попытался ее схватить, но она проворно вскочила, продолжая смеяться.

Они решили поужинать в Пушкине и после прогулки по городу набрали на уютный ресторанчик грузинской кухни. Илюша долго изучал меню, но в итоге остался доволен Ани-

ным выбором и даже задался вопросом, есть ли грузинские рестораны в Сеуле.

В город вернулись под вечер. Локи встретил их с радостным нетерпением, и они вывели его на прогулку. В парке было уже темно, и потому они прошли по аллее вдоль дома, обогнули квартал и вернулись назад, заскочив в супермаркет за вином, сменой белья и зубной щеткой для Илюши.

Едва войдя в комнату, молодой человек упал в кресло и устало прикрыл глаза.

– Не помню, когда я так много и долго ходил пешком.

– Иди в душ и ложись спать. Я сейчас постелю.

– Постели, но еще рано спать. Я открою вино, а ты нарежь сыр.

Немного времени спустя, расслабленные после душа, они сидели на постели, расположив там же поднос с вином, сыром и яблоками. и разговаривали, пока Илюша не убрал поднос и не привлек Аню к себе.

Ночью опять пошел дождь, и она встала прикрыть окно. До этого она уже несколько часов лежала без сна. Голова отяжелела, глаза слипались от усталости, но после дня, полного впечатлений, трудно было уснуть. Сначала она лежала тихо, боясь потревожить Илюшу, а потом, когда поняла, что он за- тих, приподнялась на локте и стала его рассматривать. Никогда прежде она не видела такого удивительного мужского лица: у него были гармоничные черты, плавная и красивая линия профиля, и в то же время природа щедро награ-

дила его тем, что безошибочно распознает каждая женщина и к чему инстинктивно тянется, подобно тому как тянется слабый плющ к стволу могучего дерева. Рядом с ним было уютно, хорошо и спокойно. Аня осторожно взяла его руку – крепкую теплую ладонь – и положила себе под щеку. Почувствовав ее прикосновение, он повернулся и, не просыпаясь, обнял ее. Сердце защемило от безмерного, пронзительного счастья. Аня прижалась к Илюше и прошептала по-русски: «Я тебя люблю».

Проснулась она поздно. За окном бледный рассвет уже успел смениться пасмурным днем. Солнце пряталось за рваной пеленой туч, и по-прежнему накрапывал монотонный дождик. Увидев за окном эту безрадостную картину, Аня прикрыла глаза. На этот раз ей не нужно было тянуться к Илюше. Она знала, что его рядом нет.

Вопреки ожиданию, Аня оставалась спокойной. Она стала размышлять, улетел он уже или нет? Почему она не узнала, во сколько у него самолет? Сейчас ей стала очевидна собственная глупость. Она не задала ему ни одного важного вопроса. Не выяснила адрес электронной почты или номер сельского телефона, не разузнала подробностей о его профессии и занятиях, она даже не спросила, сколько ему лет. Это пренебрежение к деталям теперь ей самой показалось странным и необъяснимым. Но даже сейчас она размышляла об этом как-то рассеянно. Ее искренне огорчало лишь то, что, думая об Илюше, она не сможет представлять его в повсе-

дневной жизни за каким-нибудь делом.

Пытаясь собрать воедино обрывки, иногда проскальзывавшие в разговорах, Аня припомнила немного: он вырос в провинции, теперь живет в столице; учился на бортпроводника, но, кажется, так им и не стал, хотя время от времени ему приходится много путешествовать; есть люди, которые от него зависят. В последние три с половиной года в его жизни что-то происходило, что-то настолько плохое, что даже возникали мысли о суициде (Аня вспомнила, с каким ужасом посмотрела на него, когда он упомянул об этом). Еще больше ей запомнились слова, что он так и не избавился от теней прошлого и вряд ли когда-нибудь сможет это сделать. «А знаешь, возможно, ты была права в своих подозрениях, – сказал он тогда, усмехнувшись, – мне все еще бывает сложно назвать себя здоровым человеком. Меня часто мучают сильные головные боли, перепады настроения и приступы неконтролируемой паники. Но самый главный мой враг – это апатия. Временами меня охватывают скука и безразличие ко всему на свете. Абсолютно ко всему. Мне слишком часто кажется, что я пропащий человек без желаний и целей». В тот момент неожиданного откровения ей казалось, что любые расспросы равносильны грубому прикосновению к открытой ране, но все-таки осторожно сказала:

– Не наговаривай на себя. Ты умеешь весело смеяться и искренне радоваться даже самым маленьким пустякам, а значит, ты небезнадежен. Кстати, насчет новой работы, по

поводу которой тебе звонили, – ты согласился? Что-то мне подсказывает, что да. Отличный шанс заняться делом и не думать о грустном. Что за работа?

– Ты когда-нибудь была аниматором на детских праздниках?

– Нет! – рассмеялась Аня. – Тебе предложили работу аниматора?

– Знаешь, не так-то легко понравиться людям! – сказал он, задетый ее смехом. – Надо быть яркой звездой, чтобы сиять, и вдохновлять, и дарить хорошие эмоции. Готов поспорить – ты бы и минуты не продержалась перед толпой ожидающих праздника детишек.

– Господин Ким, ты имеешь поразительную способность ставить меня в тупик!

– Для этого тоже нужны талант и вдохновение, – с серьезной миной подтвердил он, но не выдержал и улыбнулся. – Кажется, ты опять права, в эти дни я часто весело смеюсь и искренне радуюсь нашей болтовне, хотя теперь, когда у меня появилась работа, сложно игнорировать более серьезные вещи. Но я продолжаю вести себя как безумец, которому все еще плевать на завтрашний день. Я смеюсь и болтаю, провожу время с тобой, даже думать забыв об опасности, подстерегающей мое бедное сердечко или мою драгоценную печенку.

– Вот, опять! Но на этот раз я отлично понимаю твои намеки – спасибо интернету! Ты хочешь сказать, что я кумихо – эта ваша корейская мифическая лиса с девятью хвостами,

которая имеет обыкновение превращаться в женщину и губить наивных мужчин. Только, боюсь, в нашем случае все как раз наоборот. Мы в России, и если бы я захотела сгубить доброго молодца вроде тебя, то, согласно русскому фольклору, мне следовало бы изжарить тебя в печи – так поступает каждая уважающая себя Баба-яга.

– Какое варварство!

– Мели Емеля – твоя неделя! – сказала Аня по-русски и долго смеялась Илюшиным попыткам вникнуть в суть поговорки.

Думая о нем теперь, она старалась вспомнить самые, казалось, незначительные подробности. Что же еще? У него есть музыкальный слух, он неплохо разбирается в классической музыке, любит оперу, но равнодушен к балету. Однажды он пережил неудачный опыт рыбалки и с тех пор предпочитает активные виды спорта. Умеет и любит играть в бейсбол и даже, кажется, одно время входил в какую-то футбольную команду, а со временем собирался освоить гольф. Еду предпочитает острую и пряную, и признался, что как-то в юности его угораздило выпить с друзьями два больших ящика соджу на шестерых. Вот и все.

В некотором замешательстве Аня поняла, что почти ничего о нем не знает. На долю секунды вернулась прежняя мысль, что она, как околдованное несмышленное дитя, доверилась бесчестному человеку. У него могли быть нелады с полицией; возможно, он даже сидел в тюрьме. Нет, невоз-

можно! Аня сама удивилась, как все в ней воспротивилось этому предположению – Илюша мог оказаться кем угодно, но не мошенником, не преступником. В его жизни были проблемы и секреты, но чем они угрожали лично ей? Она была твердо убеждена, что все, о чем он умолчал, ее не касалось. Внезапно ей пришло в голову, что наверняка у него кто-то есть, может быть даже жена и семья... Эта мысль оказалась намного хуже всех прежних подозрений.

Нужно было немедленно чем-то себя занять. На работу идти было уже поздно; кроме того, ей дали вполне законные отгулы, так что впереди у нее весь день. Но целый день провести наедине с собой, без дела и только вспоминать, переживать, чувствовать зияющую пустоту вокруг было невыносимо. Аня резко села, исполнившись решимости приняться за уборку: разобрать шкаф, достать теплую одежду, вытереть пыль, тщательно пропылесосить и отдраить полы. «Хотя нет, – сказала она себе, неожиданно становясь суеверной, – полы мыть не буду. Он ведь только что уехал, возможно, еще не добрался до дома. Помою завтра. На сегодня и без полов работы хватит!» Она наконец осмелилась повернуть голову и посмотреть на опустевшее место возле себя. Внезапно сердце екнуло – на подушке лежала записка. Аня схватила клочок бумаги, но содержание повергло ее в уныние. Илюша написал только одну фразу: «Я погулял с собакой».

– Погулял с собакой? – пробормотала Аня.

Нет, хуже всего было это прощальное послание. Лучше бы он ничего не писал!

Аня поплелась в душ, потом заварила на кухне свежий чай, что-то поела, вернулась в комнату и огляделась по сторонам. От присутствия Илюши в ее доме ничего не осталось – ни одной вещи, даже зубной щетки в ванной. Давя подступающие к горлу рыдания, Аня включила компьютер, выставила на полную громкость колонки и запустила любимый плейлист. Следующие несколько часов она драила квартиру – мыла, чистила, пылесосила, стирала занавески. Комната с обнаженными окнами, за которыми тлел серый неприветливый свет, сразу стала холодной и неудобной, и Аня достала с антресолей старенький тюль в надежде спрятать за ним бледный петербургский день, похожий не то на жидкий зимний рассвет, не то на ранние осенние сумерки.

К вечеру, уставшая, она вышла на улицу с Локи, невольно думая о том, что недавно Илюша держал в руке этот поводок, видел то же, что и она, шел по этой же дороге. Свежий влажный воздух немного прояснил ее мысли, успокоил чувства. Медленно бредя по аллее парка, Аня размышляла об Илюшиной записке и неожиданно решила, что это было обещание вернуться. Именно так! Он тогда сказал: ведь собаки тоже не было, он гулял с ней, а значит, должен вернуться. Вот и сейчас: он сообщил ей, что вернется. Эта спасительная мысль приободрила девушку. Скорее всего, у него есть важные дела, которые необходимо решить, – неспроста же ему

постоянно кто-то названивал. Он уладит их и вернется к ней. Нужно всего лишь немного подождать. Просто подождать.

С этими мыслями она вернулась к повседневным занятиям. Сложнее всего было сосредоточиться на работе. Каждый раз, когда она садилась за перевод, ее мысли как-то исподволь и незаметно устремлялись к иным берегам. Ей вспоминалось, как забавно Илюша выговаривал некоторые английские слова и отдельные звуки. Как он искренне возмущался шуточным Аниным замечаниям и говорил, что ее русский акцент ничуть не лучше, и вообще, на его музыкальный слух, русский язык – труднопроизносимая белиберда, словно перекачивают сухой горох в жестяной банке. В тот момент Аня удивилась его невежеству: как можно сказать подобное о «великом и могучем»? А поэзия Пушкина? А страстная лирика Лермонтова? Это же музыка сфер! Она немедленно нашла в Сети несколько стихотворений своих любимых классиков и с чувством продекламировала. А потом прочла по памяти письмо Татьяны к Онегину. Илюша сказал, что понял только одну фразу, но все-таки вынужден признать, что русский язык может звучать на удивление распевно и гармонично, а его мелодичность кроется в нюансах.

Как-то раз, устав корпеть над переводом очередного заказного буклета, Аня снова мысленно возвратилась в тот единственный день, проведенный с Илюшей. Что-то ускользнувшее всплыло в памяти – он говорил об острове. Интересно, много ли в Южной Корее островов? Несколько

минут поисков в Интернете – и взгляд наткнулся на знакомое название – остров Чеджу. Да, именно так он сказал: «Я вырос на острове Чеджу». С большим интересом Аня принялась рассматривать картинки и читать о достопримечательностях и природных особенностях этого прекрасного места. Несколько минут она сидела откинувшись на спинку стула и размышляла, как было бы здорово оказаться сейчас на Чеджу с Илюшей, – в одной из статей было сказано, что остров является излюбленным местом для романтических путешествий и медового месяца. Повздыхав, Аня решила, что пора возвращаться к работе, но тут ей вспомнилось еще кое-что. Выпрямившись, она быстро вбила в поисковую строку: «Ди Ди китайский актер» – и щелкнула клавишей. Русская Сеть оказалась довольно-таки осведомленной на его счет. Это был видный парень, внешне чем-то напоминающий европейца, очень красивый, высокий, любитель замысловатых причесок. На каких-то фотографиях он взирал из-под сдвинутых бровей, а на каких-то слегка кривил губы в озорной улыбке. Он выглядел юным, привлекательным и был совсем не похож на Илюшу. Аня терялась в догадках: как можно было их спутать?

Между тем последние теплые дни бабьего лета сменились холодными затяжными дождями. За какие-то две-три недели багряная листва облетела, а трава пожухла, оголяя сырую землю. Солнце больше не показывалось, его бледный далекий диск лишь иногда угадывался в пелене туч, но чаще они,

серые, низкие, скрадывали дневной свет.

Это затяжное безвременье было худшей порой года. Сырой пасмурный город действовал на Аню удручающе. Каждый раз по дороге на работу и обратно она с грустью смотрела на желтые угрюмые дома, тусклое небо, канал с черной холодной водой. Безрадостные картины петербургской осени действовали на нее угнетающе, вселяя в душу тревогу и необъяснимую тоску. Ее вера начала таять. Пугаясь собственных мыслей, Аня воскрешала в памяти проведенное с Илюшей время, когда они были только вдвоем и счастливы – две ночи и всего один день, – и убеждала себя, что он тоже помнит о них: невозможно, чтобы нежность и любовь, которую они дарили друг другу, не оставили следа в его сердце, не запали в душу.

Однажды ночью она проснулась оттого, что стало нечем дышать. Оказалось, слезы заливают лицо, а под щекой мокрая подушка. Аня села на постели, потом встала и несколько секунд стояла, не зная, куда идти и что делать. Оглушающая тишина пустой квартиры давила на уши, причиняя почти физическую боль. Чтобы как-то ее побороть, Аня включила телевизор и час спустя уснула под шумные рекламные ролики.

Вскоре Настя стала замечать, что Аня часто что-то бормочет себе под нос. К молчаливости и задумчивому виду подруги она уже привыкла, но до сих пор ей не приходилось

видеть, как та разговаривает сама с собой.

– Ты чего? – как-то спросила она. – Что ты там бормочешь?

– Да прицепилось, постоянно в голове крутится... Знаешь, есть такие стихи: «И в сердце растрava, и дождик с утра. Откуда бы, право, такая хандра? О дождик желанный, твой шорох – предлог душе бесталанной всплакнуть под шумок...» Хандра и маета. Ох, – вздохнула Аня, – иногда как накатит – хоть на стенку лезь.

– Чего-то ты мне не нравишься, подруга. Бледная какая-то стала, взгляд рыбий, шатаешься, как тень отца Гамлета. Может, хватит уже, а?

– Что – хватит?

– Да страдать по этой залетной птице, Илюше твоему. Сразу же было понятно, что все это ненадолго. Получите, распишитесь – разбитое корыто!

– Господи, что у тебя вечно за сравнения? Гамлеты, птицы, корыто... Я не в состоянии это воспринимать.

– А я не в состоянии смотреть, как ты себя изводишь. Скажи мне честно, он обещал, что приедет, обещал, что ваши отношения продолжатся? Обещал хотя бы позвонить, написать?

Аня покачала головой.

– А в чувствах признавался?

– Нет, он ничего не говорил.

– Ну ты даешь! Дело еще хуже, чем я думала.

– Он погулял с собакой.

– Ну конечно, записка про собаку! Ты просто спятила, если видишь в ней хоть какой-то смысл. Эх, жаль, я не пересеклась с этим Илюшей...

– Настя, я ни о чем не жалею. Я только не думала, что буду так тяжело переживать его отсутствие... Знаешь, иногда такое чувство охватывает, будто весь воздух из легких выкачали. Особенно вечерами. Я как в тюрьме, как в клетке, все опостылело... Маета, сплошная маета...

Несколько секунд Аня сидела опустив голову, потом вдруг сказала:

– Слушай, может, на дачу к родителям Дениса можно съездить? На каких-нибудь выходных? Шашлыков нажарим, выпьем, и Локи побегает.

– А давай. Погодка уже не шепчет, правда, но возьмем штаны с начесом, шубы-шапки, и все будет о'кей. – Настя приобняла Аню. – Взбодрись, подруга. Зато теперь у тебя есть бесценный опыт. Будешь внукам рассказывать, как очаровал тебя заезжий красавец и какая между вами была страсть. У каждой бабуси должна быть такая история, а тебе и сочинять не придется.

Аня улыбнулась и поцеловала Настю в щеку.

На дачу решили ехать в ближайшую пятницу после работы. Собирая накануне сумку с вещами, Аня в очередной раз дала себе зарок набраться терпения. С Илюшиного отъезда прошло чуть больше месяца. Конечно, глупо ждать вестей

в такой короткий срок. Нужно привести в порядок мысли, сдерживать эмоции, не распускаться. Она представила наполненную чашку – малейшее колебание, и все выплеснется через край. Надо сохранять спокойствие. Ее тревоги и ожидания достигли зыбкого баланса: она ни в коем случае не позволяла себе отчаиваться, но и мечтать запретила, слишком хорошо зная, как радужные грезы меркнут от соприкосновения с пошлой действительностью.

В пятницу, когда Денис и Настя заехали за Аней на работу, настроение у нее было приподнятое: предстояли выходные на природе, дом с настоящим камином и теплая компания. В машине уже сидел Локи, которого Настя захватила по дороге из Аниной квартиры, в багажнике лежала ее сумка с теплыми вещами, пакеты с продуктами, замаринованное для шашлыка мясо и несколько бутылок вина – Денис сказал, что будут еще его брат с женой. Оставалось только заехать в кофейню к Настинной тетке – за соленьями.

– Я с тобой, – сказала Аня у кондитерской «Ватрушка». – У тети Лиды такие вкусные булочки – хочу купить парочку. Еще капучино выпью.

– Насть! Возьми и мне кофейку! – попросил Денис. – И давайте недолго там, а то я вас знаю, как зацепитесь языками!

– Ладно, ладно! – на ходу бросила Настя. – А ты пока фантики от конфет и коробки из-под соков выброси. Такое ощущение, что у нас дети в салоне катаются!

Тетка встретила их радостным восклицанием и посетовала, что сегодня тесто плохо поднялось и выпечка может быть не так хороша, как обычно. Настя отправилась в подсобку за припасенными для нее банками, а Аня удобно устроилась у витрины, ожидая кофе.

«Ватрушка» была небольшой кофейней на первом этаже жилого дома, с маленьким залом на пять столиков и длинной витриной с разнообразной выпечкой на любой вкус. Настина тетюшка, Лидия Андреевна, дородная дама элегантного возраста, отличалась здоровым румянцем, легким характером и железной хваткой. Два года назад она, к удивлению своего многочисленного семейства, состоящего из сына-оболтуса, Насти и ее мамы, то есть тетюшкиной родной сестры, задумала открыть собственное дело – торговать домашней выпечкой. Имея за плечами двадцатипятилетний опыт работы в школьных столовых и других подобных учреждениях, Лидия Андреевна решила, что пришло время поработать на себя, а не на чужого дядю, и начала продвигать новый проект с завидной энергией. Узнав об этом, ее сестра, Настина мама, усомнилась в успехе будущего предприятия, справедливо указав на целый ряд сопутствующих трудностей, главной из которых была необходимость финансовых вложений. Но Лидия Андреевна оказалась женщиной деловой и решительной. Она вдумчиво оценила возможные риски, но не преуменьшила и свои возможности. К счастью, у нее была незапятнанная кредитная история, накоплен кое-какой капитал

и нашлась парочка полезных знакомств, так что банк выдал ей ссуду, нужные люди помогли с арендой и новыми связями, и вскоре кофейня «Ватрушка» открыла двери для посетителей.

Надо отдать должное тетушкиной смекалке – она выбрала район, где на три квартала вокруг не было ни одного крупного сетевого конкурента. Это послужило немалым преимуществом, и Лидия Андреевна взялась за дело с умом – отдавала кофейне все свои силы, сама пекла пироги и булочки, привлекая клиентов широким ассортиментом. Через полгода он пополнился кондитерскими изделиями и мороженым, закупавшимися у поставщиков по сходной цене.

Настя с Аней не часто заходили на пироги к тете Лиде – «Ватрушка» располагалась в другой части города. Но время от времени все же заезжали по дороге на дачу, как сегодня, или по случаю каких-нибудь больших праздников.

Аня давно здесь не была, и сейчас, осматриваясь, заметила на одной из стен довольно большое фотопанно. На нем был запечатлен вместительный концертный зал с освещенной сценой где-то вдали. Темноту зала, помимо софитов, пронизывали светящиеся фонарики перламутрового и небесно-голубого цвета в руках бесчисленного количества зрителей. Панно украшала надпись с хештегом *Shawol* и пять звезд, одна из которых сияла ярче других. Несколько минут Аня с удивлением разглядывала это неожиданное интерьерное новшество и уже обратилась было к тете Лиде за разъяс-

нениями, но так ничего и не спросила. Взгляд ее скользнул по экрану большого плазменного телевизора на противоположной стене. Что-то странное, промелькнувшее за секунду до этого, заставило Аню взглянуть на экран еще раз. Она посмотрела и застыла как вкопанная.

На экране был Илюша. Он был одет в причудливый и роскошный азиатский наряд, напоминающий объемный халат малинового цвета с широченными белыми рукавами. Илюшины волосы, убранные со лба, были стянуты в тугий пучок на макушке, видневшийся сквозь полупрозрачную тулью шляпы. Эта шляпа выглядела еще более фантастически, – с большими полями в мелкую сеточку и широкими, завязанными под подбородком черными лентами, она казалась не надетой на голову, а как бы приставленной к ней. Шляпу украшали крупные разноцветные бусы, которые свисали с двух сторон наподобие цепочки для очков.

Илюша сидел в позе лотоса за накрытым столом в окружении столь же замысловато одетых людей. Неожиданно он вскочил, резко опрокинул стол, завязалась потасовка, затем началась погоня. В следующей сцене он бежал и прыгал по крышам, нарушая законы земного тяготения. Вскоре он был уже не один – рядом с ним появилась невысокая женская фигурка. Аня увидела ее лицо – белое и красивое, как у фарфоровой куклы. Девушка была прекрасна. Илюша смотрел в ее живые яркие глаза, на ее пухлые алые губы, хрупкие дрожащие плечи. Последовали объятия и поцелуй. Это был

скромный невинный поцелуй, всего лишь легкое прикосновение губами, но на Аню он, как и все происходящее, произвел ошеломляющее впечатление.

– Что это?.. – пробормотала она. – Кто это?..

Лидия Андреевна, вышедшая в зал протереть освободившиеся столики, проследила за Аниным взглядом.

– А-а, это мой любимый Дамрёнушка! – ответила она с нескрываемым умилением.

– Кто?

– Мальчишечка из айдалов.

– Из кого?

– Ну, тех, что песни поют и в дорамах играют.

– Где?

– Ох, тундры вы мои неогороженные! Я вот и Настьке говорю – посмотри, понравится. Она только хохочет и всех их бурятами называет. А я обожаю! Всегда включаю, пусть люди смотрят. Сегодня – «Алые небеса Чосона». Этот, главный, до чего хорош, да?

Тетка подмигнула и пихнула Аню в бок.

– Аньке это не интересно, у нее есть свой любимый азиат, – сказала Настя, появляясь из подсобки. – Теть Лид, мы засиживаться не будем – Денис в машине ждет. Я взяла банку огурцов и две грибов.

Тетка помахала рукой и крикнула:

– Матери скажи, чтоб без меня сливу не делала. В субботу приеду – закатаем.

Настя с Аней вышли на улицу. Настя велела Денису открыть багажник и уложить банки, а когда обернулась, увидела, что подружки рядом нет: она шла по тротуару в ту сторону, откуда они только что приехали.

– Анька! – крикнула Настя. – Ты куда?

Аня не ответила. Настя страшно удивилась, догнала подружку и схватила за руку:

– Ты куда?

Аня невидяще посмотрела на нее, потом сфокусировала взгляд, нахмурилась и сказала:

– Мне надо домой... Да, домой. Пока! – с этими словами она отвернулась и зашагала прочь очень быстро.

Настя осталась стоять с открытым ртом.

– Эй! – снова крикнула она. – Да что с тобой?!

Подошел Денис.

– В чем дело? Поссорились?

– Нет! Я вообще ничего не понимаю! Все было нормально. Я пошла в подсобку за банками. Анька с тетей Лидой какое-то кино обсуждали, что ли. Тетку же хлебом не корми, дай про свои азиатские фильмы поговорить, а Анька... Анька... – внезапно Настя запнулась. – Она уставилась в телевизор и выглядела так, будто сейчас в обморок хлопнется. Очень, очень странно!

Денис хмыкнул:

– Так, может, она что-то в телевизоре увидела?

Настины зрачки заметались, как бывало всякий раз, когда

она пыталась что-то быстро сообразить.

– Да, – медленно проговорила Настя, – увидела в телевизоре. Она увидела в телевизоре и узнала... его?

– Кого – его? Корейца своего, что ли? – удивился Денис.

– Ты знаешь, у меня вот прямо сейчас словно щекочет внутри, – Настя приложила руку к груди и несколько секунд смотрела на Дениса, а потом произнесла решительно: – Ну-ка, идем, сейчас выясним, что там за «Алые паруса»!

Аня вошла в квартиру, сбросила сумку, обувь и, не раздеваясь, направилась к столу. Несколько минут нетерпеливого ожидания, пока загрузится компьютер, – и вот уже поисковик готов к работе. Из всего сказанного Настиной теткой в память врезалось ласковое «Дамрёнушка». Теперь она вспомнила. Дам Рён – имя, когда-то показавшееся ей похожим на «рено» или «рамён». Она вбила его в поисковую строку. Сеть выдала с десятков фото, статью в «Википедии», информацию о дюжине страниц в соцсетях. «Яндекс. Видео» – больше семи тысяч ссылок. «Яндекс. Картинки» – целую ленту фотографий. Со всех этих фотографий и видеопревью на нее смотрел Илюша.

Аня кликнула на первую строчку. «Википедия» предлагала объемную статью с подробным списком фильмографии, дискографии, работы в рекламе, наград – и ссылки на источники, занимающие четверть от всего текста. Статья сообщала, что Дам Рён известен так же, как «неудержимый Ти

Ди», по имени персонажа его дебютного фильма – вспыльчивого, умного, немного дикого подростка. Первый открытый ролик оказался клипом песни, который за четыре месяца просмотрело почти три миллиона пользователей. Другое наугад открытое видео – какое-то телевизионное шоу с участием шести молодых людей, среди которых был и Илюша. Одна за другой открывались ссылки, сыпались отрывки из различных телепрограмм и фильмов, рекламные ролики, видеоклипы, интервью и записи концертов. Одну из видеозаписей Аня досмотрела до конца. Огромный зал (забитые до отказа ярусы и галерка) светился в темноте неоновыми лампами сиреневого цвета – сотни людей размахивали ими одновременно в такт зажигательного ритма. Илюша пел на сцене в потоке ярких белых лучей, рядом с ним, повторяя каждое его движение, танцевал кордебалет.

Аня медленно размотала шарф, скинула на пол пальто. Продолжая интернет-серфинг, она наткнулась на запись с мобильного телефона: Илюша шел в сопровождении нескольких человек по зданию аэропорта. На всем пути его следования за оградительными барьерами толпились люди, они кричали, махали флажками и сиреневыми неоновыми фонариками и фотографировали, фотографировали, фотографировали. Илюша склонял голову, улыбался и время от времени поднимал руку, отвечая на приветствия. На другом похожем видео он выходил из дверей какого-то здания и оказывался посреди живого людского моря. На этот раз барье-

ров не было, и он шел сквозь толпу, оттесняемую от него крепкими мужчинами в деловых костюмах. К нему тянулся лес рук с телефонами, повсюду мелькали вспышки и стоял невообразимый гул. У похожей на «газель» машины он остановился, повернулся к толпе, помахал рукой и поклонился. Толпа взорвалась криками, а фотовспышки засверкали в два раза чаще.

Дальше смотреть Аня не могла. Она почувствовала подступающую к горлу тошноту, и ее на самом деле вырвало, едва она добежала до туалета. Вернувшись в комнату, она легла на диван, ощущая странную опустошенность, неспособность думать и даже формулировать мысли.

Через час в дверь стали настойчиво и непрерывно звонить. Когда Аня открыла, Настя вошла, подхватила подругу под локоть и повела в комнату.

– Ну ты даешь! Зря только тебе ключи отдала! – сказала она, глядя, как Аня садится на диван, поджимая под себя ноги. – Нам пришлось опять ехать через весь город!

Аня не ответила. Настя секунду смотрела на нее, потом вытащила телефон, провела по экрану и повернула его к Анне. Весь экран телефона занимала студийная фотография Илюши. Аня не удивилась, просто молча смотрела. Но Настя была заметно взвинчена, сверкала глазами, а когда снова заговорила, голос ее прозвучал торжественно, словно она зачитывала доклад о высоких достижениях в сельскохозяйственной отрасли. В бессвязном хаосе Аниных мыслей воз-

ник образ советской дикторши из ура-патриотической передачи, на запись которой она как-то наткнулась во время студенческой практики на «Ленфильме». Дикторша говорила вот точно так же – духоподъемно и вдохновенно.

– Дам Рён, настоящее имя Ким Иль У. Тридцать один год. Южнокорейский актер, модель, певец, автор песен, лидер музыкальной группы 6BF. Один из самых знаменитых айдолов кей-поп- и джей-поп-индустрии, бешено популярен в странах Азии и Латинской Америки, также хорошо известен в Европе, США и Канаде, где существуют его фандомы и посвященные ему группы в соцсетях. На его официальную страницу подписаны десять миллионов семьсот тысяч человек. Лауреат большого числа престижных музыкальных и кинопремий. Дебютировал тринадцать лет назад и тут же получил от СМИ титул «Принц Азии», считается признанной иконой стиля. Каждое его официальное появление на публике производит ажиотаж среди фанатов и в прессе. Поинтересуйся у любого азиата на Невском, кто такой Дам Рён, – и получишь подробный рассказ о его творчестве и биографии. И только ты, боже мой, умудрилась звать его Илюшей. Просто Илюшей!

Аня закрыла лицо руками.

– Это не он.

Настя растерялась, но, видя, что подруга так и сидит, уронив лицо в ладони, отложила телефон и подошла к ней.

– Ань, ну ты что?

Аня подняла на нее красные, воспаленные глаза.

– Как это может быть он, мой Илюша? Я ничего не понимаю.

Настя заметила на экране компьютера поставленное на паузу видео. Это был клип, стилизованный под ретро. На застывшем кадре Илюша, одетый с шиком, стоял перед микрофоном в стиле 1950-х годов.

– Нет, это же надо... – вымолвила Настя, снова поворачиваясь к Анне. – Мы пока сюда ехали, я кое-что почитала. Даже Денис, оказывается, о Дам Рёне что-то слышал. Эта его бывшая группа, «Six beautiful flowers»^{3*}, была приглашена на какой-то международный мотофестиваль. Ты же знаешь, как Денис любит все эти байкерские штучки... но я в жизни не соглашусь на мотоцикл!.. Ладно, это к делу не относится... В общем, похоже, у тебя случился роман с невероятным популярным парнем. Я не поклонница азиатов, но в этом что-то есть! Он мне больше всего понравился с короткими осветленными волосами, хотя с темными тоже хорошо, а вот с длинными – не очень.

Настя сделала паузу, но ответа не дождалась.

– Слушай, подруга, на тебе лица нет. Чего ты убиваешься? Радоваться надо!

– Чему? – с искренним удивлением спросила Аня.

– Еще спрашиваешь! Не каждый день людей из телевизора встречаешь! Я, правда, ни бум-бум в этих азиатских звезд

³ * *Six beautiful flowers* – шесть прекрасных цветков (англ.).

дах, но тетя Лида – специалист. Она говорит, что не зря их айдолами зовут – фанаты на них разве что не молятся! Я порылась в соцсетях, нашла группы, посвященные Дам Рёну, – бабы там натурально повернутые собрались. Каждый день с утра до вечера пишут посты, выкладывают фото, видео, в голосовалках каких-то участвуют. Представляешь, ему посвящают стихи, рисунки, ну и остальное в таком духе. Знали бы они, что он несколько дней провел в Питере, – их бы там всех разом кондратий обнял. Кстати, а что он тут делал? В этих группах километры слезных постов о том, что он ни разу не упоминал Россию в своих гастрольных планах. Правда, как-то во время стрима произнес «я вас люблю» на языках стран, где есть его фанаты. Я посмотрела кусочек с русским посланием. Он сказал «лубли». Миленько! Ты знаешь, он мне понравился. Такой открытый, приятный парень, без лишних понтов. Ты видела его канал на «Ютьюбе»? Одет просто, держится непринужденно, шапочки эти его дурацкие... И поет хорошо. А клипы видела? Я посмотрела несколько. Это нереально круто! Но еще нереальнее то, что его на наши болота занесло, причем, как я понимаю, инкогнито. По официальной версии, он отдыхал где-то на побережье и занимался дайвингом. Его аккаунты в инете каждый день обновлялись. Я на него подписалась.

Аня смотрела на подругу, будто первый раз видела. Настю это несколько не смутило, напротив, она была полна энергии и энтузиазма.

– Ты в шоке, это очевидно, но еще не повод впадать в про-
страцию. – Настя выключила компьютер и вернулась к Ан-
не. – Встаем, одеваемся, едем на дачу. Давай-давай! Денис
уже три эсэмэски прислал, и, кстати, в машине твоя собака.
Так что шевелись. Как говорится – подумаешь об этом зав-
тра.

Аня улыбнулась:

– Спасибо тебе, Настёна. Ты права, мне надо проветрить
голову и обстановку сменить. Эти проклятые стены меня с
ума сведут.

– Еще не хватало! В каком-то веке в жизни нашей Аньки
что-то происходит. Вот видишь, и на твоей улице праздник!

Но Аня неожиданно заплакала.

– Да в чем дело-то? Утри сопли! А то, не ровен час, прие-
дет твой Принц Азии, и что увидит – бледную моль? От тебя
уже одни глаза да нос остались.

– Ты думаешь, он приедет?

– Пусть только попробует не приехать! Теперь-то дотя-
нуться до него труда не составит, и в случае чего – попортить
ему кровушку.

– О чем ты?

– Да ни о чем, так, мысли вслух... Да, Диня, – промурлы-
кала она в трубку, отвечая на телефонный звонок, – выхо-
дим, выходим уже!

По дороге на дачу Настя продолжила развивать тему, но

Аня прикрыла глаза, обняла лежащего рядом на заднем сиденье Локи, и Настя скоро переключилась на Дениса. По приезде Аня не стала принимать участие в оживленной суете, лишь изредка отвечая на вопросы подруги, которая сразу же засучила рукава и принялась хозяйничать на кухне, вслух строя планы на выходные. Получив большую чашку горячего чая, Аня уютно устроилась в широком кожаном кресле, настолько большом, что они с Настей, бывало, помещались в нем вдвоем, и погрузилась в изучение современной южнокорейской культуры, которой до этого совершенно не интересовалась.

Сначала Анне попадались разрозненные сведения, она читала статьи и новости бессистемно, но скоро ей повезло – она наткнулась на материал из какого-то журнала о явлении, получившем название «халлю», или «корейская волна». В статье, иллюстрированной большим числом фотографий (на одной из них был и Илюша), говорилось, что «корейская волна» продолжает завоевывать мир, ставя у руля своего развития индустрию развлечений, технологии и культ красоты, продвигая самобытную культуру, еду и набирающую популярность по всему миру музыку.

Аня с удивлением узнавала, какой масштаб приобрело это явление и как далеко за пределы Азии шагнула слава некоторых южнокорейских певцов и актеров. В большинстве своем это были внешне привлекательные люди, прославившиеся на музыкальном поприще или благодаря съемкам в успешных

сериалах. Музыкальные группы и отдельные певцы насчитывали миллионы поклонников. Большая часть этих фанатов состояла в активно действующих сообществах – они собирали подарки, присылали угощения на съемочные площадки, организовывали и оплачивали размещение рекламы, кочевали за гастрольными турами.

Певцы, хорошо зарекомендовавшие себя на телевидении, быстро становились новыми кумирами. Это и произошло с Дам Рёном. Дебютировав в составе молодежного бойз-бенда как его лидер и главный вокалист, через год он получил предложение сняться в романтическом сериале. Незаурядные актерские способности, искренность и страсть в роли юного бунтаря Ти Ди были благосклонно приняты публикой, его по-настоящему заметили, а хиты группы «Six beautiful flowers» взлетели на вершины музыкальных чартов. После этого последовали роли в других фильмах и выпуски новых музыкальных альбомов уже в качестве соло-исполнителя, работа в рекламе и ежегодные гастроли.

На Дам Рёна обратили внимание и в правящих кругах – его стали привлекать к благотворительным акциям и проектам. Он был среди знаменитостей, выступивших на церемонии открытия чемпионата мира по легкой атлетике в Сеуле. Стал послом корейского туризма и официальным лицом профильного Министерства страны – снялся в рекламе и провел благотворительный концертный тур в четырех провинциях при поддержке министерских чиновников и пред-

ставителей социальных организаций. Как видного представителя халлю, его пригласили принять участие в международном мероприятии Президентского комитета по культурному обогащению, чтобы он поделился опытом и высказал предложения по развитию корейской культуры. На следующий год он снялся в проекте с крупным бюджетом, сменив образ романтического героя на роль охотника за головами, поразив аудиторию новым имиджем и бойцовскими навыками своего персонажа. Растущая популярность «неудержимого Ти Ди» сделала его желанным гостем на телевидении и радио, а кроме того, он стал первой корейской знаменитостью, принявшей участие в сверхпопулярном китайском шоу с онлайн-вещанием по всему миру.

У него была неисчислимая армия поклонников. Аня с некоторой оторопью просматривала ленты отечественных фан-групп, о которых говорила Настя. Это были сообщества людей, ежедневно выражавших любовь к своему Принцу и Лидеру. Они делились мнениями, вступали в дискуссии, размещали большое количество видео- и фотоматериала, переводили тексты песен и интернетных статей, вливались в международные акции в поддержку событий с участием Дам Рёна, следили за его перемещениями, обсуждали его личную жизнь.

Пролистывая посвященные ему страницы, Аня довольно быстро наткнулась на сообщения о связанном с ним скандале. История тянулась последние три-четыре года, наделав

много шума, и едва не поставила крест на всей его карьере. В русскоязычную Сеть попали довольно скудные сведения о ситуации и развитии событий, но их оказалось достаточно, чтобы составить картину произошедшего.

Однажды, когда Дам Рён находился с концертами в Макао, один из южнокорейских таблоидов опубликовал сенсационный эксклюзив от некой гражданки по фамилии Юн. Она поделилась с читателями, что, будучи девушкой известного певца и актера, в течение полугода неоднократно подвергалась физическому насилию с его стороны. К статье были приложены фотографии ушибов и гематом из личного архива жертвы и СМС-переписка. Одновременно с этим от гражданки Юн поступило заявление на Дам Рёна в полицию с жалобой на систематические избиения и причинение вреда здоровью, повлекших, в частности, перелом ребра и выкидыш. Столь невероятная новость тут же стала событием номер один и на время затмила другие актуальные темы для обсуждения.

Обитатели интернет-сообществ, чувствительные к моральным ценностям и непогрешимой репутации знаменитостей, разделились на два противоборствующих лагеря – одни проклинали и ненавидели своего бывшего кумира, другие истово защищали его от нападок прессы и лживых заявлений отставленной подружки. Только за первый месяц скандала было опубликовано свыше десяти тысяч статей. Один из одиозных таблоидов страны – главный поставщик скабрёзных

сенсаций из мира шоу-бизнеса – делал вбросы ежедневно, и горячие подробности мгновенно распространялись от крупных изданий до бульварных листков. Комментарии пользователей под видео с участием Дам Рёна и на его официальных страницах в Сети стали настолько ненавистническими, что часть из них пришлось заблокировать, но обозленные нетизены и хейтеры, зарабатывающие на манипуляциях общественным мнением, все время находили новые возможности и новые ресурсы для излияния своих недобрых чувств.

Между тем правоохранные органы взялись за Дам Рёна всерьез. Вслед за местным департаментом полиции, куда поступило заявление, возбудила дело сеульская прокуратура. Скоро стало известно, что по совокупности выдвинутых обвинений Дам Рёну грозило до семи лет заключения. Началась ожесточенная битва адвокатов, ставшая, по мнению экспертов, драматичнее и зрелищнее любого триллера, в котором когда-либо снимался актер. На протяжении последующих трех с половиной лет с долгими перерывами и переносами в Уголовном и Гражданском судах проходили слушания этого громкого процесса, сопровождаемые вниманием печати и телевидения. Всплывали то новые факты, то новые обвинения, была проведена не одна судебно-медицинская экспертиза, присуждены и выплачены немалые суммы, поданы десятки апелляций и встречные иски за опороченную репутацию, вымогательство, клевету и попытки мошенничества.

В ходе разбирательств Дам Рён понес невероятные убытки – в одночасье с ним были разорваны рекламные контракты, из телевизионных передач вырезали эпизоды с его участием, отменялись запланированные встречи и проекты. Перед началом одного из открытых судебных заседаний, куда допускались публика и пресса, его атаковала группа разъяренных людей – ему порвали одежду, несколько раз ударили в лицо. Беда пришла и в его продюсерское агентство – акции резко упали в цене. Агентство начали покидать другие певцы из страха перед тем, что их имя хотя бы косвенно может быть соотнесено с происходящими событиями. Одновременно с этим жертва предполагаемого насилия продолжала давать интервью. Ее рассказы обрастали новыми подробностями, вызывая гнев и сочувствие публики. Не выдержав позора, старшая сестра Дам Рёна, воспитавшая его вместо рано умерших родителей, попыталась покончить с собой. Ее спасли, но этот случай породил новую волну громких публикаций и злобных комментариев. Дам Рёну советовали убраться из страны, а еще лучше – умереть, и сделать это убедительнее, чем его сестра. Его обвиняли в бесчувствии и эгоизме. Поток сарказма удвоился, когда в прессу просочились медицинские документы, свидетельствовавшие о моральном и физическом состоянии молодого человека – у него диагностировали нервное истощение, депрессию и панические атаки.

На фоне общественного ажиотажа вскоре появились и

статьи небрежливых авторов, которые основывали свои «разоблачения» исключительно на сплетнях из интернета. Адвокаты Дам Рёна несколько раз выступали с призывами прекратить распространение ложной и недостоверной информации, заявляя, что эти бессмысленные оскорбления, противоречащие выводам полицейского расследования, близки к персональным нападениям. Однако призывы защиты не были услышаны, к тому же в дело вмешались известные феминистки. От них в адрес Дам Рёна полетели ядовитые замечания относительно его умственных способностей и мужской полноценности. Какая-то из них изобразила певца в образе оборотня – антигероя популярной манхвы^{4*}, и интернет захлестнула лавина карикатур на эту тему.

Финал истории наступил за год до того, как Аня узнала его, – последняя судебная инстанция страны признала обвинения в жестоких избиениях, сексуальном насилии и принуждении к аборту беспочвенными, не найдя им никаких подтверждений или свидетельств. В то же время были установлены факты фальсификации ряда «обвинительных доказательств», и это повлекло за собой возбуждение нового уголовного дела. Спустя некоторое время по встречному иску за публичный оговор, шантаж и лжесвидетельства гражданку Юн, в одночасье растерявшую всех своих явных и тай-

⁴ * *Манхва* – корейские комиксы (а также анимация и карикатуры, но за пределами Кореи это название закрепилось именно за комиксами и графическими романами).

ных союзников, приговорили к реальному тюремному сроку и выплате нескольких миллионов вон.

В одной из русских групп Аня нашла полную хронологию событий и судебных заседаний. Прокручивая эти сведения, расписанные по датам, она удивлялась тому, как он смог выстоять под гнетом обрушившегося на него несчастья. От него отворачивались вчерашние друзья, непрерывным потоком лились оскорбления и угрозы, его интимную жизнь выставляли на всеобщее обсуждение, но он продолжал работать и писать музыку, встречался с преданными поклонниками. Период глубочайшей депрессии сменился упрямым желанием выкарабкаться из крутого пике, в которое сорвалась его жизнь. Напуганные его добровольным затворничеством и суицидальными мыслями, верные товарищи больше месяца находились неотлучно рядом с ним, пока он не поклялся им держаться до конца и впервые за долгое время вышел на улицу. Несмотря на непрекращающуюся травлю в интернете и СМИ, он получил неоценимую поддержку от истинных почитателей – ему присылали бумажные письма и коробки с сотнями цветных самодельных журавликов, писали слова ободрения в аккаунты и даже однажды подкатили к его дому фургончик с кофе. В самый разгар скандала, когда Юн подала несколько десятков исков уже против поклонников бывшего бойфренда за оскорбительные посты в Сети, мировой фандом Дам Рёна опубликовал официальное заявление с требованием закрыть сфабрикованное дело и принять жест-

кие меры в отношении ряда СМИ за распространение клеветы и откровенную диффамацию, названную «циничным социальным убийством».

Сначала Аню озадачила реакция корейской общественности на происходящее с Дам Рёном. По всем разумным стандартам эта реакция была, мягко говоря, неадекватной и чересчур эмоциональной. Особенно ее поразил факт, ставший своеобразной кульминацией скандала: на сайте Голубого дома^{5*} появилась петиция с требованием лишить Дам Рёна из БВФ гражданства Республики Корея и аннулировать врученный ему орден «За заслуги в культуре». Больше похожая на донос, она раскрывала «истинное лицо» Дам Рёна и заканчивалась пассажем о «несоответствии его поведения и поступков званию кумира нации, а также статусу высокой награды, вручаемой за выдающиеся достижения и вклад в национальное развитие». Петиция подняла новую информационную волну, однако не имела сколько-нибудь существенных последствий. За первые часы после публикации она собрала всего тысячу четыреста подписей, что было ничтожно мало для какой-либо реакции со стороны правительства.

Тем не менее положение Дам Рёна оставалось незавидным. Если бы нашлись доказательства хотя бы по одному из выдвинутых против него обвинений, это гарантировало бы ему профессиональную смерть. Никакие прежние заслуги не

⁵ * *Голубой дом* – резиденция главы исполнительной власти (президента) Южной Кореи.

помогли бы ему продолжать не только работать, но и спокойно жить. Ему пришлось бы действительно уехать из страны или выбрать путь, который с пугающей регулярностью выбирали многие представители этой индустрии, чья слава ложилась на них непомерным грузом финансовых обязательств, моральных компромиссов и психологических проблем.

Анне трудно было представить, чтобы кого-либо из медиаперсон отечественного шоу-бизнеса так же проклинали, ненавидели и пытались уничтожить за проступок в личной жизни. Новости подобного рода ее журнал забрасывал в колонку светской хроники. Изредка скандалам уделялось больше печатного пространства в глянцевах журналах, максимум пару дней они обсуждались в Сети, никого по-настоящему не волнуя. Что касается слухов, наветов и сплетен, то общее мнение сходилось на том, что весь этот «звездный небосклон» живет, сверкает и бурлит исключительно благодаря им. Но было очевидно, что Дам Рён не мог рассчитывать на снисхождение. Со стесненным сердцем Аня читала эмоциональную переписку англоязычных фанаток под одним из видео, освещавших судебные тяжбы. Ей глубоко в душу запала кем-то высказанная мысль, что Дам Рён и многие другие, подобные ему, – все эти успешные, популярные люди на самом деле заложники собственных образов. В их жизни не оставалось места поступкам, желаниям и чувствам простых смертных. Они находилась под неусыпным вниманием огромной аудитории. Восторженные толпы окружали их в публичных

местах, фиксировали на фото и видео каждый их шаг, оценивали любое действие или слово. И эти же толпы господствовали на необозримом пространстве интернета – безликие комментаторы, фанаты, способные впасть в массовую истерию, когда градус любви или ненависти к кумирам зависел от незначительных и порой самых непредсказуемых факторов.

Судя по последним публикациям, профессиональная деятельность бывшего кумира нации была практически остановлена. Долгое время он оставался без работы, лишившись всех контрактов и не получая ни одного предложения. Это стало печальным подтверждением фразы из судебного вердикта о том, что нанесенный карьере и репутации Дам Рёна ущерб «сопоставим с потерей жизни». СМИ, в свое время сорвавшие хороший куш на раздувании скандала, оказались весьма скупы на освещение его финала. Во многом благодаря этому немало людей продолжали осыпать Дам Рёна брабню, иные же потеряли к нему интерес, но навсегда заклеямили его как парию.

Иностранные комментаторы сходились в одном: какие бы силы ни провоцировали и не поддерживали конфликт и что бы ни лежало в его основе – неконтролируемые эмоции или же холодный расчет, – эти силы устранили со сцены наиболее успешного соло-исполнителя Азии и освободили шестьдесят процентов рекламного рынка индустрии. Его агентство, понесшее многомиллионные потери, по итогу поглотила более

крупная корпорация, контроль над финансовыми потоками был перераспределен, а рынок Японии – открыт для конкурентов.

Однако совсем недавно отечественная пресса вновь воскресила имя Дам Рёна в памяти обывателей. Два-три издания упомянули о некоторых подвижках в его карьере, казалось уже безнадежно загубленной. Сухие и короткие заметки не шли ни в какое сравнение с прежними публикациями, но сам факт их появления вселял надежду, что консервативная общественность может вновь обратиться на Дам Рёна свой придирчивый взгляд. Сообщалось, что, выиграв суды по гражданскому и уголовному делу, он не стал комментировать отказ оппонентов принести ему официальные извинения. Он готовился к трудоемкому гастрольному туру, который должен был продлиться не менее полугода. Двери крупных студий оставались для него закрыты, но он неожиданно заключил контракт с небольшим агентством. Поговаривали, что он согласился на более чем скромные условия и что это был рискованный компромисс для обеих сторон. Агентство, прежде не снискавшее сколько-нибудь значительного успеха ни для одного из своих подопечных, мобилизовало ресурсы и предложило Дам Рёну гастрольный тур и промоушен нового альбома. Он должен был посетить с концертами десять городов и восемь стран, где пользовался наибольшей популярностью; начать предстояло с Латинской Америки. Также агентство поспешило заявить, что Дам Рён может возобно-

вить актерскую карьеру. Впервые за пять лет у него появился шанс вернуться на малые экраны с небольшой веб-драмой – шли переговоры с вьетнамской стороной, и в случае их успешного завершения съемки могут начаться уже в следующем году, вскоре после завершения гастролей.

Читая статьи, просматривая клипы и интервью, перебирая фотографии, Аня на собственном опыте поняла, что значит, когда в твоём сознании не стыкуется реальное и воображаемое. С тревогой она пришла к выводу, что её психологическое состояние имеет название, смахивающее на медицинский диагноз, – когнитивный диссонанс. Ей никак не удавалось соотнести все, что она узнала о Дам Рёне, со своим Илюшей. Разве был он тем человеком, с кем она сидела на покрывале в парке, чистила вареные яйца и картошку в мундире, смеялась, дурачилась, гуляла с Локи? С кем пережила столько упоительных и страстных мгновений?

Илюша был человеком, чье присутствие, само существование, затронуло в ней неведомые до сих пор глубины. Связь с ним Аня ощущала на инстинктивном уровне, это чувство невозможно было осмыслить, дать ему рациональное объяснение. Оно рождалось в ритме ее сердца, разливалось по венам, растворялось в крови. Почему с ней это произошло и как могло случиться за такое короткое время, Аня не знала. Но она знала другое: Илюша – его голос, выражение лица, манера говорить, склонять голову, его походка, жесты, – весь он, целиком и полностью, стал для нее близким и родным.

Теперь же она была зрителем и смотрела на него через экран телефона, и увиденное пугало ее холодным отчуждением. Она видела человека, стоящего на сцене в свете ярких софитов, экранного героя музыкальных клипов и фильмов, приглашенную звезду шоу-программ, лицо известных брендов. Она видела незнакомца. История его жизни была для нее равносильна сюжету какого-нибудь фильма или книги. Разве с обычными людьми происходят подобные вещи? Во всяком случае, ни с кем из тех, кто окружал ее в реальной жизни, такого происходить не могло. Вглядываясь в лицо Дам Рёна, вслушиваясь в его голос, она пыталась отыскать черты своего Илюши. Она узнавала жесты, мимику, его улыбка вызывала щемящее чувство в сердце, будила воспоминания, но теперь он казался пришельцем с другой планеты, персонажем из мира снов, какого-то нездешнего бытия...

К вечеру этой утомительной пятницы Аня наконец отложила телефон и постаралась влиться в веселую компанию дачников, но, вопреки ожиданиям, выпивать не хотелось, а ужин показался тяжелым. Пожелав компании хорошего вечера, она рано ушла спать и действительно спокойно проспала всю ночь, без сновидений. На следующий день ее вялые попытки поддержать разговоры, рассеянность и затуманенный взгляд вызвали удивление и шуточные подтрунивая, но Настя высказалась во всеуслышание, что у Анны осенний сплин и, если ей хочется побыть одной, оставьте ее все в покое. Аня едва ли это заметила. Сначала она долго сидела у

камина, потом бродила по облетевшему саду, а когда принялись готовить шашлыки, устроилась на веранде в шезлонге, намотав шарф до самых глаз и укрывшись теплым пледом, который принес из дома Денис. Настя посматривала на подругу с тревогой, опасаясь увидеть на ее лице страдания и слезы, но Аня не плакала. Она сидела с задумчивым лицом, обратив взгляд внутрь себя.

На самом деле она размышляла. Пережив первое потрясение, Аня решила заглушить, насколько это возможно, эмоции и чувства, и трезво оценить положение вещей. Первое, что она осознала, – Илюша не приедет. Для этого есть объективные причины: в ближайшие полгода в его графике стояли восемь стран и десять городов, а дальше – съемки в многосерийном проекте, которые, должно быть, займут еще половину года. Ей же предстояло провести свой год, ничем не отличимый от предыдущего, в повседневной рутине дней и предсказуемых событий. Этот неутешительный вывод привел к мысли о том, как все могло бы быть по-другому.

Отпустив фантазию, Аня начала воображать, как Илюша, выкраивая время, приезжает к ней на день или два, как они поддерживают связь на расстоянии, обмениваются сообщениями, разговаривают по телефону. Но полет воображения быстро стал терять высоту. Плоды этих фантазий выходили таким же неаппетитным муляжом, как пластмассовые фрукты, и никчемными, как искусственные цветы. Тогда она представила, что сама переезжает к нему. Здесь Аня

задалась вопросом: а какое положение она заняла бы рядом с Дам Рёном? Дам Рёном?.. Да, Илюши там уже не было бы. Аня не знала правил игры азиатского шоу-бизнеса, но из того, что успела прочесть, сделала вывод – нанесенный Дам Рёну репутационный ущерб никогда не забудется. Юридические процедуры восстановили его доброе имя, но для многих представителей гражданских институтов южнокорейского общества, в том числе имеющих влияние на медиа, индустрию развлечений и рекламный бизнес, оно навсегда будет связано с безобразным скандалом, затрагивающим его частную жизнь. В условиях, когда еще не остыли судебные приставы, появление новой пассии, да еще иностранки, приехавшей за ним в Сеул, почти наверняка разворошит старый улей, будет болезненно воспринято ревнивыми фанатами, а бесстыжей прессой – в лучшем случае неоднозначно. Он мог поступить иначе: тайно поселить ее где-нибудь подальше от столицы и с большим риском для себя временами наезжать в перерывах между концертами, съемками, фан-встречами и другими не менее важными делами. Тут Анна память услужливо преподнесла ей образы соержанок из классической литературы, целиком и полностью зависимых от своих патронов. Одна из них умерла от чахотки, другую бешеный любовник зарезал, третью возлюбленный продал за долги старику, и она отравилась... Пожалуй, этого достаточно. Теоретически существовал третий вариант – они могли пожениться, но разумный ли это поступок для кумира, чья

армия поклонниц, без сомнения, только выросла на фоне того, что он – безвинно пострадавший мужчина, которого обидела и предала любимая женщина?

Аня задумалась – где ее место в этом сонмище влюбленных в него женщин? Кем она была для него? Возможно, как человек, привыкший находиться в центре внимания, он воспринимал ее симпатию, влечение к нему, наконец ее робкую любовь как самые обыкновенные и естественные вещи. Оттого, что он проводил с ней время, смотрел на нее с интересом, с нежностью ее любил, она допустила, что стала важна для него так же, как он стал важен для нее. Раздумывая над этим, Аня решительно отмела все беспочвенные домыслы и предположения, основанные на наивных надеждах. Она посмотрела в лицо безжалостным фактам, и эти факты говорили: Илюша не делал признаний и не давал обещаний. Возможно, все дело в ней самой: не архисложная задача – вскружить голову такой впечатлительной дурочке. Но конечно, определяющее значение имело то, кем был он. Да, думала Аня, из всех возможных вариантов этот оказался наихудшим. Дам Рён – человек с обложки топовых изданий, – что общего он имел с ее жизнью? Его собственная жизнь вроде бы вновь находилась на старте и именно сейчас требовала предельной открытости и скромности. В ней не было места компромиссам, ошибкам, необдуманым поступкам – в его жизни не было места для нее...

Утром воскресного дня компания решила сделать вылазку к близлежащим озерам. Летом и ранней осенью их окрестности предоставляли взору живописные виды, зимой – необъятные просторы. Снежные равнины сливались с низким небом, а вода в озерах покрывалась толстым слоем льда, в черной глубине которого можно было разглядеть застывшие пузыри воздуха. Сейчас, в конце октября, длинная полоса леса лишь кое-где сохранила желтые пятна увядшей листвы, берега озер ощетинились сухим камышом, зато в воде отражались все краски небесного свода – величественного и бескрайнего.

Аня охотно поехала со всеми и составила компанию тем, кто рискнул забраться на поросшую кустарником сопку, откуда открывался особенно красивый пейзаж.

– Жалко, здесь хорошей рыбы не водится, – сказал брат Дениса, Борис, глядя вниз, на озера. – Можно было бы приехать с ночевкой. А так – только гостям виды показывать.

– Я – гостя, и мне виды нравятся, – ответила Аня, – хотя здесь ужасно ветрено.

– А мне хорошо! – Настя раскинула руки и подставила лицо ветру. – Эх, Русь-матушка, широка родная!

Борис засмеялся.

– Смотри не свались, а то Диню удар хватит. Ладно, пойдем, и правда ветрено.

– Какое же здесь небо, – пробормотала Аня, невольно вспоминая небо Павловска, отраженное в озере парка. Она

вздохнула и спрятала лицо в намотанный на шею шарф.

Настя взяла ее под руку, и они двинулись за Борисом, который ушел вперед в поисках пологой тропы.

– Я вижу, ты вынырнула из своего аквариума, – сказала Настя. – Ну, рассказывай.

– О чем?

– Что думаешь делать, как думаешь жить?

– Ничего. Как и прежде.

– В смысле? Ничего предпринять не собираешься? Ну, вообще-то ты права – подождем. Я все прочитала, очень интересно! Скандалы, расследования – прям кино. Кстати, ты знаешь, я этот его первый фильм начала смотреть. Вчера что-то не спалось долго, думаю, а чего бы и не глянуть? Ну, скажу тебе, это затягивает!

– Тебе понравилось?

– Да я конкретно подседа! Денис у меня сегодня с утра телефон отнимал – думала, успею посмотреть еще серию, пока он раскачивается. Илюша этот все больше впечатляет. Он там, конечно, совсем пацан, но буквально завораживает... эти его глаза, взгляд, а улыбка... бывает же такое!

– Я все слышу, – донесся голос Бориса.

– Подумаешь! – фыркнула Настя, но голос все же понизила: – В принципе, найти на него выходы можно. В одной из групп, той, что самая активная и, типа, официальная, есть на странице какие-то заграничные контакты, не прямые, ясное дело, но все можно разведать.

Аня остановилась.

– Настя, послушай, я не буду искать его контактов, не буду ждать, что он свяжется со мной. Уверена, что ты уже подумывала о нашей с тобой поездке в Сеул, так вот – ее тоже не будет. Он уехал и не вернется. Все закончилось.

Настя довольно долго смотрела на нее. Было очевидно, что она готова разразиться монологом, но сдержалась и выплеснула только одно слово:

– Почему?

– Слышала про параллельные прямые? Они никогда не пересекаются.

– Это мне заявляет махровый гуманитарий! Вообще-то есть теория, доказывающая обратное.

– Предполагающая обратное, – поправила Аня с улыбкой. – Этот неизвестный мне человек, Дам Рён, существует в своем пространстве, а я в своем. Наша встреча прошла по касательной, но пересечься мы не можем.

– Ты становишься занудой! Почему такой пессимистический настрой?

– Я реалистка.

– Ты? С каких это пор? Не смей меня. У тебя вечно какие-то фантазии в голове; вообще удивляюсь, как ты живешь, – ни практичности, ни амбиций, ни планов на будущее.

– Да чего ты злишься?

– А как мне не злиться? Вот бесишь, честное слово! То есть он такой – пришел, увидел, победил, свалил, а ты сиди

себе у разбитого корыта, жди с моря погоды!

– Опять корыто... Насть, смени пластинку.

– Да я тебе, дуре, пытаюсь вдолбить, что за счастье надо бороться!

– Бороться надо с врагами, а счастье надо заслужить.

– А ты хочешь сказать, что не заслужила?

– Ты знаешь, я уверена, что заслужила. А почему нет? У меня покладистый характер, нет пороков, мои недостатки, как сказал однажды Вадим, придают мне шарма.

– Вот только его сюда не приплетай! Надеюсь, он больше не появляется?

– Нет, слава богу. Вроде уехал куда-то.

– Скатертью дорога! Ладно, ты мне прямо скажи, что думаешь делать?

– Да жить дальше, что мне еще делать? Будь он простым человеком, возможно, все было бы иначе. Я даже уверена, что у нас был бы шанс, а так – нереально.

– Почему?

Аня пожала плечами. Но Настя и не думала отступать:

– Если ты о различии в социальном положении... боже, что за слова, как из дамского романа! Так вот, к твоему сведению, принц Гарри женился на разведенной американке, у которой мать черная, как вода в этом озере, я прошу прощения за нетолерантность, – добавила она, обращаясь к небесам. – Ганноверский принц женился на русской, между прочим, и, как ты понимаешь, ни разу не аристократке. То есть

Виндзорам и Ганноверам не зазорно, а «Принцу Азии» слабо?

– Ну ты смешная, честное слово. Зачем сравнивать? У каждого свои обстоятельства и цели в этой жизни.

– А твоя какая цель?

– Подсобрать себя в кучку и продолжать жить. Поверь мне, лучше всего оставить все как есть. Ты же читала о нем последние новости и знаешь – в ближайший год он будет очень занят, а что потом? Какой смысл загадывать?

– Нет в тебе дерзости, подруга, иначе ты бы попыталась его окончательно завоевать. Он же был твоим! Я когда об этом думаю, у меня аж мурашки бегут. А сейчас ты ведешь себя как амеба! Дохлая селедка! Не представляю, как вообще именно с тобой могла случиться такая история. На твоём месте другая бы когти рвала, лишь бы его вернуть и удержать.

– Разве насильно можно быть кому-то милым? Посмотри, что произошло с этой Юн. Ведь наверняка сначала она хотела всего лишь его вернуть и удержать, но во что это вылилось? Куда это ее завело? Она стала орудием в руках нечистоплотных людей. Настя, в тебе говорит твой бунтарский непокорный дух. Но дерзость и атака не всегда приносят желаемый результат. К тому же я совсем не тот человек, который будет навязываться и требовать. Плохо это или хорошо, но это так. Более того, я никогда не сделаю ничего, что может ему навредить. Чувствовала бы ты то же самое, что и я,

обязательно бы меня поняла.

– Никогда я тебя не пойму! Но я так люблю тебя, дуру, и мне так обидно и больно видеть, что с тобой творится... – У Насти неожиданно на глазах выступили слезы.

– Ну что ты! – воскликнула Аня, обнимая ее. – Если бы ты знала, как я счастлива, что мне выпала эта любовь! Я благодарна за то, что мне было дано. Сейчас я сделала свой выбор. И он его сделал, не знаю какой, но догадываюсь. Умение размышлять здраво, оценивать ситуацию и делать выбор отличает разумного человека от пустого фантазера. Я уверена, что в ближайшее время меня не ждут счастливые перемены, именно поэтому я не могу раскисать, подпитывать в себе безнадежную любовь, рыдать от жалости к себе. Что со мной будет, если я потеряю опору? Я погибну. Когда он ушел, я обнаружила вокруг себя пустоту, пугающую бездну, Настя. Мне даже кажется, что это великий грех – кого-то так любить... «Не сотвори себе кумира...» Ты знаешь, я поняла, почему церковь это запрещает. Потому что кумир вытесняет все остальное, становится центром твоей вселенной, твоим божеством. Мысли, чувства, мечты, надежды – все отдано ему... В этом я стала большой грешницей, – Аня печально улыбнулась. – Вдобавок ко всему я не верю в Божественную справедливость, что каждому воздастся и все такое. Я не верю в сказки. А то, что он приедет и мы заживем счастливой семьей, – это как раз глупая сказка.

– Но как же быть?

– Дать себе время и успокоиться. А еще надо найти дополнительную работу, чтоб некогда было рефлексировать. Вот подумала, может, в гиды податься? Окончу курсы, получу сертификат или лицензию, что там дают? Переводов дополнительных наберу побольше – в общем, займу себя делом.

Последние слова Аня произнесла с искренним энтузиазмом. Настя недоверчиво посмотрела на нее.

– И что ты там про фразы из романов говорила? Я где-то прочитала интересную вещь, вот сейчас очень кстати. Какой-то психолог утверждал, что пережить жизненные неурядицы помогает богатая фантазия. Надо вообразить себя героем какого-нибудь произведения, то есть абстрагироваться, представить, что все происходит как бы не с тобой лично, а ты играешь роль. Начинаешь наблюдать себя со стороны, думать о себе в третьем лице и уже по-другому оцениваешь ситуацию. По-моему, забавно.

– Полная ерунда! Верный способ слететь с катушек окончательно. Надеюсь, ты не собираешься этого делать. Я не хочу однажды обнаружить, что моя лучшая подруга вообразила себя какой-нибудь Пульхерией Ивановной и ведет себя соответственно.

– О, а я недавно переводила аннотацию к спектаклю про Пульхерию Ивановну и ее муженька, это как раз там из чьих-то «тусклых глаз как река лились слезы».

Настя презрительно фыркнула.

– Зря ты не веришь в чудеса психоанализа и силу художе-

ственных образов. Вот буду представлять себя героиней бунинских «Темных аллея», ну той, что однажды любила и через тридцать пять лет встретила своего героя, который бесовестно ее бросил. Он – разочарованный в жизни старик, она – одинокая хозяйка постоянного двора. Для него история была обыкновенная, а для нее – смысл всей жизни. Он там еще в конце уезжает и качает головой.

– Анька, ты меня поражаешь! – воскликнула Настя и расмеялась. – Лучше будь сама собой. За это мы все тебя очень любим.

Воскресный обед прошел чрезвычайно оживленно. Девочки пили и смеялись, а Денис с Борисом скрепя сердце довольствовались кофе и домашним компотом, потому как им предстояло развозить веселых подружек по домам. После обеда зарядил мелкий холодный дождик. По общему согласию решено было уже никуда не выходить, а чем-нибудь занять себя в доме. Недолго думая, жена Бориса, Рита, вытащила откуда-то коробку «Монополии», и на следующие несколько часов компания с азартом погрузилась в игровой мир финансовых магнатов и денежных воротил.

Когда Денис остановился перед Аниным домом, было уже почти одиннадцать вечера.

– Такая чудесная поездка! – сказала Аня, помогая Локи выпрыгнуть на тротуар. – Спасибо! Завтра отдохнувшая и с новыми силами – на работу.

– Спокойной ночи, – сказал Денис, закрывая багажник и

передавая Анне сумку.

Настя помахала из окна и послала воздушный поцелуй.

Аня проводила взглядом их машину и пошла к парадной. Дома она кинула сумку в прихожей, решив разобрать ее завтра. Насыпала Локи корма, налила свежей воды. Потом умылась, разложила диван, легла, накрылась с головой одеялом и горько заплакала.

Осень в этом году вела себя капризно и непредсказуемо, как избалованная девушка. Она то радовала солнечными днями, такими неожиданными в середине октября, то хандрила холодными монотонными дождями, которые, бывало, на целую неделю затягивали небо темными низкими тучами. Короткие дни не оставляли шанса солнечному свету согреть стылую землю, а пасмурные ночи почти ничем не отличались от хмурых и серых рассветов. И все-таки иногда сквозь непроглядную завесу над головой вдруг пробивался солнечный свет, а порывистый ветер открывал то там, то тут клочок чистого неба, и оно казалось невероятно голубым и светлым, каким не бывало даже весной.

Аня проживала эту осень смиренно. Как-то незаметно она свыклась с поселившейся в ее сердце маетой. Это было странное чувство, какое бывает во сне – ощущение вязкого безвременья, нереальности всего окружающего. В таких снах вдруг обнаруживаешь, что не управляешь своим телом, – хочешь бежать, но точно налитые свинцом ноги едва двигают-

ся, или хочешь попасть в определенное место, но бесконечно блуждаешь, не находя выхода. Вот так Аня блуждала в лабиринтах своих смутных чувств, хаотичных мыслей, черпая мрачное удовлетворение в холодных осенних дождях, которые ночами барабанили в ее темное окно.

Засыпала она поздно. Открыв для себя мир специфической чужой культуры, Илюшин мир, она погружалась в него все глубже. В ущерб дополнительному заработку, а иногда и основной работе она все свое время проводила за просмотром Илюшиных фильмов, передач с его участием и всего того большого информационного контента, который благодаря англоязычным и русским поклонникам в избытке присутствовал в интернете. Она узнавала и читала о нем все, что было в открытом доступе, – целые страницы биографических справок, фактов и подробностей: сведения о семье и образовании; его привычки, предпочтения в еде, имена его друзей-знаменитостей, его увлечения и хобби. Сначала эта информация казалась ей неисчерпаемой и невероятно ценной. Но потом она поняла, что этого ничтожно мало – поверхностные сведения, почерпнутые из каких-нибудь анкет, за которыми не разглядишь человека.

В поиске живого источника, способного утолить жажду ее беспокойного сердца, она обратилась к его музыке, и здесь ее ждал новый удар. Все, что она слушала прежде – от скуки, развлечения ради, «для фона», – не оставляло заметного следа, не отзывалось в душе яркой гаммой чувств и пере-

живаний. Услышав поющий Илюшин голос, Аня поняла, что существуют такие глубины эмоционального волнения, которые ей еще не были ведомы. Плейлист ее телефона обновился полностью. Она закачала альбомы группы BWF – все, что они успели выпустить за пять лет существования, и все последующие Илюшины альбомы, а также саундтреки, спетые им к различным фильмам. С этого времени путь на работу перестал быть рутинной. Почти совсем отказавшись от городского транспорта, она шагала до метро под бодрые ритмы и скоро уже не представляла свою жизнь без этого чарующего голоса. Когда в череде ненастных дней выдавался вдруг один погожий, Аня с восхищением смотрела на пробивающиеся сквозь тучи солнечные лучи. Смотрела на небо, насыщенное красками – всеми оттенками от бледно-голубого до густо-синего, пружинила шаг и подпевала про себя, не зная и не понимая ни слова из того, что звучало в ее наушниках, но чувствуя непомерную радость от музыки. Иногда ее забавляла мысль, что Илюшин голос теперь, когда его самого нет рядом, способен так сильно будоражить ее, заставлять трепетать от нежной печали или ликовать от восхищения. Его музыка словно впрыскивала эндорфины в ее кровь. Нежная и светлая, как акварель, и пронзительная, как песни вечерних птиц, она стала единственным источником ее утешения, ее радости, ее надежды.

– Зачем тебе это? – как-то спросила Настя. – Как по мне, слушать песни и смотреть дорамное мыло с его участием –

только зря время терять. Я бы на твоём месте, если уж решила сидеть сложа руки и ничего не делать – что я лично осуждаю, – перестала бы лить в уши весь этот яд. Как говорится – умерла так умерла.

В ответ Аня только рассеянно улыбалась или отшучивалась. Но Настя не унималась:

– Конечно, если учитывать все предлагаемые обстоятельства – имущественные, социальные и классовые различия, тебе ничего изначально не светило, ты уж извини. И все-таки он порядочная сволочь! Заранее ведь знал, что отношения на один раз, без вариантов, а все равно...

– Ну что ты митингуешь, а?

– Ладно, в утешение скажу одно: познакомься ты с ним поближе, сама бы от него скоро сбежала.

– Почему это? – несколько обиженно спросила Аня.

– Да к бабке не ходи! Что у вас общего? Ты любишь картошку с селедкой, а он, небось, какой-нибудь суп из водорослей.

– Суп из водорослей? – поморщилась Аня, представив себе что-то малосъедобное.

– Хах! Я знаю, они там в своей Стране утренней свежести вообще любят есть всякую гадость. Свиные шкурки, куриные лапки... уж не знаю, прямо с когтями хомячат или без.

– Ну да, я слышала... Бр-р... Думаешь, Илюша тоже это ест? Нигде не было написано, что он любит нечто подобное.

Настя усмехнулась.

– Если бы он любил русский борщ и заливное – вот об этом точно бы написали. А так традиционные лапки да суп из водорослей или каких-нибудь ползучих гадов...

– Прекрати немедленно! – воскликнула Аня и рассмеялась. – Боже! Я теперь не смогу об этом забыть... водоросли в супе!

– Это тебе пилюля от любовной лихорадки, – деловитым тоном ответила Настя, но не выдержала и тоже засмеялась. – Подумай о них, когда в следующий раз вздумаешь поплакать, и все как рукой снимет!

К началу ноября городом окончательно завладела беспросветная унылая осень. Петербург накрыла серая пелена дождей и низкое, словно выцветшее небо. Оголившиеся деревья, вереницы невзрачных домов, канал с мутной водой – Аня блуждала взглядом по этой безрадостной картине, ощущая, как все глубже в ее душе разливается неизъяснимая тоска. Ее тревожило какое-то предчувствие, она словно чего-то ждала, но не могла понять, почему в эти первые такие холодные и сумрачные ноябрьские дни сердце ее беспокойно, почему ее тревожат невнятные маетные сны, а общее физическое и моральное состояние ничем не лучше, чем могло бы быть у старого, безнадежно больного человека.

С большой неохотой она согласилась выполнить один срочный заказ на перевод какого-то бессмысленного для нее текста, где было полно специфических терминов из области

биологии и зоологии. Несколько вечеров она просидела над ним, злясь на саму себя за неспособность сосредоточиться. То и дело мысли ее улетали куда-то далеко, а в самый последний вечер накануне сдачи материала ее, словно нарочно, то и дело отвлекали телефонные звонки. Один из них раздался уже ближе к полуночи. Звонила коллега по работе, которая еще утром жаловалась на отсутствие идей для подарка свекрови. И сейчас произнесла с затаенной надеждой:

– Слушай, извини за поздний звонок, но у тебя не осталось того мыла ручной работы? Помнишь, ты говорила, тебе запах не нравится? Я бы у тебя его купила.

– Для свекрови? – удивилась Аня.

– Я, конечно, приготовила ей основной подарок, но, ты понимаешь, она любит подношения с подвывертом. А ты рассказывала, что у тебя какой-то клиент-парфюмер мыло сам варит.

– Ну да, вечно мне эти брусочки приносит. Странноватый у них вид, а запах я вообще с трудом переношу.

– Ну, ты наговариваешь! Видела я это мыло у Каринки, ты ж ей передаривала. Мне в самый раз, вернее, моей свекрови. И надо уже завтра! Ну так что, продашь?

– Да за так забирай. Подожди, пойду проверю, может, я их уже куда-нибудь утилизировала.

Аня пошла в ванную, открыла шкафчик над раковиной и долго копалась в его содержимом. Под руку попадалось все что угодно – какие-то тюбики, баночки, прокладки, флако-

ны, пакеты, салфетки. «Надо сделать ревизию», – подумала Аня, наконец выудив из самого дальнего угла два куска са- модельного мыла, обернутых в мягкую ткань.

– Нашла. Они еще и бантиком перевязаны, тебе понравится...

Неожиданно Аня замолчала, отложила мыло и снова открыла дверцу шкафчика. Взгляд ее остановился на упаковке гигиенических прокладок. Она медленно взяла их в руку и вдруг почувствовала, как по позвоночнику прошла холодная дрожь.

– Эй, ты там? – спросил голос в телефонной трубке. – Нашла, что ли?

– Нашла... – проговорила Аня. – Да...

– Отлично! С меня презент, раз так отдаешь. Ну, пока! Не забудь завтра принести.

Аня вернулась в комнату, села на диван, ощущая, как гулко и тяжело стучит сердце. В голове ее происходили лихорадочные подсчеты. Ей стало страшно. Она вскочила, быстро оделась и выбежала на улицу. Аптека была уже закрыта, и Аня в замешательстве огляделась по сторонам. Взгляд скользнул по вывеске круглосуточного сетевого магазина, и девушка устремилась туда, вспомнив, что у кассы продают то, что ей сейчас так необходимо...

Следующие несколько дней Аня находилась в прострации. Ходила, говорила и реагировала на окружающих как сомнамбула. Хуже всего, что это отражалось на работе, –

она стала допускать ошибки в переводах и собственных статьях, корректор удивлялась, а выпускающий редактор в конце концов отчитал ее, потрясая страницами с исчерканным текстом. Когда он закончил ее распекать, Аня, до этого не проронившая ни слова, сказала, что все исправит, забрала листы с правками и не спеша вышла из кабинета. Такая безэмоциональная реакция девушки, которая прежде болезненно переживала даже незначительную критику и нарекания, произвела на редактора еще большее впечатление, чем допущенные ею ошибки.

Настя стала поглядывать на Анну с удивлением и тревогой, замечая, что подруга все чаще погружается в какое-то необъяснимое состояние. Она то нервно вскидывала голову, тяжело вздыхая и блуждая вокруг страдальческим взглядом, то впадала в оцепенение, и обращенные к ней слова, кажется, вообще не достигали ее сознания.

Как-то в конце недели Настя предложила Анне съездить вместе в Ропшу, навестить ее маму. Аня отказалась, сославшись на то, что не может оставить Локи, а на самом деле из опасения подвергнуться настойчивым Настиным распросам. В последнее время занятость, присутствие Дениса или компании общих приятелей не давали им возможности поговорить по душам. Аня была этому рада, но Настя явно думала иначе.

– Скажи ей, что у меня много работы, – говорила она Денису накануне вечером. – Поеду в другой раз. И пригляди,

чтобы она зарядку для телефона не забыла. Она так много разговаривает, что ее мобильный постоянно разряжается.

– Ладно, я понял. Она надеялась, что ты передумаешь.

– В другой раз.

– Ну, пока.

Аня с облегчением выключила телефон. Терпеть Настины расспросы сейчас она была не в состоянии, да и работы на самом деле накопилось.

Неожиданно раздался звонок в дверь. Аня взглянула на часы, было почти одиннадцать – поздновато для визитов; Настя вряд ли приехала сама, а с соседями Аня не общалась, разве что Галина Николаевна иногда заглядывала одолжить какую-нибудь мелочь или обсудить счета по квитанциям, но в это время она, наверное, уже спала. Аня открыла дверь и от неожиданности вздрогнула – на пороге, навалившись на дверной косяк, стоял Вадим. Едва взглянув на него, она поняла, что он в подпитии, и постаралась быстро исправить оплошность, но Вадим подставил ногу, толкнул дверь и вошел. Аня очень испугалась. Она уже забыла, каким он был массивным человеком – не очень высоким, но с внушительными плечами и крепкими мускулистыми руками.

Из кухни вышел Локи, потянул носом и недовольно зарычал.

– Ух ты, какой грозный, – Вадим сделал попытку наклониться к собаке и чуть не упал. Локи фыркнул и попятился на кухню. Вадим закрыл за ним дверь.

Аня с удивлением и неприязнью смотрела на неожиданного гостя.

– Зачем пришел? Я тебя не приглашала.

– А что, нельзя? – с вызовом произнес он. – Потому и пришел, что не приглашала. Брезгуешь, что ли?

– Я тебя не понимаю. И я тебе не рада.

– Не рада? Так давай я тебя обрадую. Ну же... хватит корчить из себя... Трубку не берешь, на сообщения не отвечаешь.

– А ты не знаешь почему?

Вадим вдруг соорудил жалостливую гримасу и протянул плаксивым голосом:

– Солнышко, прости меня.

Аня смотрела на него с брезгливым удивлением:

– Что ты тут устраиваешь? Мне не за что тебя прощать – твоя жизнь меня не касается. Можешь делать что хочешь и с кем хочешь.

– Крошка, а ты ревнуешь! Ну прости меня, давай мириться, солнышко.

– Не называй меня так.

– Я буду называть тебя, как захочешь.

Он улыбался, стоял слегка пошатываясь и вдруг протянул к ней руку, намереваясь взять за голову. Аня резко отшатнулась.

– Поговорим завтра. – Она похолодела от неприятных предчувствий, но постаралась говорить спокойным и на этот

раз даже приветливым голосом. – Ты, кажется, выпил. Иди лучше домой и ложись спать.

– Я хочу спать с тобой, детка. Что ты ломаешься? Подумаешь, задрал какую-то козу, ты – дело другое. Ну, иди сюда.

Он шагнул к ней, Аня инстинктивно увернулась, сердце ее бешено колотилось.

– Послушай, я не сержусь и не обижаюсь, я просто устала. Давай завтра поговорим, к тому же ты пьяный.

– Я и с собой принес, – он вынул из-за пазухи бутылку вина.

– Я не хочу пить.

– Ну что ты такая загруженная? Давай расслабимся, – он с усмешкой посмотрел на нее, поставил на пол бутылку и стянул куртку.

– Что ты делаешь? Уходи.

Она двинулась к кухне, намереваясь выпустить Локи, который начал коротко и отрывисто лаять, но Вадим поймал ее за руку.

– А если не уйду?

Аня с усилием вырвала руку, потирая крепко сдавленное запястье.

– Ты что? Совсем уже!.. Я сказала – уходи, иначе я... я сейчас полицию вызову!

Заискивающая улыбка Вадима вдруг превратилась в оскал – он неприязненно ухмыльнулся.

– О, как мы заговорили. Девочка-ромашка, посмотрите на

нее. Думала, тебе динамо с рук сойдет? – С этими словами он стал наступать на нее. Аня попятилась, поняв, что оказалась слишком далеко и от кухни, где скребся Локи, и от входной двери.

– Не хочешь прощать – не надо. Таких телочек, как ты, надо поучить хорошенько, чтобы ласковыми были. Ну, чего вылупилась? Решила кинуть меня, сука? – Не отрывая от нее взгляда, он вдруг стал демонстративно растягивать ремень на джинсах.

– Что? – Аня почувствовала, как на нее накатила ледяная волна ужаса. – Ты что, с ума сошел?

Вместо ответа он еще раз криво и пьяно усмехнулся. Дальним умом Аня понимала, что нельзя его провоцировать, нельзя делать резких движений, кричать и бежать, но в следующую же секунду сорвалась с места и побежала. Он нагнал ее в комнате, схватил за ворот, и хотя ей удалось вывернуться, от удара она отлетела к столу и больно ударилась спиной. Что-то с шумом упало на пол – только на мгновение Аня ощутила под ладонью гладкий пластик мобильного, но теперь и спасительный телефон был слишком далеко.

Зажав ее у стола, Вадим навалился всей массой, и Аня закричала. На этот раз он ударил ее по лицу, сильно. От удара девушка пошатнулась и рухнула на стол. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли круги. С омерзением Аня почувствовала на себе потные жаркие ладони и снова закричала:

– Не трогай меня, ублюдок! Отпусти!

Он молча, с нахрапом стал стягивать с нее одежду, у Анны из глаз брызнули слезы.

– Не трогай меня! Я беременна!

На секунду Вадим ослабил хватку, и Аня увидела прямо перед собой его побагровевшее пьяное лицо. На этом лице сначала отразилось непонимание, а потом его исказила злобная гримаса.

– Чего? Беременна?

– Да! Отвали!

Она сделала попытку его оттолкнуть, и тут на нее посыпались удары. Аня упала, сжалась в комок и закрыла голову руками.

– Ах ты тварь! Потаскуха! С кем-то... а меня... на коленях ползать будешь!

Он снова схватил ее за шиворот, рывком поднял с пола и потащил к дивану. Неожиданно у него зазвонил телефон – резким, громким, пиликающим звуком. На секунду Вадим замешкался, но все-таки, прижав широкой пятерней девушку к дивану, ответил на звонок.

В динамике раздался чей-то громкий голос.

Первые несколько секунд Вадим с трудом пытался уловить суть и наконец, еле ворочая языком, промычал:

– Кореш, ты не вовремя.

Аня, задыхаясь от рыдания, стала кричать и звать на помощь.

– Чего? – внезапно рявкнул в трубку Вадим. – Чё ты го-

нишь? Иди на х..! – Не заметив, что ослабил хватку, он разразился в телефон такой изощренной бранью, что при других обстоятельствах Аня впала бы в ступор. Но сейчас страх и мощный инстинкт самосохранения придал ей сил двигаться и бороться. Она соскользнула с дивана, резким ударом отбила метнувшуюся за ней руку и, спотыкаясь, добежала до первой попавшейся двери – в ванную комнату. Она с шумом ввалилась внутрь и заперлась изнутри, оказавшись в абсолютной темноте. В ванной не было окошка, даже сквозь щель под дверью не пробивался свет. Упав на пол, Аня почувствовала спиной стиральную машинку, оперлась на нее и обхватила руками трясущиеся колени. До нее доносилась ругань Вадима, и скоро она услышала, как он в ярости заметался по квартире. Вдруг мощный удар обрушился на дверь ванной. Вперив ослепший взгляд в черноту, Аня застыла, она даже перестала дрожать, парализованная животным ужасом. Удары в дверь продолжались, Вадим стал бить не только кулаками, но и чем-то металлическим; похоже, еще немного – и дверь слетит с петель. Внезапно помимо его злобной ругани слышались другие голоса, топот ног, шум потасовки, что-то с грохотом упало. Надрывно лаял Локи. Аня зажала уши руками – ей казалось, что в доме происходит погром. Но попытки высадить дверь прекратились, теперь в нее кто-то стучал коротким дробным стуком. Сквозь какофонию непонятных звуков и матерные выкрики Аня вдруг расслышала голос Дениса:

– Аня! Ты там? Открой, не бойся. Это я.

Он повторил это несколько раз, прежде чем она смогла встать и прильнуть к двери:

– Денис?..

– Это я! Ох, слава богу, ты живая! Пожалуйста, открой!

Щеколда никак не поддавалась слабым непослушным пальцам. Наконец Аня сдвинула ее в сторону и выглянула наружу. Ее ослепил свет из прихожей. Несколько секунд она моргала, потом увидела перед собой Дениса. У него было бледное, опрокинутое лицо.

– О господи! – пробормотал он, окинув ее взглядом с ног до головы, и, повернув голову, крикнул кому-то: – Сюда, скорее!

Поддерживая Аню под локоть, он вывел ее в прихожую. Рядом появились люди в форме, они что-то говорили, но Аня не понимала ни слова. С удивлением она увидела, как в распахнутую настежь дверь входят врачи. Ей понадобилось некоторое время, чтобы понять, что ее хотят увезти на скорой.

– Нет, нет, – испуганно пробормотала она и схватилась за рукав Дениса. – Не надо. Я в порядке.

– Вооруженное нападение на беременную женщину, избиение и попытка изнасилования – это не нормально, дорогая, – сказала женщина-врач, воззрившись на Аню холодными голубыми глазами. Потом она повернулась к одному из людей в форме. – Девушка в шоковом состоянии, не реко-

мендую сейчас снимать показания. Мы ее увозим.

– Ладно, – согласился старший. – Сначала с этим закончим.

Он мотнул головой в сторону, Аня перевела взгляд и увидела в дверном проеме часть своей комнаты. Там происходило движение и угадывалось присутствие нескольких человек, но видно никого не было.

– Где ваши документы? – спросила строгая врач.

– В комнате... на полке, – пробормотала Аня. Она находилась в прострации – в ее сознании никак не укладывалось появление всех этих людей в квартире: Дениса, полиции, врачей... врачей, знающих, что она беременна.

Аня подняла беспомощный взгляд на Дениса.

– Я сам найду и принесу, – сказал он, по-своему истолковав этот взгляд. – Незачем тебе туда ходить.

Через несколько минут Аня сидела в карете скорой помощи. Очень быстро ее доставили куда-то – в помещение с холодным белым кафелем. К ней подходили люди, ей задавали вопросы, ее осматривали, ей делали УЗИ, она что-то подписывала. Длилось это очень долго. Наконец ее отвели в темную узкую палату, в которой спали несколько человек, выдали матрас, белье и оставили в покое.

Остаток ночи Аня лежала на неудобной больничной койке и прокручивала в голове события этого кошмарного вечера. Что же такое с ней происходит? Беременная, побитая, едва не изнасилованная... Ей казалось, что ее спокой-

ная, привычная жизнь неожиданно и незаметно съехала на какие-то заброшенные рельсы, потеряла управление и пока- тилась под откос. Несколько раз она принималась плакать, но слезы не приносили облегчения, только холодили кожу, оставляли неприятные мокрые следы на ладонях. Больнич- ная тишина давила изнутри. Аня прикрывала уставшие гла- за, но это только обостряло чувства. Перед ней вставало пья- ное, багровое лицо Вадима. Аня содрогалась всем телом, да- же сейчас ощущая на себе его руки – не сегодняшние безжа- лостные удары, а прежние прикосновения. Он раньше часто прикасался к ней, а теперь так грубо заявил на нее свои пра- ва... Причина этому была только в ней самой. Потому что она прежде была с ним. Аня совершенно забыла не только об этом, но о самом его существовании. От этих воспоминаний ей становилось не по себе. Она не понимала, как кто-то дру- гой мог дотрагиваться до нее? Это было странно, непонятно, противоестественно.

Мучаясь бессонницей, она повернулась на бок и стала смотреть на одинокий фонарь за окном. В рыжем пятне све- та, разъедающем пасмурную ночь, раскачивались голые вет- ки деревьев и летели мокрые листья, гонимые ветром. Это была осенняя петербургская ночь, морозящая мелким уны- лым дождиком... «А на другой стороне земного шара, в Ме- хико, – думала Аня, – очень тепло и именно сейчас в ок- на светит солнце». Образ яркого латиноамериканского солн- ца, в эту самую минуту озаряющего неведомую ей комнату

и человека внутри, принес неожиданное облегчение. Почти неосознанным движением Аня положила руку себе на живот и вдруг по-настоящему осознала, что отныне уже никогда не будет одна. Впервые мысль о нежданном ребенке не пугала, а несла радость и утешение, дарила надежду на любовь, которую никто не сможет отнять...

Настя приехала рано утром. Около часа ей пришлось ждать на больничной проходной, прежде чем Аня сказала по телефону, что ее не отпустят домой раньше врачебного осмотра и оформления необходимых документов. Ближе к полудню Насте все-таки удалось войти в больницу, но едва она поднялась на этаж и позвонила, Аня приглушенным голосом сообщила, что к ней только что пришла женщина из полиции. Настя села ждать в холле, и когда Аня наконец вышла, то увидела, что обычно открытое, немного ироничное Настино лицо сейчас больше походит на застывшую угрюмую маску.

Аня присела рядом. Подруга повернулась к ней и сложила руки на груди. Некоторое время они обе молчали.

– Ты не поехала к маме, – сказала Аня.

Настя в раздражении хмыкнула.

– И ты злишься...

– Я даже не знаю, что сказать. Этот убудок... сволочь... у меня в голове не укладывается... Но ты!

– Я?

– Вот именно – ты. Ты беременна!

– Да... – пробормотала Аня, – неожиданный поворот.

Настя издала возмущенный и одновременно удивленный возглас.

– Я в шоке! Ты хоть понимаешь, что это значит?

– Что?

Настя посмотрела на нее и в сердцах хлопнула себя по колену.

– Вот так и знала, что добром не кончится! Этот твой Илюша...

– Пожалуйста, не надо. И не кричи, пожалуйста. Лучше расскажи, что вчера произошло. Я до сих пор не понимаю, как Денис оказался в моей квартире, да и остальное...

– У Дениса, дай бог ему здоровья, отличная реакция и соображалка работает. Даже я, наверное, ударилась бы в панику, услышь по телефону то, что он услышал.

– По телефону?

– Денис принял входящий звонок, услышал твои крики и ругань этого козла.

– Но я ему не звонила... я смахнула телефон со стола, и он упал.

– Мы тоже уже об этом думали. Скорее всего, ты случайно нажала на последний вызов, или телефон сам при падении сработал... не знаю, но это реально тебя спасло. Когда Денис вбежал в квартиру, этот козел с кухонным топориком ломился в ванную, где ты заперлась.

– С топориком? – воскликнула Аня.

– Представь себе! Пьяный в хлам. Когда прикатила полиция, он уже лыко не вязал, а все драться лез. Даже, кажется, кому-то из ментов по физиономии двинул. Это, считай, вооруженное нападение на сотрудника при исполнении. Денис говорит, что влип он по полной. Дебил!

Аня невольно поежилась, обхватила плечи руками и сидела, уставившись в одну точку.

– Ладно, не хочу больше о нем говорить... да и для других разговоров здесь не место. Когда тебя отпустят?

– Уже сейчас. Мне выдали справку. Только у заведующей подписать, печать поставить, и я могу идти.

– Прекрасно! Давай закругляйся, и поехали. Вызовем такси – Денис сегодня с утра в отделение поехал показания давать. Ну и лицо у него было! Ему, кстати, тоже досталось – не такие живописные фингалы, как у тебя, но тоже ничего.

Спустя час Аня с Настей вошли в квартиру, где царил полный хаос. Нервный и настороженный Локи встретил их жалобным поскуливанием. Настя предложила Анне выйти с ним на пару минут, а сама принялась убирать последствия ночного разгрома. Недолгое время спустя они обе стояли с кружками свежезаваренного чая в руках и разглядывали посеченную кухонным топориком дверь.

– Жуть, – сказала Настя. – Это ничем не замажешь. Лучше сними дверь вообще и новую поставь.

– Легко сказать, – отозвалась Аня. – Но, видимо, придет-

ся. Куплю какую-нибудь недорогую с рук и соседа попрошу поставить. Он тут многим за бутылку по мелочи помогает. Кран мне как-то на кухне починил.

Настя досадливо что-то пробурчала и пошла в комнату.

– Ну так что? – спросила она, когда Аня вошла следом и остановилась у окна. – Что будешь делать?

– Что ты имеешь в виду?

Настя в раздражении передернула плечами. С самого утра она пребывала в дурном настроении и сейчас даже не пыталась его скрыть.

– Не придуривайся, – сказала она довольно жестко. – Девичьи вздохи по большой любви – одно, а реальный ребенок – уже совсем другое.

– Не буду с тобой спорить. Реальный ребенок – это совершенно другое.

– Ты собираешься его рожать?

– А ты хочешь, чтобы я от него избавилась?

– Я хочу, чтобы ты голову включила! Разумеется, я никогда не стану ничего подобного тебе советовать. Это, знаешь ли, твой выбор. Но если решила его оставить, то, надеюсь, теперь ты напомнишь его отцу о своем существовании?

Аня поставила кружку с чаем на подоконник и посмотрела вдаль. Между домами виднелся клочок бледно-голубого неба, расчерченного длинными дымчатыми облаками.

– Нет.

– То есть как – нет? – Настя воззрилась на Аню с удивле-

нием и недоверием. – Ты шутишь?

– Разве мне до шуток? Просто... появление ребенка не меняет дела. Скорее наоборот, только усугубляет ситуацию.

– Что-то я не поняла, о ком ты сейчас думаешь – о себе или об этом корейце?

– Пожалуйста, не говори о нем с таким пренебрежением.

– Хорошо, извини. Мне все равно, кто он – кореец, африканец, хоть марсианин, – он должен нести ответственность. Тем более, учитывая, кто он такой, он может обеспечить и тебя, и твоего ребенка до конца жизни.

Аня пыталась побороть неприятное чувство тревоги и дискомфорта. Когда Настя начинала так хмуриться и говорить с такой интонацией, ни к чему хорошему это обычно не приводило.

– Настя, не надо горячиться. Но прошу, только представь, что случится, если о ребенке станет известно.

– Так ты все-таки о нем сейчас больше думаешь? – поразила Настя. – Как бы ему это боком не вышло, как бы его не продолжили в прессе утюжить?

Аня снова устремила взгляд за окно.

– Стать той, кто нанесет ему последний удар?.. Я достаточно прочитала, чтобы понять, – если о таком прознают, ему больше не подняться. Не найдется никого, кто согласится с ним работать... А что будет со мной? Неужели ты не понимаешь, что Илюша... Дам Рён – публичный человек? Появиться рядом с ним сейчас, в моем нынешнем качестве, –

значит быть вовлеченной в публичный скандал. Значит оказаться под прицелом и поставить под удар своего ребенка.

– Вот прямо все сразу обо всем узнают!

– Настя, ты разумная девушка, гораздо умнее и практичнее меня. И ты сама понимаешь – шила в мешке не утаишь. Если я начну искать с ним встречи, попытаюсь сообщить счастливую новость, как думаешь, сколько пройдет времени, прежде чем по Сети поползут слухи? Как быстро я обнаружу у своих дверей вежливых и улыбающихся репортеров?

– Ну и что с того? Даже если и так, почему бы тебе не изменить свою жизнь? – с вызовом спросила Настя.

– По-моему, она уже изменилась. Нет, пусть все идет как идет – он сам по себе, я сама по себе.

– Ань, а ведь это эгоистично, – сказала Настя, глядя на нее каким-то новым взглядом. – Я не знаю, что он за человек, не мне судить, да и сама ты, если разобраться, этого не знаешь, но очевидно, что такие решения не принимаются в спешке.

– У меня было время подумать, хотя, по правде говоря, думать тут не о чем.

– А тебе не кажется, что он имеет право знать?

– Нет, не кажется. Зачем ему? Пусть живет своей жизнью, я ему не помешаю и не наврежу. Это только мой ребенок.

– Какая же ты дура! – Кипевшие эмоции все-таки выплеснулись наружу. Настя вскочила с места. – Что это за сельские страдания? Тайком рожу, сама воспитаю, его не побеспокою... героиня хренова! Меня сейчас стошнит! Ты зна-

ешь, что такое одной ребенка растить? Я насмотрелась этого – вот так! – она провела рукой по горлу. – У тебя в твоей редакции зарплата какая? А помощь откуда? Ни сбережений, ни сестер, ни братьев, ни родителей, – случись что, кто позаботится о ребенке?

– Все, что могло, со мной уже случилось.

– Ты, кажется, меня не слышишь. И абсолютно не представляешь, что тебя ждет.

– Ты хочешь, чтобы я убила этого ребенка... его ребенка?

– Да ты шизанулась! – воскликнула Настя, и впервые Аня увидела на ее лице настоящую злость. – Видно, Вадик тебя неслабо по голове приложил – последние мозги, что ли, вышибло?

В душе у Анны поднялась жаркая волна обиды и протеста. Она стояла напротив Насти и сама не замечала, как в гневном упрямстве сжимает кулаки.

– Это только мой ребенок! – выкрикнула она. – За все это время ни одного звонка... ни эсэмэски... – она вдруг начала захлебываться рыданиями. – Только мой!

Настя горько усмехнулась, глядя, как Аня дрожит всем телом, зажав ладонями рот.

– Посмотри же, во что ты превратилась. Это не любовь и не забота о твоём Илюше. Это малодушие. Оправдывай своего корейца какими угодно словами, обманывай саму себя – ты продолжаешь плыть по течению, и оно тебя затягивает все глубже. Мало тебе было этой ослепляющей, ненормаль-

ной любви к человеку, которого знала неделю, теперь ты еще добровольно отказываешься разделить с ним бремя ее последствий. Знаешь что? Того, кто постоянно отходит в сторону, очень быстро сбрасывают со счетов.

Аня отвернулась к окну, закрыв лицо руками. Настя не сказала больше ни слова, взяла свою сумку и хлопнула входной дверью.

Для Ани начался хлопотный период хождения по врачевным кабинетам. В ее районе располагалась не самая лучшая женская консультация – старое неказистое здание, узкие коридоры, вечные очереди, в которых приходилось просиживать часами, невольно слушая разговоры про болячки, роды, грудных детей, – все это угнетало и высасывало силы. Именно сейчас, оказавшись один на один с целым ворохом проблем, Аня, возможно впервые с ранней юности, остро ощутила отсутствие матери. У нее возникало множество вопросов, которые, как оказалось, не с кем обсудить. Ее многочисленные страхи сложно было развеять, штудировав профильные форумы. Чаще от вычитанных там историй, смакующих подробности, эти страхи только разрастались. Пугала сама мысль о предстоящем событии. Потоки информации из интернета создавали впечатление, что жизнь отныне разделась «до» и «после»; и как бы ни уверяли некоторые блоггерши, что, став мамами большой семьи, они ведут по-прежнему активную социальную жизнь, Аня не верила, что у нее

получится не потерять опору в этом вихре перемен.

Все чаще, приходя с работы и начав заниматься какими-нибудь делами, она вдруг обнаруживала, что уже несколько минут сидит без движения или стоит перед раковиной с льющейся водой, витая мыслями где-то далеко. Оглядывая свою небольшую квартиру, Аня в растерянности перебирала варианты, как устроить здесь ребенка, да предстоящая необходимость ухаживать за ним, как-то с ним взаимодействовать казалась ей почти невыполнимой. «Я о себе-то не всегда могу позаботиться, наладить и с комфортом обустроить свою жизнь, – однажды в смятении подумала она, – что же мне делать с младенцем?»

В первый же выходной после того дня, когда Настя ушла от Ани в гневе, подруга вновь объявилась на пороге ее квартиры. Компанию ей составлял какой-то незнакомый мужчина, прислонивший к стене довольно объемную поклажу. Аня в удивлении посторонилась, когда мимо нее пронесли упакованные в полиэтилен доски. Настя распорядилась занести их в комнату.

– Что это? – в недоумении спросила Аня.

– Мой подарок тебе, дура, – ответила Настя, элегантно движением сбрасывая с плеч легкую шубку. – Случайно увидела в интернет-магазине и решила заранее купить. Потом будет не до того. Это не значит, что я тебя одобряю, но, в конце концов, ребенок не виноват, что у него такие родители: один – свищи ветра в поле, а другая вряд ли знает, с ка-

кого конца к коляске подходить.

Упакованные доски оказались детской кроваткой.

– Не стоило беспокоиться, – проговорила Аня, чувствуя, как сжалось горло.

– Вот только попробуй мне разрыдаться! Пошли лучше чай пить. – Настя закрыла за носильщиком дверь и извлекла из своей сумочки каким-то чудом поместившийся туда шоколадный рулет.

Аня стремительно подошла и обняла ее. Несколько мгновений они стояли неподвижно, пока Настя не выдала какую-то глубокомысленную, но заезженную сентенцию, заставившую обеих рассмеяться.

Приближался Новый год, и Настя пребывала на подъеме. Ей непременно нужно было устроить веселую вечеринку, чтобы внести яркие краски в довольно невзрачные дни – декабрь в этом году не радовал ни морозом, ни снежком. Сырая, промозглая погода тянулась с ноября. Бывали целые недели, когда лил холодный зимний дождь, лишая всякого радостного настроения в преддверии любимого праздника.

К немалому Настиному удивлению и недовольству, Аня отказалась ехать на дачу, хотя ей обещали богатый праздничный стол, живой огонь в камине, отдельную комнату со всеми удобствами, а также квалифицированный присмотр Риты, как бывшего медицинского работника, но Аня предпочла остаться дома.

– Накопилось столько дел, – отвечала она Насте по телефону. – С этой работой ничего не успеваю. Хоть приберусь, отдохну да спать пораньше лягу. Ты же знаешь, состояние у меня не очень...

– Может, и правда не надо тебе никуда ехать, в машине трястись, а то опять упекут на сохранение.

– Нет уж! – воскликнула Аня. – В этих больничках такая тоска. Я лучше дома. Хочешь, приезжай ко мне через несколько дней. Я буду рада.

– Так и сделаю. Все Денискино семейство в одном флаконе... Кажется, еще дед их нагрянет... Пожалуй, одного-двух дней с меня хватит. Договорились! Первого января не обещаю, а вот второго точно приеду. Подумаю, чем бы нам с тобой каникулы занять. Обязательно куда-нибудь сходим. Все, держись молодцом, отдыхай, и я тебя очень прошу – не подходи к компьютеру и новости не читай.

– Ну, включила режим назидания! Тебе точно надо было в училки податься.

– Предупреждаю, если приеду и увижу твой красный нос и опухшие от слез глаза...

– Да за кого ты меня принимаешь? – с возмущением воскликнула Аня. – Я что, по-твоему, совсем безрассудная? Мне в какой-то момент все это встало поперек горла. Честно. Я теперь очень редко о нем что-нибудь смотрю или читаю. Не до этого, – с подчеркнутым равнодушием заключила она.

– Хорошо бы так. Твоего хилого здоровьица не хватит на

физические и душевные подвиги.

– Прорвемся! – бодро заключила Аня.

По правде сказать, Аня не сильно кривила душой. Чувствительная зависимость от Дам Рёна и всего того, что было с ним связано, – фотографий, фильмов, музыки, социальных сетей и пабликов, где ежедневно шел о нем разговор, – основательно пошатнуло Анино здоровье. Ее физическое самочувствие, ослабленное зверским токсикозом и неконтролируемыми мигренями, не способствовали душевному покою. На фоне общей картины, когда ей приходилось проводить часы в дневных стационарах – а то и дни на больничной койке, – богатая эмоциями и переживаниями внутренняя жизнь стала для нее непозволительной роскошью. Все реже Аня позволяла себе прикоснуться к желанному источнику счастья. Какие бы струны ни тревожил в ее душе этот далекий человек, итог был один. Последние аккорды его песен, финальные титры кинолент, его застывший взгляд на фотографиях, все это оставляло лишь одно чувство – опустошение.

Сначала Аня с большим интересом следила за его гастрольным туром. В этом увлекательном процессе она открывала для себя много нового. Активные в Сети группы отчитывались о событиях ежедневно. Поддерживая связь с мировым фандомом, они публиковали фотографии, отзывы, статьи, комментарии и видео. Аня знала, что первая часть тура по странам Латинской Америки прошла хорошо, завер-

шившись в Боливии, и что незадолго до Нового года должен состояться первый концерт в Японии. Но лично для нее декабрь выдался особенно тяжелым. Она почти не работала из-за плохого самочувствия и необходимости проводить много времени во врачебных кабинетах. К вечеру у нее хватало сил только дойти до дивана и опустить больную голову на подушку. О том, чтобы что-либо посмотреть или даже почитать книгу, невозможно было подумать без тошноты. Аня с удивлением прислушивалась к своему организму, который разладился, точно старое, побитое временем пианино, у которого ни одна нота больше не звучит правильно и гармонично. Иногда она просыпалась среди ночи от дурноты, а когда первые, такие болезненные спазмы унимались, в животе начинало урчать и неприятно посасывать, потому что с середины минувшего дня она почти ничего не ела. Больше всего ее раздражала и угнетала необходимость готовить «правильную» еду. Очевидно, что перебиваться с бутербродов на быстрые салаты и пакетики с лапшой, как бывало раньше, уже невозможно. Новый рацион питания требовал богатую белками, углеводами и витаминами пищу, и Анне приходилось полвечера проводить у плиты за приготовлением «домашней еды», как называла это ее соседка, иногда подкидывающая ей то кабачок, то капусту, то зелень со своей дачи. Во всей этой изнуряющей рутине мысли об Илюше как-то незаметно отошли на второй план. Аня лишь изредка заглядывала в группы, где можно было узнать новости о текущих

событиях, но эти, такие редкие теперь прикосновения к прошлому уже не приносили ей ни радости, ни удовлетворения.

Между тем японская часть тура вызывала у поклонников живой интерес, подогретый неожиданным, но радостным событием: Дам Рён стал гостем популярного японского телешоу «Безобразники» крупного вещательного канала страны с огромной зрительской аудиторией по всей Азии.

Это была одна из тех утренних незатейливых передач, в которых яркие краски декораций, смех и шуточки ведущих создают атмосферу вечного праздника, беззаботности и прекрасного настроения. Гостей принимали радушно, несколько минут хохмили и болтали на отвлеченные темы, а потом сажали в центр круга и задавали вопросы по заранее подготовленной анкете. Задачей гостя было отвечать быстро и чистосердечно, остроумные ответы приветствовались, а неловкие заминки – с укором порицались. Бытовало мнение, что гостями этого воскресного телеэфира становились только самые честные или же рискованные люди, ведь приглашенная жертва никогда не знала, какие каверзные вопросы ей зададут. Шоу имело высокий рейтинг, и если кто-то из знаменитостей в преддверии какого-нибудь важного для себя события соглашался прийти сюда и подвергнуться бойкому допросу, а тем более выйти из него без значительного для себя урона, такой смельчак получал информационную поддержку канала и безусловное расположение его многочисленных зрителей.

О том, что Дам Рён принял приглашение «Безобразников», стало известно за неделю до эфира. Новость вызвала живой интерес, который как волна докатился и до русских фанатов – в интернет-сообществах активно и с подробностями обсуждали это событие, тем более что на памяти людей знающих «Безобразники» впервые не только уведомили публику о визите гостя, но и раскрыли его личность.

Дам Рён пришел, принял участие в обсуждении новостей, посмеялся над шутками, сказал несколько слов о предстоящих концертах в Токио и Осаке и дал интервью. В тот же день семнадцатиминутное видео с его ответами разлетелось по Сети. Его выкладывали целиком и дробили на части, его перевели на различные языки. Когда через два дня Аня открыла «Ютьюб» и увидела этот ролик, под ним значилось насколько сотен тысяч просмотров и почти столько же комментариев.

Дам Рён держался свободно, не казался взволнованным. Он сменил прическу и цвет волос, был одет в цветастую рубашку. Его грудь украшали многочисленные кожаные и металлические подвески, а запястья – браслеты. По правилам шоу ему предстояло ответить на двадцать вопросов, которые были сформулированы таким образом, что исключали односложные ответы. Сначала вопросы были безобидные и довольно забавные. Его спросили, какая из диснеевских принцесс самая красивая; каким животным он хотел бы родиться в следующей жизни, если не получится вновь стать челове-

ком; затем спросили, чем бы он предпочел заняться, получив дар бессмертия, и какую самую отвратительную еду он ел. Но очень скоро вопросы стали совсем другими. Готовые весело шутить, импровизировать, выдавать блестящие экспромты, ведущие «Безобразников» на самом деле слыли беспринципными акулами, для которых не существовало признанных авторитетов и которые с поразительным хладнокровием могли публично обглодать свою жертву. Они обладали виртуозной способностью превращать обычный телеэфир в едва ли не гладиаторскую арену, на которой их противник, пожелай они того, всегда терпел поражение.

Когда шуточные вопросы кончились, стало ясно, что Дам Рёна они не намерены щадить. Главные вопросы оказались очень личными и провокационными. Отвечать на них быстро, коротко и честно в утренней развлекательной программе было невозможно, а увиливать или лгать означало с жалким видом пойти ко дну. Дам Рён приготовился к хлесткому допросу, однако и его удивило их откровенное бесстыдство. Он не был человеком, которого легко смутить рассуждениями о взаимодействии полов, мужском доминировании в обществе или требованием лично определить ту грань, за которой женщина по собственной вине теряет право на понимание и снисхождение. Едва поняв, что его загоняют в ловушку, он постарался придать лицу безмятежно-улыбчивое выражение и призвал на выручку все свои артистические способности. Каждый новый вопрос он встречал с искренним любопыт-

ством, как будто его забавляла эта игра, и отвечал с юмором – нельзя же, в самом деле, сохранять серьезную мину, словно ты постигший истину буддистский монах или, того хуже, – светило философской мысли.

Его тактику тотчас же распознали, но, поскольку он, казалось, без усилий справлялся с избранной ролью, оценили по достоинству. Выдавшие виды «безобразники» вынесли вердикт, что этот ловкий парень – ироничный циник и бессовестный болтун, одного с ними поля ягода, и полушутя-полусерьезно пригласили его влиться в их тесный коллектив, если ему наскучит плясать и петь на сцене.

До конца эфира оставалось время, обычно отводимое для дружеского подбадривания гостя, однако ведущие спросили Дам Рёна, не против ли он продолжить разговор на личную тему, которая всегда так будоражит его поклонников.

– О, вы уже спрашивали о качестве и расцветке моего нижнего белья, – смеясь, ответил он. – После этого что может меня смутить?

– Вопросы о тайнах вашего сердца?

– Возможно, я ошибаюсь, но за последнее время мои тайны перестали быть секретами. Не знаю, удастся ли отыскать еще хоть одну, не известную всем?..

– Итак, вопрос: в вашем сердце есть сокровенная тайна?

– Вот мой ответ: я живу, точно ваза, выставленная на витрину, но я никогда не был прозрачен, как стекло.

– Этот изворотливый хитрец все-таки решил оставить нас

ни с чем! Но мы спросим прямо – встречаетесь вы сейчас с кем-нибудь?

– Условия контрактов моего агентства запрещают это.

– Разве запрет на отношения не имеет одну важную оговорку: встречайтесь, но не попадайтесь?

– Чаще всего так и есть, и это общеизвестно.

– Что же, попробуем еще раз: вы встречаетесь с кем-нибудь?

На этот раз Дам Рён засмеялся:

– Мои продюсеры не одобрили бы однозначный ответ на такой вопрос – всегда что-то должно остаться недосказанным. Но что здесь скрывать? Я давно перешагнул возраст дебиантов, которым запрещены публичные отношения, к тому же мое агентство не связало меня обязательствами подобного рода. Однако есть немало людей, которые считают, что я не должен обращать внимание на девушек, а должен заниматься работой – писать музыку, продвигать себя как певца и актера. Я с ними согласен.

– Означает ли это?..

– Рядом со мной никого нет.

– Вы допускаете появление отношений в будущем?

– Разумеется, допускаю.

– Что ж, время истекает, потому задам последний вопрос: какие самые важные слова вы сказали бы любимому человеку?

Дам Рён на мгновение задумался, затем посмотрел прямо

в камеру и улыбнулся:

– Я бы сказал: мы живем под одним небом. И ходим по одной земле. А значит, каждый из нас, пройдя свой путь, однажды окажется там, где мы наконец встретимся.

Все, что он сказал, обсуждалось и смаковалось на все лады. Аня прокрутила ленту комментариев. Встречались негативные отзывы на английском и еще больше на хангыле – такой вывод можно было сделать по количеству содержащихся в них злобных эмодзи, но большинство фанатов пребывало в восторге и не скупилось на эмоции. Интервью «Безобразникам» оказалось одним из редких за последнее время, не связанных со скандалом, и первым в текущем гастрольном туре. Было замечено, что Дам Рён выглядит хорошо, владеет собой и из его глаз исчезло выражение, которое кто-то из подписчиков назвал затравленным. В адрес шоу летели ядовитые стрелы, многие ехидно посмеивались над ведущими – не очень-то им удалось выставить Дам Рёна дураком и выудить из него откровенные признания. Некоторые были уверены, что всему причиной его знаменитая *killer smile*^{6*}, ведь увидеть это воочию и остаться равнодушным просто невозможно. Кто-то обратил внимание, как заигрывала с ним самая бойкая и разодетая ведущая, та, что не оставила его в покое после интервью, а задала дополнительные вопросы. Впрочем, все единодушно были ей за это благодарны: он сказал, что одинок, но надеется на счастье. Это породило десятки

⁶ * *killer smile* – убийственная улыбка (англ.).

рыдающих смайликов, неудержимые потоки слов и восклицательные знаки в каждом предложении.

Аня с горькой усмешкой пробежала глазами эти отзывы. Сколько людей... сколько... «Мы живем под одним небом, – думала она. – Под одним небом... Но больше нет места, где мы могли бы встретиться... Илюша. И тебя больше нет».

Она закрыла лицо ладонями и сидела так несколько минут. Наконец, утерев глаза, Аня поставила курсор на строчку: «Оставьте комментарий», вздохнула и написала по-русски: «Прощай». После этого она удалилась из всех групп в соцсетях, посвященных Дам Рёну, и больше никогда не искала и не читала новости о нем.

Мало-помалу, Анне удалось упорядочить свою жизнь и найти достаточно много положительных моментов в наступившее время перемен. Однажды она проснулась на час позже обычного, и пока собиралась, гуляла с Локи и ела свой обязательный завтрак, на работу приходилось уже бежать. Торопливо шагая к остановке, от которой на ее глазах отъехал автобус, Аня вдруг поймала себя на мысли: куда она бежит и зачем суется? Эта простая мысль стала настоящим откровением. С того памятного утра она никуда не торопилась, а нервозность и переживания если и беспокоили ее, то уже не имели никакого отношения к вечно бурлящей и суетной редакции.

Зима прошла относительно благополучно, а с приходом

весны открылись новые возможности для длительных прогулок и спокойного созерцания природы. Расположенный неподалеку от дома парк стал для Ани излюбленным местом. Почему-то раньше, гуляя здесь с Локи, она не замечала ни затянутых ряской прудов, ни уединенных тенистых дорожек, ни открытых, залитых солнечным светом лужаек. В конце апреля Аня увидела здесь цветущий куст черемухи и, вдыхая душистый аромат, с удивлением думала, почему же раньше никогда не останавливалась и не глядела на такую красоту? С радостью она обнаруживала, что в этом старом петербургском парке, спрятавшемся между кварталами вековой застройки и холодными, вечно темными водами Обводного канала, есть уголок безмятежного покоя. В мае среди берез и кленов здесь пышно зацвел шиповник, а клумбы вдоль главной аллеи украсились пестрым разноцветием нарциссов и тюльпанов. Словно беря реванш над промозглой дождливой зимой, начало лета выдалось ласковым и теплым. Аня подолгу задерживалась на прогулках, так что даже Локи, устав обследовать территорию и гонять дремлющих на берегу уток, ложился рядом со скамейкой, где она сидела, и лениво гавкал на пробежавших мимо собак.

Месяца за два до предполагаемого срока Аня начала активный поиск подходящего роддома. Вместе с Настей они посетили несколько адресов, беседуя с врачами и прикидывая стоимость услуг, пока Настя через дальних знакомых какой-то сотрудницы со своей работы не познакомилась с вра-

чом из клиники имени Д. О. Отто, который внушил ей доверие.

Но, несмотря на благополучно заключенные договоренности и как будто хорошее самочувствие, Аню все чаще стало одолевать тревожное волнение. Долгие летние дни тянулись для нее в монотонном одиночестве, а вечера становились временем, когда беспокойные мысли и усиливающиеся страхи заставляли бездумно перемещаться из угла в угол по пустой квартире и тяжело вздыхать. Ночами ее мучила бессонница. Лежать она могла теперь только на спине, и это не самое удобное положение для человека, привыкшего сворачиваться калачиком, лишало всякой надежды на желанное забытье.

Однажды ночью она вообще не сомкнула глаз. Попытки уснуть несколько раз заканчивались тяжелым подъемом с кровати и беспокойным хождением от окна, за которым едва теплилась белая петербургская ночь, до книжного шкафа, где ни одна книжка не вызвала желания взять ее в руки. Ко всему прочему живот начало тянуть и крутить. Слабая ноющая боль время от времени разливалась по телу, но скоро исчезала, оставляя неприятные ощущения во всех членах и почему-то металлический привкус во рту. Промучившись до четырех утра, напуганная все усиливающимися спазмами, Аня вызвала скорую помощь. Недолгое время спустя к ней явилась женщина с хмурым, раздраженным лицом и красными от недосыпа глазами. Окинув Аню взглядом, она велела

ей лечь и произвела быстрый осмотр.

– Собирайтесь, – сказала она, снимая медицинские перчатки, – поедем.

– Сейчас? – испуганно отозвалась Аня.

– А когда же? – врач с силой захлопнула свой медицинский чемоданчик. – Или хотите дома родить?

– Нет... Я готова, уже все собрала.

– Кто вас сопровождает?

– Никто. Я одна.

Врач посмотрела пристальным и, как показалась Анне, осуждающим взглядом. «Должно быть, выгляжу я жалко, – пронеслось в голове. Она поймала свой взгляд в зеркале. – И вид растерянный».

– Я должна позвонить своему врачу в Отто, – сказала Аня, стараясь придать голосу более уверенные и независимые интонации.

– Какое Отто, дорогая? – удивленно спросила врач. – Нет. Я вижу все признаки простудного заболевания и не имею права везти вас никуда, кроме инфекционного роддома.

– Что? – Аня от удивления и испуга присела на диван, держась за живот. – Инфекционный?

– А ты что хотела? – вдруг раздраженно ответила врач. – Правила и инструкции никто не отменял.

– Но как же так! Я здорова, у меня нет никаких инфекций, возможно небольшой насморк, но я думаю, что это аллергия на пыльцу... – Аня замолчала от внезапно усилившейся боли

и наклонилась всем телом вперед.

– Тебе сейчас не думать надо, а рожать.

Аня с трудом подавила мучительный стон, он вышел тихим и протяжным, но скоро спазмы прекратились, и Аня смогла выпрямиться. Подняв голову, она смотрела снизу вверх на стоящую перед ней женщину.

– Встаем и едем, – сказала та. – Процесс уже пошел. Сегодня родишь.

Аня в растерянности встала с дивана, все еще инстинктивно держась за живот, и бездумно двинулась за врачом. В прихожей стояла приготовленная заранее сумка с вещами, она взяла ее, накинула плащ и вышла за дверь.

Машина скорой привезла ее на другой конец города, в какой-то спальный район. Здание роддома оказалось серой многоэтажкой. Войдя в приемный покой и подписав документы, врач скорой ушла, а Аня осталась сидеть на клеенчатой кушетке, все чаще и чаще ощущая болезненные спазмы. Прошло не меньше часа, прежде чем, пройдя все предварительные процедуры, она наконец попала в родильное отделение. Здесь ее встретили люди в зеленых халатах. Один из них, молодой мужчина, посмотрел на нее с удивлением, потом на ее документы и спросил, что она здесь делает.

Аня в растерянности уставилась на него. Видимо, в ее взгляде было нечто такое, отчего он улыбнулся и сказал успокаивающим тоном:

– Я спрашиваю, почему вас сюда привезли? У нас здесь в

основном неблагополучные пролетарии и гастарбайтеры.

– А-а, – пробормотала Аня. – У меня насморк.

– В каком месте у тебя насморк? – отозвалась находящаяся здесь же пожилая женщина, она что-то искала в шкафах и с шумом перебирала на полках неприятно поблескивающие и позвякивающие медицинские инструменты. – Это с двенадцатой бригады, как пить дать, постоянно везут к нам со всякой ерундой.

Аня сидела на кушетке, положив руки на живот. Смотровая была выложена голубоватой плиткой, и почему-то бледный, холодный цвет этой плитки производил на нее самое гнетущее впечатление.

– И куда ее прикажете? – снова заговорила женщина, наконец достав из шкафа никелированную посуду, упаковку каких-то препаратов и коробочку с одноразовыми шприцами. – В пятую? Там одна узбечка.

– Хотите платную палату? Отдельную? – спросил молодой врач.

– Да! Спасибо! Я готова заплатить сейчас... приготовила для платных родов в Отто.

– Вот и отлично! Татьяна Валентиновна, я сейчас мамочку посмотрю, а вы пока подготовьте там все. Но сначала капельницу поставим.

– Зачем капельницу? – испугалась Аня.

– Не волнуйтесь, мамаша, родим как полагается, – ответила Татьяна Валентиновна, подкатывая к ней стойку для ка-

пельницы.

Отдельная палата оказалась более-менее уютным и просторным помещением. Помимо койки, здесь было кресло для роженицы, круглый стол с тремя пластиковыми стульями и телевизор, включенный, по всей видимости, заботами Татьяны Валентиновны. Правда, пульта от него Аня нигде не увидела, да и желания им воспользоваться не было. Телевизор транслировал без звука один из федеральных каналов, и по периодическим выпускам новостей Аня отсчитывала утекающие часы. Утро прошло в мучительных схватках, раз от раза все более болезненных и продолжительных. К середине дня, толкая перед собой капельницу, Аня бродила по коридору, а потом кругами по палате, не находя места. Она не могла ни лежать, ни сидеть – ни одно положение не приносило облегчения. Периодически к ней подходили, ее осматривали и снова оставляли одну. Есть она не могла, только изредка пила и, сначала с затаенным страхом, а спустя почти целые сутки с раздраженным нетерпением, слушала крики и стоны других рожениц, которых возили в родильную палату через общий коридор. Ночь прошла в мучительной, непрекращающейся боли. Когда время перевалило за полночь, к ней вошли трое, но Аня уже не отдавала себе отчета ни в том, кто это, ни в том, что они намерены делать. Ее уложили на кровать, осмотрели, прощупали живот, задали несколько вопросов и, приняв какое-то решение, ушли. Спать было невозможно. Медленно поднявшись с койки, Аня до утра

бродила по палате из угла в угол, лишь время от времени на короткие мгновения прислоняя голову к холодным стенам и прикрывая утомленные глаза. Наконец, ближе к полудню следующего дня, совершенно истощенная и измученная, она родила мальчика.

Первое, что она увидела, едва его поднесли к ней, – головку, покрытую темными волосиками, и закрытые миндалевидные глаза. В эту секунду малыш зевнул и открыл глазки. Они показались ей совершенно темными, как вишни.

– Илюша, – пробормотала Аня.

– Так-так, не отключаемся! – акушерка похлопала Аню по щекам. – Под наркозом поспишь. Ребенок крупный, есть серьезные разрывы, будем зашивать. Сейчас придет анестезиолог, надо подписать согласие на операцию.

Аня не ответила, она лишь на короткие минуты почувствовала прижатого к груди ребенка, и его тотчас унесли. Дальнейшее она помнила с трудом – теснившихся возле ее кресла людей, свои односложные ответы и отчаянно дрожащие мелкой дрожью ноги. Ей казалось, что она уснула прежде, чем ей сменили препараты в капельнице и положили на лицо кислородную маску.

Последующие дни Аня провела в платной палате на двоих. Когда она, впервые с той минуты, как вышла из дома к карете скорой помощи, вынула со дна сумки свой телефон, увидела двенадцать пропущенных вызовов от Насти. Она с улыбкой набрала ее номер, и первое, что услышала в труб-

ке, – громкий возглас возмущения.

– Настёна, не кричи и не ругайся. Я в роддоме с позавчерашнего утра.

– Да с тобой с ума сойти можно! Каком роддоме? Я приехала в Отто – тебя там нет!

– Меня увезли в двадцать третий.

– Что за новости? Какой еще двадцать третий?

– Уже не важно. Все позади. Я сегодня утром родила.

Настя мгновение молчала.

– Все хорошо? – спросила она.

– Да, мальчик. Три девятьсот.

– Ничего себе! Как ты?

– Уже хорошо. Меня подлатали. Больно ходить, и сидеть не могу, но главное — Илюша здоров.

– Илюша?

– Да.

– Понятно... к тебе можно приехать?

– Конечно. Только прошу тебя, не пугайся и сильно не ругайся с персоналом, когда тут все увидишь. Здесь условия так себе, но мне дали хорошую палату, и по деньгам даже дешевле вышло.

Настя снова выдержала паузу. Было очевидно, что она с трудом переваривает информацию.

– Почему я не удивлена, Аня? Почему с тобой вечно все не слава богу?

– Настенька, у меня теперь сын, – ответила Аня, улыбаясь.

Она услышала, что Настя вздохнула и, кажется, тоже улыбнулась.

– Я тебя поздравляю, дорогая. Скоро приеду.

Аня встретила с Настей в холле больницы, где стояли массивные коричневые диваны и несколько высоких растений в больших кадках. Настя обняла Аню и несколько минут смотрела на нее тревожным взглядом. Убранные со лба волосы открывали бесцветное худое лицо. Что-то неуловимо изменилось в этом знакомом, родном лице. Оно выглядело некрасивым – впалые щеки, бескровные губы, заострившийся нос. И в то же время казалось до странности подвижным, почти нервическим. На губах блуждала подрагивающая улыбка, которая особенно впечатлила Настю. Одежда Аня была почему-то в цветастый больничный халат, один взгляд на который безошибочно давал понять, что на своем веку он послужил не одному десятку рожениц.

– Боже, что за вид! – не сдержалась Настя.

Аня окинула себя взглядом и только шире улыбнулась.

– Как тебя занесло в это место? Почему мне не позвонила?

– Зачем? К тому же было четыре утра. Я ночь не спала и плохо соображала. Да и струхнула, если честно. Схватки начались, я одна, врачиха со скорой злая такая, смотрела на меня... с неодобрением... В общем, я уже потом подумала, что надо было вызывать не скорую, а такси и самой в Отто ехать. Ну да ладно, здесь тоже неплохо.

– Сколько ты здесь пробудешь?

– Недолго. Через пару дней мне швы снимать будут, ох, кошмарные ощущения! Сюда по стенке шла, еле ноги передвигала.

– Ты сейчас порасскажешь! Рожать не захочется.

– Я не показатель, – усмехнулась Аня. – Вон девчонки с нашего этажа уже по второму-третьему рожают, и ничего. Через пару часов ходят бодрячком, хоть бы что.

– Видела я этих девчонок... Тут одни гости из Средней Азии, что ли?

– Да нет, русские тоже есть, украинки...

– Ну понятно. Ладно, выбирайся отсюда поскорее. Вид у тебя бледный. Как-то ты осунулась. Ты правда хорошо себя чувствуешь?

– Да нормально, как и должна. Руки только вот все искололи, уже синяки лиловые появляются, – Аня закатала рукав халата, и Настя увидела гематомы.

– У тебя здесь даже рана! Это они так иголкой пропороли?

– Да, вчера. Авторская работа.

– Вижу, бодрость духа ты не утратила. Ладно, поеду посмотрю, как там у тебя в квартире. Перед выпиской надо будет влажную уборку сделать. Да, кстати, насчет Локи. Я отвезла его на дачу к Денискиным родителям. Они не против. Останутся на даче до конца лета, так что о собаке не волнуйся, она под присмотром.

– Спасибо!

– Да дело житейское, – отозвалась Настя. – Ну, слава богу,

все благополучно! Ты рада?

– Я очень счастлива.

– Вот и славно! Держи телефон при себе и отвечай на мои звонки.

Настя поднялась. Аня чувствовала ее напряженность, и ей стало так же неловко.

– Хорошо, не волнуйся, – сказала она. – Спасибо, что приехала.

Настя кивнула, обняла ее на прощание и быстро ушла.

Спустя четыре дня Аня была уже дома. В день выписки пошел сильный дождь, и это злило Настю невероятно. Торжественная встреча с цветами и поздравлениями вышла скомканной из-за суеты, вызванной неоформленными до конца и вовремя бумагами. Анне приходилось то и дело куда-то отходить, по меньшей мере полчаса она просидела у дверей одного из кабинетов, чтобы получить необходимые справки. Когда наконец удалось управиться с бюрократическими проволочками, встал вопрос, как донести ребенка до машины под проливным дождем. Настя шипела на Дениса за отсутствие зонтов, тот недовольно что-то бухтел в ответ. В итоге нарядный конверт для выписки, в котором младенец был почти не виден, а потому на фотографиях получился похожим на бесформенный кулек с рюшами, решили укрыть снятым с Дениса плащом. Общую картину памятного момента встречи из роддома довершило шумное и мно-

гочисленное семейство, собравшееся у выхода, глава которого – коренастый седовласый человек – то и дело громко восклицал, хлопая себя по ляжкам: «Бахтиер угил! Бахтиер баходир!»

Аня с облегчением вернулась домой, но скоро заботы, тревоги и, казалось, раз и навсегда заведенный ритуал действий исчерпали ее силы. Чувствовала она себя неважно – немного кружилась голова, тело ломило, одолевала невероятная усталость, но в этом не было ничего удивительного. Ночью Аня почти не спала, а только дремала – каждые два часа голодное хныканье младенца поднимало ее с постели. Аня брала Илюшу к себе, кормила, а потом относила обратно в кроватку. О том, чтобы оставить его спать с собой, она боялась даже думать: риск задавить во сне ребенка оказался одним из ее навязчивых страхов.

Как-то на исходе очередной бессонной ночи, когда Аня несла мальчика в колыбель, ее напугала слабость собственных рук. Наверное, надо было что-нибудь съесть, но в ранний час ничего не хотелось. За окном еще только пробивался утренний свет. Была как раз та пора года, когда тонкая грань между вечером, белой петербургской ночью и рассветом размывается, обозначая время суток лишь узкой полосой на горизонте более темного или светлого оттенка. Сейчас серо-синие сумерки раннего утра уже окрасились над домами примесью голубого и светло-желтого, и пока Аня смотрела в окно, слышались голоса первых пробудившихся птах.

Собрав волосы в хвост, Аня пошла на кухню подогреть невкусную, но полезную еду, которую ела с маниакальным упорством вот уже несколько дней в надежде улучшить слабую лактацию и уменьшить риск возобновления у Илюши колик. На кухне ей стало совсем нехорошо. Она почувствовала озноб и почти сразу холодную испарину на лбу. Съев всего несколько ложек, Аня поняла, что ей лучше прилечь: стены, окно, пол как-то неприятно поплыли перед глазами, голова стала тяжелой. Надо поспать, и все пройдет, подумала она, просто немного отдохнуть. Еле передвигая трясущиеся ноги, Аня вернулась в комнату, легла, закрыла глаза и провалилась в пустоту.

Ее разбудил громкий, продолжительный звук. Повернув голову, Аня увидела Илюшу, побагровевшего от крика. Ее это страшно испугало. Она резко вскочила, сделала несколько шагов и неожиданно упала, ударившись головой об угол детской кровати. Висок пронзила острая боль, но даже эта боль не прояснила затуманенное Анино сознание – она ощущала себя как во сне, двигалась и совершала действия на автомате. Она взяла ребенка на руки, но побоялась идти с ним обратно к дивану, села прямо на пол, прижала к груди и поняла, что после отдыха ей отчего-то не стало лучше. Ее знобило, как и ночью, но при этом сильно горели щеки. Дотронувшись до них, она ощутила под пальцами горячую сухую кожу. Очень захотелось пить, но встать и дойти до кухни было сейчас делом немыслимым. Аня беспомощно огляделась,

а потом посмотрела на ребенка. Он больно терзал ее грудь, недовольный слишком малым количеством молока, но все же успокоился и через некоторое время уснул, согретый жаром ее тела. Аня осторожно положила его в кроватку и добралась до дивана. Едва она легла, сильнейшая боль внизу живота согнула ее пополам. Она обхватила живот руками, зажала их между ног, надавливая на мягкие ткани – почему-то ей показалось, что от этого станет легче, и действительно – жгучая резь начала отступать, оставляя вместо себя волну тупой пульсирующей боли. Аня лежала на спине, тяжело дышала, слезы застилали ей глаза, но даже сквозь них она заметила на своих дрожащих от озноба пальцах кровь. Всклипнув, она приподняла голову и увидела, что измятый подол ее ночной сорочки тоже покрыт пятнами крови. Аня разрыдалась от страха и неутихающей боли. Она впала в полубредовое состояние. В хаотичном потоке мыслей билась одна, самая ясная: нельзя пить лекарство, ведь она кормит грудью. И еще: почему кровь? Наверное, разошлись швы, но разве это возможно и разве должно быть столько крови? Она только что ударилась... упала. Почему ноги вдруг стали такими слабыми? Упала и что-то повредила... да, конечно, ничего страшного, пройдет, надо только немного полежать... Тут Аню накрыл новый страх: когда мальчик опять проснется, она не сможет встать и подойти к нему. Он зайдет в голодном крике, кровь прильет к его головке, и в ней лопнет какой-нибудь хрупкий сосудик... С ужасом она посмот-

рела на малыша, хотела подняться, но на этот раз лишь с трудом оторвала голову от подушки. Время неумолимо утекало. Аня иногда открывала глаза, возвращаясь в сознание, тогда к ней возвращалась и единственная оставшаяся мысль о том, что скоро короткие два часа пройдут и ее ребенок, ее малыш окажется в смертельной опасности.

С вечера телефон остался лежать на столе. Аня долго смотрела на него слезящимися глазами, потом спустила ноги с дивана, села, поднялась и дошла до стола. Такой же путь она проделала обратно, легла, но под головой у нее почему-то оказалось скомканное одеяло.

В трубке долго шли гудки, наконец раздался щелчок, и она услышала голос – Настя продолжала что-то громко и убедительно выговаривать невидимому Ани собеседнику. На заднем фоне звучал гул других голосов. Наконец в короткой паузе Настя нетерпеливо сказала в телефон:

– Да! Слушаю! Кто это?

– Настя... Прости меня... – пробормотала Аня. – Прости меня...

– Кто это?! – Снова возникла пауза – Настя взглянула на дисплей телефона. – Аня?

– Если я не встану – он умрет... Прости меня... ты на работе, но я боюсь, очень боюсь...

Аня зарыдала, выронив из потной ладони телефон.

– Да что такое?! Алло! Алло!

Аня смотрела на свой телефон и скоро увидела, как его

экран погас. Настин голос пропал.

Настя приехала через двадцать минут, воспользовавшись своим ключом, чтобы открыть входную дверь. Аня лежала поперек дивана на боку, зажав руки между ног, и тихо стонала. Простыня под ней была в крови. Настя побелела как полотно и немедленно вызвала скорую.

Врачи приехали на удивление быстро. Настя едва успела сбегать на кухню за водой и померить Анне температуру. Аня все это время плакала, что-то бормотала и просила прощения. Настя сначала пыталась ее успокоить, но, взглянув на градусник, испуганно поняла, что у подруги начался горячечный бред.

Через десять минут в комнату вошли двое мужчин в синей медицинской униформе. От них веяло казенным учреждением и чем-то инородным в этом маленьком уютном доме. Настя непроизвольно поежилась и в то же время смотрела на них с затаенной надеждой. Главный, лет сорока, быстро осмотрел Анну. Задал несколько вопросов. Настя ответила, что роды прошли одиннадцать дней назад, назвала роддом. После недолгих нервных поисков нашла необходимые документы. Фельдшер сделал Анне укол, а врач сказал, что они ее забирают.

– В больницу? – растерялась Настя.

– Я не поеду! – пробормотала Аня. – Мне нельзя. Я полежу, и все пройдет. Просто выпью лекарство... А Илюше куплю смесь... да, ведь смесь тоже можно.

Настя взглянула на нее, потом на врача:

– Нельзя без больницы?

– У вашей подруги подозрение на острый эндометрит.

Знаете, что это такое?

– Нет.

– Внутриматочное инфекционное воспаление.

Настю невольно передернуло, но она все же спросила, можно ли это вылечить дома. Врач оторвался от заполнения бумаг и посмотрел на нее поверх очков.

– Ваша подруга может подписать отказ от госпитализации, но если речь идет об остатках плацентарного последа в матке, то через несколько часов начавшаяся интоксикация вызовет риск необратимых осложнений. Вы понимаете, о чем я говорю? Я говорю о сепсисе.

– Сепсисе? – тихо воскликнула Настя.

– Именно. А еще через день-два халатного бездействия заражение крови приведет вашу подругу к летальному исходу.

Настя смотрела, как врач снова принялся писать, и медленно кивнула.

– Я соберу вещи.

– Настя, – Аня сидела на постели и смотрела на нее широко открытыми глазами. Настю поразили ее ужасный вид – выбившиеся из хвоста пряди волос, бледные сухие губы, случайный кровавый след на щеке, размытый слезами, набухающий синяк у виска, в месте недавнего удара.

Настя подошла к ней, присела рядом и взяла за плечи.

– Все будет хорошо. Надо ехать и лечиться. Понимаешь меня? – Она дотронулась до ее лба. – Жар спадает. Сейчас станет лучше.

– А малыш?..

Чтобы не видеть, как из этих распахнутых глаз, полных страха и отчаяния, снова льются слезы, Настя быстро поднялась.

– За Илюшу не волнуйся. Я позвоню на работу и на сегодня возьму отгул. Его надо чем-то кормить... да... пойду в аптеку, куплю все необходимое, там, надеюсь, подскажут... в общем, ты думай сейчас о себе, поняла? А дальше разберемся... Сколько дней это может занять, ну, лечение? – спросила она врача.

– Около двух недель, в зависимости от осложнений.

– Две недели, хм... разберемся.

Следующие несколько минут Настя металась по квартире, закидывая в пакеты все, что могло Анне пригодиться: одежду и белье из шкафа, полотенце, туалетные принадлежности, простыню, впопыхах прихватив вместе с недавно выглаженными чистыми сорочками Илюшины пеленки. После этого она отвела Аню в ванну, умыла ей лицо, помогла переодеться и заплела волосы.

– Я уже хорошо себя чувствую, – сказала Аня, стоя в прихожей, в то время как врач и фельдшер направлялись к лифту. – Я не хочу в больницу.

– Не дури, – резко ответила Настя. – Тебе что-то вкололи, вот и полегчало. Как приедешь и устроишься – позвони... этаж, палата. Вроде как повезут в Мариинку. Денис как раз в центре завтра работает, если что-то понадобится дополнительно, он привезет утром, а я приеду днем, как только смогу.

– Илюша должен скоро проснуться!

– Поэтому поторапливайся! Слава богу, аптека рядом, успею. – Настя захлопнула дверь и закрыла на ключ.

– Нельзя его оставлять! – воскликнула Аня.

– Послушай меня, – Настя перехватила ее руку и повлекла за собой к лифту. – Ну-ка расскажи, где у тебя бутылочки, соски, пеленки...

– Бутылочки, да... на кухне, стерилизованные, в шкафчике, чистая вода в кувшине... вещи... все вещи в Илюшином комод... деньги, конечно, деньги найдешь в ящике, ты знаешь... Телефон патронажной сестры! Она каждый день приходит и сегодня придет.

– Прекрасно! Вот я с ней и потолкую. Телефон мне ее сейчас скинь.

На улице Настя помогла Анне забраться в карету скорой помощи, где ее тотчас же уложили на каталку. Последнее, что Настя увидела перед тем, как фельдшер захлопнул дверь, —лицо своей подруги, обводящей взглядом низкий белый потолок и стены машины.

Денис приехал днем. Он привез несколько теплых вещей

и зарядку для телефона. Аня стояла перед ним, испытывая мучительную неловкость, но спрашивала только о ребенке. Денис ответил, что Настя взяла дело в свои руки, а потому можно не волноваться. Аня чувствовала на себе его взгляд, от которого ей было настолько стыдно, что она постаралась как можно скорее попрощаться и уйти в палату. Первая ночь в больнице прошла ужасно. Аня не могла уснуть от мучительных мыслей и острого чувства стыда за то, что вешает свои проблемы на друзей. В сердце разлилась черная тоска. Разлука с ребенком, гнетущая больничная обстановка – запахи, звуки, никогда не гаснущий в коридорах свет – растравляли душу, лишали покоя, подтачивали душевные и физические силы. Она чувствовала себя запертой в замкнутом пространстве – ничто ее не радовало, не вселяло надежду, не несло облегчения. Спустя двое суток к ней заехала тетя Лида со свежей выпечкой и супом в литровой банке. Аня слабо отнекивалась, но все-таки съела несколько пирожков и подкрепилась еще горячим супом, вяло отвечая на вопросы сердобольной Лидии Андреевны. Вечером того же дня тетка позвонила племяннице.

– Была сегодня у нашей красавицы, – начала она без предисловий. – Скажу тебе – дурит девка.

– В смысле? – не поняла Настя. Она только вернулась с работы. Ее мысли и заботы были нацелены на решение насущных, сиюминутных проблем, что существенно затрудняло восприятие сторонней информации.

– Поверь моему слову – у нее начались эти послеродовые завихрения. Ничего хорошего в этом нет.

– Какие еще завихрения? – удивилась Настя.

– Это когда крыша едет. Ты знаешь, я человек простой, а потому и скажу тебе по-простому – если сейчас запустить, потом только хуже будет. Видала я баб, у которых реально после рождения ребенка в голове что-то переклинивало. Кто по полу в истерике катался, а кто и в окошко норовил сигануть, это, знаешь ли. дело нешуточное.

– Да ты что, тетя Лид! – воскликнула Настя. – С чего это Аньке с ума сходить? Понятно, она устала, расстроена, стресс и все такое, но не смертельно же!

– Ну, как знаешь, – сказала Лидия Андреевна, – но потом не удивляйся, если что... Жалко девку. Ни за что пропала! А что мужик-то ее? Ты ведь мне так и не сказала. Наверняка у него семья есть, и вот сейчас самое время им появиться и взять ответственность, а то воспитают таких вот прохиндеев, те наделают делов – и след простыл!

– Тетя Лид, у меня голова раскалывается, – устало отвечала Настя. – Давай в другой раз поговорим. Аня поправится. Подлечится, приведет голову в порядок, и все наладится. Ты знаешь, уж насколько я человек малоэмоциональный и не впечатлительный, а и я бы на ее месте погрустнела.

– От тебя бы так просто мужик не сбежал, – презрительно бросила Лидия Андреевна. – Матери бы твоей такой характер, глядишь, получше бы в жизни устроилась.

– Ну, опять ты за свое. Все, мне пора – дел по горло.

– В общем, вот тебе мое слово, затем и звоню – к подружке своей приглядишься и, если чего, отправляй ее напрямиком к психиатру.

– Боже, тетя Лида!..

– Будь здорова!

Настя в недоумении покачала головой и отложила телефон.

Несмотря на обещание приехать как можно скорее, она вырвалась к Анне только в конце недели. Та вышла к ней еще более худая и осунувшаяся, чем казалась в роддоме.

Настя с хмурым неудовольствием оглядывала длинный коридор с выкрашенными стенами и рядом дверей, некоторые из них были открыты и являли взору заставленные койками палаты и неуютный больничный быт.

– Здесь, конечно, не фонтан, – сказала Настя, усаживаясь на один из жестких пластмассовых стульев в холле. – Как хоть кормят?

Аня неопределенно развела руками:

– Не очень вкусно. Супы я обычно ем.

– Что-то я не подумала... в следующий раз привезу домашнего.

– Не надо об этом волноваться. Мне теперь все равно незачем есть правильную еду. Меня обкололи антибиотиками... Да и молоко почти пропало... – Анин голос непроизвольно дрогнул.

– Так, не раскисай! Илюша отлично справляется с детской смесью и, должна тебе сказать, перестал капризничать. Не хнычет, как ты говорила, часами, а засыпает моментально. Поест и сразу на боковую.

– Как же твоя работа?

– Все нормально. Ночую я у тебя, а днем, как уже рассказывала, с Илюшей или патронажная сестра, или твоя соседка, они между собой сами договариваются.

Настя похлопала Аню по руке.

– Не волнуйся. Нет вопросов, которые не решили бы деньги и Настино обаяние. Патронажная сестра не прочь подзаработать в свободное время, а твоей соседке все равно нечем заняться, пенсия, как я поняла, у нее небольшая. Она еще и благодарила меня.

– Они... они хорошо с ним обращаются?

– Лучше, чем мы с тобой, две неумёхи. У этой твоей Галины Николаевны двое детей и столько же внуков – поверь мне, я про каждого из них уже все знаю, – Настя закатила глаза. – Всем хороша бабуля, но рот не закрывается. И любопытная до жути. Кстати, она про Илюшиного отца все выспрашивала. Я сказала ей, что он из Хакасии. Бросил тебя перед свадьбой ради другой и укатил на родину.

– Что? – Аня открыла рот от изумления.

– А ты хочешь, чтоб я ей рассказала про корейского певуна и фотки показала?

– Нет-нет, конечно! – поспешила сказать Аня. – Спасибо

тебе!

Она взяла Настины руки в свои, и Настя неожиданно ощутила, какие у Ани тонкие холодные пальцы.

– Да брось, дело житейское, – преодолевая внезапное смущение, произнесла Настя. – Главное, ты потом, когда будешь с ней разговаривать, придержишься этой версии. И еще – ешь побольше и не хандри. Я пообщалась с твоим лечащим врачом. Она сказала, что дела твои не очень, конечно, но все поправимо. Еще она сказала, что ты постоянно плачешь и пугаешь своим обморочным видом медсестер. Ну, в чем дело?

Едва Настя произнесла это, у Ани из глаз полились непровольные слезы. Она закрыла лицо руками и несколько секунд сидела так, не шелохнувшись. Потом отняла руки от лица, вытерла щеки и улыбнулась.

– Я просто очень скучаю, а здесь такая угнетающая обстановка. Почему-то лечение не помогает. Чувствую я себя хорошо, но, похоже, внутри не все в порядке. Сегодня после УЗИ сказали, что, если ничего не изменится, будут делать операцию.

– Какую еще операцию?

– Ну, как мне по-простому объяснили, что-то вроде аборта. Под общим наркозом.

– Второй общий наркоз за полмесяца?! – воскликнула Настя.

– Я на все соглашусь, лишь бы меня отпустили домой.

– Ох, господи... – Настя на мгновение прикрыла глаза и помассировала виски.

Аня с огорчением видела, что, несмотря на ее боевой настрой, Настя выглядит очень уставшей.

– Прости меня, – пробормотала она, снова начиная плакать. – Я так виновата. Все из-за меня. Что за жалкая жизнь! Даже ребенка нормально не смогла родить... всем мешаю. Создаю проблемы... почему я не умерла...

Настя застыла от неожиданности и несколько мгновений не мигая смотрела на Аню – та сидела перед ней сгорбившись, снова спрятав лицо в ладони, вздрагивая всем телом от сдерживаемых рыданий. Настю охватила паника и тревожное, незнакомое ей чувство беспомощности. Но она быстро взяла себя в руки. Завидев выходящую из кабинета заведующую отделением, она решительно направилась к ней и после недолгого разговора вернулась к Анне.

– Вставай, пойдем прогуляемся, – Настя заставила Аню подняться. – Иди, надень подходящую обувь и кофту захвати.

Аня посмотрела на нее так, будто не понимала, что она говорит.

– Господи! Ну и видок у тебя! – с деланным весельем воскликнула Настя. – Хорошо, что тетя Лида не смогла сегодня со мной прийти, она-то считает тебя рафинированной красоткой, бог ей судья, конечно.

– Уже вечер, нельзя выходить.

– Твой лечащий врач разрешила. Давай-давай, пройдемся, подышим. И правда здесь крышей можно поехать. Терпеть не могу больницы!

Они спустились на лифте и вышли в прохладный летний вечер. Большие, без занавесок окна многоэтажной больницы светились белыми люминесцентными лампами, один вид которых вызывал у Насти чувство бесприютности и тоски. Чтобы не видеть их, она взяла Аню под руку и повела вдоль дорожки, обсаженной деревьями, в сторону от неказистого серого здания. Девушки брели медленно и молча. Небо у них над головами было темно-синее, а в тенистых аллеях стоял полумрак, время от времени оглашаемый пронзительными голосами вечерних птиц. Где-то в отдалении за чередой больничных построек и длинным желтым забором в неустанным движении шумел Литейный проспект.

Настя бездумно смотрела по сторонам, иногда прикрывала глаза и вдыхала свежий, напоенный зеленью воздух. Аня поглядывала на нее украдкой. Настя была единственным человеком, с которым она могла говорить о том, что было у нее на сердце, но сейчас, как и на протяжении последних долгих месяцев, она не решалась это сделать. После их размолвки, случившейся в этой больнице семь месяцев назад и закончившейся дома бурной сценой, они больше не разговаривали об отце Илюши. Сегодня Настя впервые упомянула о нем, и это всколыхнуло в Аниной груди тягостные чувства. Здесь, под широкими кронами деревьев, в покое и уединении опу-

стевших аллей, она вдруг ощутила острую потребность поговорить о нем, произнести вслух его имя, услышать от Насти слова, которые может сказать только друг.

Настя почувствовала ее настроение. Возможно, оттого, что она сама впервые за неделю, проведенную в безумной гонке, словно замедлила бег, или, возможно, на нее, как и на Аню, подействовала тишина больничного сквера, сделав более восприимчивой и чуткой, – Настя поняла, о чем молчит ее подруга. Больше всего на свете она ненавидела недомолвки, презирала трусливое малодушие людей, не способных открыто говорить о своих чувствах, эмоциях, желаниях. У нее самой не было привычки строить иллюзорные предположения, терзаться сомнениями или теряться в догадках – она всегда спрашивала и отвечала прямо. И по отношению к себе ожидала такой же четкости и прямоты. Но Аня никогда не говорила напрямую о том, что ее по-настоящему волновало. Облекать в слова самые сокровенные мысли, формулировать душевные переживания и смело выносить их на обсуждение было для нее невыполнимой задачей. «Наверное, поэтому с ней и случилось именно то, что случилось», – вдруг подумала Настя. Себя она не могла представить в ситуации, когда чувства возобладали бы над разумом. Полюбить настолько сильно, довериться, ни о чем не спрашивать, не думать о завтрашнем дне и в итоге оказаться в таком плачевном моральном и физическом состоянии, без поддержки, без веры, без надежды... С ней рядом брело странное, непо-

стижимое создание, живущее в каком-то неведомом ей мире, загадочная душа, чье главное решение в жизни Настя не могла понять и принять, но которую можно было так легко и больно ранить неосторожными словами. Настя остановилась и обняла Аню. В горле стоял ком, и первые мгновения она не могла говорить.

– Не плачь, – сказала Аня, глядя ее по голове. – Все будет хорошо.

Настя невесело засмеялась и разомкнула объятия.

– Прости меня, – опять заговорила Аня, увидев, как подруга с досадой смахивает непрошенные слезы. – Я перед тобой в неоплатном долгу.

– Я тебя сейчас поколочу, честное слово! – сказала Настя и взглянула на изящные золотые часики. – Нам разрешили погулять пятнадцать минут, они почти прошли. Возвращайся, да и мне пора. Я оставила с Илюшей Дениса, обещала всего на два часа. Бедный Денис, он в шоке. Надо его спасти.

– Я попрошу, чтобы меня прооперировали как можно раньше, и на следующей неделе обязательно вернусь, – Аня поцеловала Настю в щеку и еще раз прошептала: – Все будет хорошо!

Больше не прибавив ни слова, она отвернулась и быстро зашагала к больнице.

В конце следующей недели Настя подкатила к Мариинке на собственном авто. Правда, ей пришлось покружить по

переулкам, прежде чем она нашла место для парковки, но это не испортило ее приподнятого настроения. Была пятница, в кармане лежали ключи от собственной машины, о которой она так давно мечтала, но самое главное – Аню наконец выписывали. День выдался жарким. Солнце слепило глаза. Надев модные оранжевые очки, Настя легким шагом бежала по Литейному проспекту. Без проволочек она миновала проходную и вошла в здание больницы. Аня собиралась на удивление долго, и прошло не менее часа, прежде чем они наконец покинули это богоспасаемое заведение и вышли на гудящий проспект.

– Совсем лето, – сказала Аня, глядя по сторонам. – Как хорошо наконец оказаться на свободе!

– Это надо отметить! – подхватила Настя. – И еще кое-что. Я тебе не говорила – сейчас сама увидишь!

Через несколько минут они подошли к черному «форду», и Настя нажала на электронный ключ. «Форд» приветливо мигнул габаритными огнями.

– Та-дам! – радостно воскликнула Настя.

– У тебя новая машина?

– Ну, на самом деле совсем не новая, но в отличном состоянии! Денис подарил. Он давно подумывал мне тачку купить, а тут как раз и повод нашелся – ездить-то мне приходилось много, из дома до тебя и обратно, так что, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло!

– Поздравляю! Выглядит внушительно.

– Я в полном восторге! Уже четыре дня езжу. Права давно есть, а вот опыта не особо, так что пока поедem аккуратно и небыстро. Залезай.

Всю дорогу до дома Настя рассказывала о машине и эпопее с ее покупкой. Аня, устало откинув голову на сиденье, слушала ее со слабой улыбкой. Дома их встретила соседка Галина Николаевна, к доброжелательному приветствию которой примешивалась изрядная доля разочарования в том, что ее неплохо оплачиваемые услуги няньки больше не потребуются. Настя накануне купила торт и что-то приготовила из еды. Пока она возилась на кухне Аня сидела в обнимку с Илюшей, переживая в душе странное смешение чувств – нежности, тревоги и апатии.

Настя довольно бодро и деловито проинструктировала ее об Илюшином распорядке дня. По словам подруги, все выходило четко и ясно, но скоро Аня обнаружила, что сама она не может соблюдать режим и следовать инструкциям. Длинные летние дни, проходящие в заботах и суете, оканчивались бессонными ночами. Ребенок отчего-то постоянно плакал и плохо спал. Сначала Аня катастрофически не высыпалась, то и дело поднимаясь среди ночи, а спустя время поняла, что, даже улучив минутку покоя, не может заснуть – ее терзали так никуда и не исчезнувшие страхи, нервозность и хроническая усталость.

Настя заезжала по выходным, но спустя месяц стала приходить на неделе. В первое время она старалась что-то при-

готовить и даже навести порядок, недовольно пеняя Анне за расхлябанность и безответственность. Но однажды, когда Настя разразилась очередными упреками, она вдруг заметила, что Аня смотрит на нее невидящим взглядом и, кажется, не улавливает ни слова из сказанного. В страшном раздражении Настя бросила на диван вещи, которые до этого намеривалась убрать в шкаф, и ушла. Кипя от злости, она мысленно сыпала обвинениями в адрес неблагодарной подруги, но потом обнаружила, что уже минут пять сидит с включенным двигателем и не трогается с места. Настя в сердцах обругала уже саму себя. Несколько глубоких вздохов – и она вышла из машины. Пока поднималась на лифте, придумывала, какой бы шуткой сгладить ситуацию, но когда вошла в комнату, то обнаружила Аню в том же положении, что и оставила, и с тем же отсутствующим выражением на лице.

В тот вечер путь домой стал для Насти временем, проведенным наедине с неприятными мыслями. Она быстро свернула разговор с матерью, а на звонок Дениса даже не ответила. С досадой ей пришлось признать, что Анька и вправду «дурит», по выражению тети Лиды, и что эти странные «завихрения» молодой матери не такая уж и пустяковая вещь. Она больше не могла не замечать скверного душевного и физического состояния подруги. Аня болезненно исхудала, у нее отсутствовал аппетит, потухшие глаза смотрели без всякого выражения, а общую вялость не могли прогнать ни дружеские посиделки, ни маленькие радости, ни даже улыбка

ребенка. Двигалась и говорила она медленно, словно заторможенно, но иногда нервно и совершенно неадекватно реагировала на самые безобидные слова, а главное – с лица ее не сходило страдальческое выражение, которое больше всего выводило Настю из равновесия.

– Может, и правда пора обратиться к психиатру? – пробормотала она, вспоминая свой короткий разговор с врачом Мариинской больницы.

В день выписки, ожидая, пока Аня соберет свои пожитки и получит необходимые справки, Настя все-таки заглянула в ординаторскую. К ней вышла лечащий врач и, выслушав осторожные Настины вопросы, сказала следующее:

– Физически она здорова. Что до эмоционального состояния... Я не специалист в психиатрии, но за свою практику видела немало женщин, переживающих послеродовую депрессию. Ведь вы об этом говорите? Иногда это состояние непродолжительно и проходит само собой, но бывают и крайне тяжелые случаи депрессии, нередко приводящее к суициду.

Настя с ужасом посмотрела на нее, невольно вспомнив слова тети Лиды о сигающих в окна роженицах.

– Вы не волнуйтесь раньше времени, но все же помните, что послеродовая депрессия – очень опасное состояние. Вызвана она, как правило, физиологическими факторами: изменением гормонального фона, дефицитом необходимых веществ, сильным стрессом, – но в первую очередь это пси-

хическое расстройство, и если улучшений не наметится, будет правильно обратиться к психиатрам. Справиться с этой проблемой помогут только специалисты.

Настя молчала, глядя себе под ноги.

– Но я надеюсь до этого не дойдет. Анна очень светлая, приятная девушка. Очевидно, что для нее разлука с ребенком сразу после его рождения стала большим испытанием. К тому же, возможно, у нее не восстановится лактация и она не сможет кормить грудью. Это отнимет у девочки драгоценные моменты единения с младенцем – «одну из главных тайнств материнства», как говорил наш старый профессор, мой учитель. Что ж, это станет еще одним испытанием. И если такое случится, ей будет необходима любовь и поддержка близких. Я вижу, что у Анны очень хорошие друзья, но не видела ее родителей.

– Родителей, к сожалению, уже нет.

– А отец ребенка?

– Он... – Настя на выдохе невесело хмыкнула, – он не может быть рядом.

– Понятно. Что ж, могу только добавить, что даже женщины из полных и внешне благополучных семей нередко страдают от постродовой депрессии – видят все в черном цвете, испытывают чувство вины и еще целый спектр негативных эмоций и переживаний, связанных с расстроенной психикой. Конечно, для этого всегда есть причины, если не явные, то скрытые глубоко внутри. Здесь же ситуация может

усугубиться из-за отсутствия родственной поддержки. Я вам рекомендую не оставлять подругу надолго одну, хотя бы первое время, и, разумеется, в случае необходимости, решать проблему медикаментозно.

Подъезжая к дому, Настя решила проконсультироваться с Ритой о том, где можно найти хорошего психиатра, но тут же мысль, что ее подруге, ее Аньке, похоже, и в самом деле нужен психиатр, резанула как острый нож.

Некоторое время спустя Настя попыталась поговорить с Аней, что, мол, неплохо было бы сходить к врачу, но Анну это только раздражало – любое упоминание о врачах вызывало у нее негативную реакцию. Сама она не связывала свое подавленное настроение ни с какими психическими проблемами.

– Неспokoйный ребенок, усталость и недосып – вот и все, – недовольно ответила она как-то Насте, а когда осталась одна, села у окна и заплакала.

Плакала она едва ли не каждый день, и почти всегда без какой-либо видимой причины. На нее все навевало хандру, будь то пасмурная погода или ясное синее небо, которое в солнечные дни казалось особенно далеким и бездонным. Что-то в этой синеве тревожило и задевало ее, но, будучи не в силах разобраться в клубке своих спутанных чувств и переживаний, она только раздражалась, загоняя глубоко внутрь все, что мешало ей день за днем проживать свою жизнь в неустанных делах и заботах. Порой на нее наваливалась

нечеловеческая усталость. Невозможность даже физически двигаться приковывала к месту, и несколько минут, как ей представлялось (а на самом деле гораздо дольше), она сидела уставившись в одну точку или закрыв глаза, но не спала, а будто грезила наяву. Это был период эмоционального оупения, когда беспросветная тоска и уныние затмевали все, даже тревоги за жизнь и здоровье ребенка. В какой-то момент Аня поняла, что ничего не испытывает к нему, этому маленькому крикливому существу, заполонившему ее жизнь. Мысль о равнодушии и даже нелюбви к младенцу ужаснула ее. Но она не могла ее отбросить. Бывали минуты, когда она смотрела на Илюшку почти с отвращением; ей хотелось исчезнуть, умереть, сделать что-нибудь, чтобы ее оставили в покое. Иногда в ее воображении вставали картины каких-то райских кущ – блаженного места нирваны, обиталища бес-телесных сияющих духов, а иногда она целыми днями не выходила на улицу, выпуская Локи на свой страх и риск в одиночку бродить по дворам, и поднималась с дивана лишь для того, чтобы покормить или поменять подгузник ребенку, предоставленному самому себе.

В один из таких затянувшихся периодов Аня особенно остро реагировала на его несмолкающее хныканье. Спал младенец мало, а когда просыпался – отказывался от еды и вел себя беспокойно. Аня кутала сына в теплое одеяльце, качала на руках, пробовала давать воды и разведенную заново молочную смесь, но, едва прикасаясь к соске, малыш начи-

нал кричать, и это сводило Аню с ума...

Когда их по скорой привезли в больницу, а в приемном покое оказалась очередь, Аня стала метаться по коридору, требуя немедленно позвать врача. Ее руки, державшие Илюшу, дрожали, искаженное тревогой лицо казалось совершенно безумным. К ней подошли, попытались успокоить, но она выкрикивала, что ее ребенок умирает, и прижимала его к себе так сильно, что тот заходился в пронзительном вопле. Аню точно подхватил какой-то бурный поток. Разум отключился, отдаваясь во власть полнейшему хаосу. Она больше не осознавала своих слов и действий, только сквозь заливающие лицо слезы смутно угадывала устремленные на себя взгляды. Сердце ее сжималось от горя и ужаса, ей казалось, что все эти бездушные люди смотрят на нее с осуждением. В ее расстроенном воображении их лица вдруг превратились в белые маски со стертыми чертами, а выкрашенные зеленой краской стены больничного коридора – в стены глухой удушливой тюрьмы, из которой она не могла найти выхода.

Ее подхватили под руку, но она начала вырываться, еще крепче вцепившись в Илюшу.

– Боже, – сказал кто-то, – ты только посмотри! Чокнутая мамаша! Пьяная, что ли?

От этих обидных слов Аня согнулась пополам и заревела в голос. Ее плаксивость изливалась прежде тихими слезами в подушку, но сейчас, в эту самую минуту, когда ее оскорбили и куда-то поволокли, схватив сильными руками, она раз-

разилась громкими истеричными рыданиями. У нее отняли ребенка, и она стала кричать еще громче. Какие-то люди в белом мелькали перед ее затуманенным взором, но она не осознавала уже ничего, ничего не чувствовала, кроме черной смертельной пустоты внутри.

Неожиданно перед ней возник кто-то и ударил по лицу. Это была очень сильная и звонкая пощечина. Аня покачнулась и осела на стул. Рыдания прекратились. Тяжелое, сбившееся дыхание прерывалось теперь только нервными и протяжными всхлипами. Ей подали стакан воды, и Аня с жадностью его выпила. Через несколько минут она овладела собой настолько, что смогла осознать, где находится – уже не в людном коридоре, а в отдельном кабинете, где был стол, заваленный бумагами, белые шкафы с папками, рукомо́йник, над которым висели круглое зеркало и рулон с бумажными полотенцами. На подоконнике и тумбочке с выдвигаемыми ящиками стояло несколько довольно чахлах комнатных растений. Подняв взгляд, Аня увидела перед собой дородную женщину старше среднего возраста, в медицинском халате. У женщины были иссиня-черные волосы, тяжелый взгляд и хмурое лицо с крупными, характерными чертами, безошибочно выдававшими в ней уроженку Кавказа.

– Успокоилась? – спросила она, демонстрируя столь же характерный и очень подходящий ей низкий голос с горганным выговором.

Аня молча кивнула. Женщина забрала у нее стакан, при-

двинула стул и села напротив.

Аня опустила взгляд. Она хотела еще что-то сказать, но на нее нашло душевное онемение и ужасная физическая слабость. Несколько минут тишину нарушали только затихающие всхлипы и мучительная икота, с которой Аня была не в силах справиться. Женщина поднялась и налила ей еще один стакан воды. Наконец Аня окончательно успокоилась и спросила, где Илюша.

– Его осматривает врач. Судя по документам со скорой, у него подозрение на тубоотит, но ты его так сжимала, что могут быть и механические повреждения.

– Я ему навредила?! – Аня вскочила со стула. – Что с ним? Скажите ради бога!

Словно в ответ на ее отчаянный возглас резко отворилась дверь, и на пороге появилась молоденькая медсестра, за спиной которой маячил санитар.

– Нана Биджоновна! – произнесла девушка, и Аня поймала на себе ее гневный взгляд, успев также заметить на отворенной двери табличку, из которой поняла, что находится в кабинете заведующей отделением. – Если она опять за свое, Андрей все еще здесь, а я приготовила седативное.

– Не потребуется, – коротко ответила Нана Биджоновна.

Медсестра пару секунд помялась на пороге, но потом все-таки закрыла за собой дверь.

Аня снова опустилась на стул. Ей стало вдруг холодно, и она обхватила плечи руками в тщетной попытке согреться

и унять нервную дрожь. Нана Биджоновна посмотрела на ее тонкие нервные пальцы, отметив отсутствие обручального кольца. Несколько минут она разглядывала Аню, как ученый в лаборатории мог бы разглядывать представший перед ним подопытный экземпляр.

– Простите, – пробормотала Аня, чувствуя на себе тяжелый взгляд. Черные глаза, казалось, буравили ее без всякого выражения, во всяком случае, в них не было ни теплоты, ни сострадания. Но и осуждения тоже не было.

Аня чувствовала необходимость что-то сказать, но слова не шли. Скоро опять открылась дверь, и вошел мужчина-врач с Илюшей на руках. Аня дернулась. Врач направился было к ней, но замешкался и взглянул на Нану Биджоновну.

– Можете отдать, – сказала та, – мамочка успокоилась.

– Тубоотит среднего уха, – произнес врач, обращаясь скорее к Нане Биджоновне, а потом повернулся к Анне, которая прижала Илюшу к себе, чувствуя, как отчаянно колотится сердце. – Держать голову в тепле, несколько дней лучше не выходить на улицу. Вот рецепт и направление на консультацию отоларинголога по месту жительства. Вам необходимо будет подойти к стойке регистрации и подписать бумаги. Сейчас болевой эффект снят, ребенок успокоился и спит. Первый прием пищи рекомендую ограничить. Если он не ел весь день, не стоит его сразу перекармливать.

– Спасибо, – едва слышно проговорила Аня. К этой минуте она полностью пришла в себя, и ее придавила вина за

совершенный проступок. В голове никак не укладывалось, что она устроила такую безобразную сцену, потеряла над собой контроль, кажется, окончательно сошла с ума.

Она посмотрела на говорившего врача, непроизвольно начиная опять плакать.

– Он не пострадал?

– Нет. Но думаю, нелишним будет порекомендовать вам – и Нана Биджоновна со мной согласится – консультацию невролога.

– Извините, – Аня встала, прижимая к себе Илюшу, словно ища у него защиты. Единственным ее желанием было убежать отсюда как можно скорее, но Нана Биджоновна поблагодарила врача и, когда он ушел, предложила Анне снова сесть на место.

Аня бросила тоскливый взгляд на закрывшуюся дверь и поняла, что, конечно, она должна повиниться. Во всяком случае, выразить благодарность за то, что на ее дебош не вызвали полицию или что ее по-настоящему не скрутили санитары.

Нана Биджоновна быстро прервала поток ее бессвязных слов. Анне хватило одного взгляда, чтобы понять, что Нана Биджоновна намерена не слушать, а говорить сама. Но некоторое время она молчала, продолжая разглядывать сидящую перед ней девушку, потом тяжело поднялась, обошла свой стол и, усевшись в кресло, принялась что-то писать. Через минуту-две она протянула Анне листок с каракулями, взгля-

нув в который Аня не разобрала ни слова.

– Пойдешь в Центр неврологии к профессору Гурули. Подай ему записку, сдашь анализы, и тебе пропишут курс лечения.

– Спасибо, но это лишнее... – с оторопью пробормотала Аня, однако Нана Биджоновна будто ее не слышала.

– Принимаешь антидепрессанты? – спросила она, буравя ее тяжелым взглядом из-под сдвинутых бровей.

– Нет! – воскликнула Аня.

– Молодец.

Нана Биджоновна поднялась и двинулась к двери. Аня тоже мгновенно вскочила.

– Надо стараться, деточка. Поняла?

Аня посмотрела на Нану Биджоновну, та еще раз окинула ее своим неприветливым взглядом и произнесла:

– Семь дьяволов не сделают человеку столько зла, сколько он сам себе причинит.

С этими словами заведующая открыла дверь и вышла в коридор. Аня потянулась за ней. Неожиданно Нана Биджоновна остановилась.

– За то, что ударила тебя, приношу извинения. Ты вправе написать жалобу.

– Нет. Я не буду. До свидания.

Аня крепче обняла уснувшего сына и заторопилась к выходу. Но быстро уйти ей не удалось. На стойке регистрации ее окликнули, и она вспомнила, что нужно подписать

документы и получить выписку от врача. Дрожащей рукой Аня поставила подпись, чувствуя на себе взгляды персонала.

– Вы сказки ребенку читаете?

Аня в удивлении вскинула взгляд. К ней обращалась женщина, стоящая за стойкой регистрации.

– Сказки? – пробормотала несчастная девушка. Она начала чувствовать подступающую головную боль и нечеловеческую усталость.

– Да. Вы знаете, я своим всегда читала, даже младенчикам. Очень хороший терапевтический эффект – малыш привикает слышать голос мамы и быстро засыпает, да и мамочке полезно. Если бы вы знали, сколько в моей голове стишков и песенок! Петь лучше всего – и успокаивает, и настроение повышает.

Аня с удивлением смотрела на женщину, которая, приветливо улыбаясь, положила перед ней еще один бланк для подписи.

– Нет, я не читаю.

– А вы попробуйте.

Аня забрала документы и вышла на улицу. Несколько мгновений она постояла под козырьком подъезда, глубоко вздохнула и торопливо зашагала, не оглядываясь.

Она шла и шла, подгоняемая поднявшимся к вечеру ветром. В сыром и теплом воздухе чувствовалось дыхание приближающейся осени. Этот ни с чем не сравнимый запах листвы, влажной земли и дождя, когда тепло с неба и хо-

лод от земли рожают прохладный туман, был для нее всегда запахом чего-то сокровенного, родного и одновременно тревожащего. Это был запах детства. Так пахло в бабушкином погребе, уставленном банками с прошлогодними солениями – запах отсыревших досок и чуть заржавленного железа. Бабушка! Как ей было жаль расставаться со своим стареньким, вросшим в землю домом! Украшенный резными наличниками в виде полукругов с лучами, прямоугольников, ромбов и фестонов, он некогда был одним из прекрасных образцов тихвинской деревянной архитектуры, но со временем почернел и скособочился, как древний, клонящийся к земле старец. Из далекого, самого раннего детства Аня помнила, что щедрую узорную резьбу, выточенную безвестным мастером под самой крышей и на окнах, по весне красили яркими масляными красками. Дом преображался, словно глядел веселее, и даже в зимнюю пору его разноцветный кружевной убор радовал глаз, проглядывая то здесь, то там из-под подтаявшей снежной шапки. Но спустя годы уже некому было заботиться об этом. Наличники потемнели и состарились вместе с домом. Облупившаяся краска свисала с них клочьями, а кое-где постепенно исчезла совсем, обнаруживая полустертый временем орнамент, местами поврежденный, местами утраченный полностью.

В доме были высокие железные кровати с пружинистыми матрасами, выцветшие половики в комнатах, а на стенах ковры – наивное подобие старинных гобеленов с изображением

оленей и лесных чащоб. Несколько лет над Аниной кроватью висел такой ковер с рисунком на сюжет «Красной Шапочки». До сих пор Аня отчетливо помнила его охристые краски – лесную опушку в окружении растительности всех оттенков, от серо-зеленого до оранжевого, ручей с цветущими у берега кувшинками и белыми лилиями, кряжистый дуб с сидящей на ветке белкой и семейство зайцев, глазеющее на главных героев сюжета. Девочка и волк замерли на извилистой тропинке и казались старыми друзьями. По размеру волк был почти таким же, как и его спутница, но не казался страшным или злым. Он больше походил на поджарую лохматую собаку, вышагивающую рядом с хозяйкой. Анне ужасно нравился этот персонаж. Ей нравилось лежать без сна и, глядя на эту мирную пару, придумывать о них истории, непременно волшебные и веселые. Где теперь этот старенький ковер? Еще год или два после переезда в Петербург он служил то настенным украшением, как в прежние времена, то покрывалом на кресло, пока полностью не пришел в негодность и, кажется, когда Аня и Настя учились в третьем классе, не окончил свои дни, превратившись в лоскутные одеяла для кукол...

Аня остановилась на перекрестке. Пока она шла, заметно стемнело. Серые сумерки напитались влагой, и, подняв взгляд к небу, девушка увидела тучи, наплывающие с запада на плоские городские крыши. Зябко вздрагивая, Аня огляделась по сторонам, стараясь понять, где очутилась. Отсюда

следовало уехать на такси, но телефон остался дома, а денег в кошельке оказалось не много. По счастью, в кармане нашелся проездной, и, спросив несколько раз дорогу, Аня добрела до остановки троллейбуса, который, петляя по незнакомым улицам и подолгу задерживаясь в пробках, наконец довез ее до метро. К парадной своего дома она подходила уже в потемках. Илюша проснулся и захныкал. Голодный, неудобно перехваченный усталыми руками, он, казалось, желал оказаться в уютном и безопасном тепле не меньше, чем его измотанная мама.

Поднимаясь в лифте, Аня прикрыла глаза, а переступив порог темной квартиры, прислонилась спиной к закрытой двери и стояла так несколько минут, пока не почувствовала, как Локи тычется ей в колени своим холодным мокрым носом. Аня погладила его по улыбочивой мордахе, встряхнула головой, точно отгоняя непрощенные мысли, и принялась за дело. Умылась, вскипятила чайник, заварила детскую смесь, и пока Илюшка ел, лежа на ее руках, она внимательно его рассматривала.

Впервые ей пришла в голову мысль, что он не всегда будет младенцем. Однажды он подрастет настолько, что станет узнавать ее лицо из тысячи других лиц, сможет не только принимать обращенную к нему заботу, но и осознавать ее, сможет откликнуться на внешние события, создать о них воспоминания. Такое преображение виделось Анне необычайно волнующим. Она представила, каким он может стать и

как изменится по сравнению с тем, какой он сейчас – хрупкий, беспомощный, точно слепой котенок. А какие картины детства останутся запечатленными в его памяти? Что окажется для него тем единственным, неизменным и драгоценным, навсегда связанным с родным домом, с нею самой? Это были удивительные мысли. Немного пугающие. Ее память хранила отпечатки собственного детства – звуки, запахи, целые сцены каких-то событий, которые, как яркие картинки, вставали пред внутренним взором, живые, эмоциональные, такие недавние... Даже те, в которых были родители, – не лица на фотографиях, а тени воспоминаний – всего лишь два размытых силуэта, лишённые контуров и индивидуальных черт. На мгновение Анне представилось, что Илюша в свое время также не сможет припомнить ее лицо или в его памяти будет возникать лишь бледный образ жалкого существа, сокрушенного неизвестными печалью. На глаза навернулись слезы, словно перед ней уже предстал не знавший счастья ребенок. Или она сама была таким ребенком, потерянным, одиноким, лишённым опоры. Несколько минут Аня тихо плакала, глядя на бессмысленно блуждающие глазки малыша, а когда он заснул, успокоенный ее близостью и теплом, она осторожно легла с ним в постель, предварительно сняв с полки одну из книг, что плотными разноцветными рядами выстроились в книжном шкафу. Это были «Сказки зарубежных писателей», старенькое издание без картинок – любопытный сборник известных авторских текстов Перро, Гофмана,

Уайльда и многих других, опубликованных в полной редакции, без купюр. Открыв наугад, Аня принялась читать вслух, вначале сбивчиво, потом все более уверенно, перелистывая страницу за страницей. Когда она оторвала взгляд от книги, было около часа ночи. Аня чувствовала приятную усталость и почти умиротворение. Ей оказалось нетрудно подняться и приготовить Илюше поесть, когда он через несколько минут проснулся; а когда уснул снова, она перенесла его в кроватку и, вернувшись в свою постель, проспала спокойно до самого утра.

Весь октябрь в том году лил дождь. Одетые в багрянец деревья сиротливо мокли под нескончаемыми потоками – изредка колючими и хлесткими, но чаще тихими и монотонными, окутывающими все вокруг серой туманной дымкой. С безвозвратно уходящим летом исчезало и тепло. Еще начало месяца радовало солнечными днями, но к его концу небо было уже сплошь затянуто тучами, и ясный день, случись такому проскользнуть, воспринимается как праздник.

Разбирая в конце лета шкаф, Аня обнаружила в дальних ящиках несколько ненужных вещей, в том числе два поломанных зонта, не переживших ветреного межсезонья. Впрочем, сейчас, в этом октябре, они ей были не нужны, – выбираясь на прогулки, Аня натягивал поверх куртки сиреневый дождевик с остроконечным капюшоном и, по Настинному выражению, становилась похожа на сказочного гнома, ка-

тившего перед собой также укутанную в дождевик коляску. Дома Аня носила любимый, привычный телу свитер, и даже когда включили отопление, она не могла избавиться от привычки натягивать его пушистый мягкий ворот чуть не до самых глаз. Кисти рук она прятала в длинных растянутых рукавах, особенно когда устраивалась в кресле с дымящейся чашкой чая или очередной порцией книг. Однажды Настя заметила сваленные на столе тома – одни были открыты, из других торчали закладки.

– А, это я вечерами Илюшке читаю, – отозвалась Аня.

Настя взглянула поближе.

– «Гарри Поттер», «Похитители бриллиантов», «Понедельник начинается в субботу»... Что это?

– Говорю же, мы с ним книжки читаем.

– Я за тебя рада, но... Стругацкие, Аня! Ты серьезно это младенцу читаешь? – Настя с огромным удивлением, к которому примешивалась изрядная доля веселья, смотрела на молодую мать.

– Я ж ему не «Трудно быть богом» читаю... – Аня несколько снисходительно хмыкнула, точно Настя сморозила глупость. – Тут про волшебство как-никак, другие книжки про приключения.

– Я, конечно, все понимаю – надо ребенку читать стишки, петь песенки, даже если он еще не бельмеса не соображает, но ты, как всегда, в своем репертуаре! Что за странный выбор? Почему не сказки?

– Сказки мы уже читали. У меня сборник есть, еще с институтских времен. Скажу тебе, истории там – Стивен Кинг отдыхает! Ты в курсе, что у братьев Гримм описано, как сестры Золушки, чтобы натянуть туфельку и заполучить принца, отрубили себе одна пятачку, другая пальцы? И смачно так описано, как кровь по туфельке текла? А в оригинальной версии истории про Спящую красавицу Перро принца вообще нет, вернее, он потом возникает, но Фея вовсе не обещает, что однажды он явится и разбудит девицу. А по мне, так лучше бы и не появлялся. Знаешь почему? Его мамаша оказывается ведьмой-людоедкой и одного за другим поедает детей этой Спящей, вернее, разбуженной красавицы, во всяком случае, ведьма так думает. Это к вопросу, почему в переложении для детишек сказки заканчиваются свадьбой, а дальше – «жили долго и счастливо». Сплошная недоговоренность! А тут смотри какая насыщенная событиями семейная жизнь!

Настя примирительно махнула рукой, похвалив идею литературных вечеров «у камелька», а в душе на самом деле страхась спугнуть приподнятое настроение подруги. Однако результатом этого разговора стало посещение книжного магазина и покупка более подходящего чтива – красочных и хорошо иллюстрированных «Русских народных сказок для малышей».

– Между прочим, Колобка в конце съели, – заявила Аня, принимая подарок с видом оскорбленного величия. Мгновение она и Настя смотрели друг на друга, а потом начали

смеяться, да так громко, что Илюшка испугался и заплакал.

В декабре Настя заявила, что намерена отметить Илюшкины шесть месяцев – как-никак первый юбилей. Аня отнеслась к идее скептически – это все-таки не годик, и уж точно ее не прельщали посиделки в кафе, даже в тех, где имелись детские игровые комнаты. Но Насте хотелось праздника – приближение Нового года привычно будоражило ее кровь, а потому в конце концов она уломала Аню на «вечеринку для своих».

– В самом деле, – говорила она, – надо взбодриться! Работа заколебала. Век бы не видать все эти физиономии!.. Денис тоже какой-то дерганый – под конец года у них всегда аврал; в общем, хочешь не хочешь, но у нас с Илюшкой будет праздник. К тому же мы сто лет вместе не собирались. Не волнуйся, я все беру на себя.

– Имей в виду, я к тебе не поеду, – сказала Аня, пусть и с неохотой, но все же уступая, так как по опыту знала, что, если Насте что-нибудь втемяшится, она уже ни за что не отстанет.

– В ресторан ты не хочешь, как же мы тут все разместимся?

– Уж как-нибудь. К тому же ты наверняка вино притащишь, а ты за рулем.

– Предлагаешь остаться на ночь? Хочешь, чтобы я спала на твоём старом диване? – с притворным ужасом восклик-

нула Настя. – Его давно пора на помойку!

– Ну знаешь! Сама захотела.

– Нет, правда, я тебе тыщу раз говорила, надо с этим диваном что-то делать! Его твоя бабуля еще из Тихвина сюда привезла, если мне память не изменяет. Не могу без слез смотреть на эту старую развалюху.

– Мне хватает, тем более я в последнее время его не раскладываю, но ради тебя, так и быть, разложу, – посмеиваясь ответила Аня.

– Нет уж, спасибо. Ладно, я что-нибудь придумаю. Да вот хотя бы – побоку этих мужиков, не будем их звать! Ритка приедет, я буду, и пригласи еще кого-нибудь, если хочешь. У тебя вроде какие-то знакомства с мамашами с детских площадок завелись.

– Не настолько близкие. Хорошо, давайте устроим вечеринку втроем. Потом на такси уедете, если не захотите на ночь остаться.

– Отлично, отлично! – Настя потерла ладони в предвкушении.

– И откуда такая неумная энергия? – заметила Аня. – Это не к добру.

– Хочется тебя расшевелить, немочь бледную. Кстати, может, в салон с тобой сходить, что ли?

– Вот сейчас мне точно не до этого. А выгляжу неважно, потому что устала смертельно. Целый день как белка в колесе. То одно, то другое. Еще Илюшка ни за что не хочет сидеть

в манеже, а если его оттуда вынуть, начинает везде ползать, да с такой скоростью, что ловить не успеваю. Вечно норовит свой нос засунуть куда не следует или забраться повыше.

– Вот глупая женщина! Радуйся, что он у тебя живчик, а не какая-нибудь амеба. Тихих мальчиков, ты же знаешь, я не люблю, а наш самым задиристым еще фору даст! Не могу удержаться, все время хочется его потискать. Ну что за щечки! Такой хорошенький!

– Кто бы мог подумать, что вы так споеетесь! – усмехнулась Аня, наблюдая, как Илюшка, радостно улыбаясь во весь рот, в котором уже красовались два зуба, дергает Настю за идеально уложенные волосы.

Аня приготовилась к тому, что Настя расстарается на славу, но та предложила посидеть по-свойски, без затей, – принесла для закусок несколько салатов собственного приготовления, а на десерт – коробку с пирожными из дорогого магазина. Рита на скорую руку соорудила на кухне незатейливый ужин, Аня наслаждалась возможностью ничего не делать, расслабленно сидя в кресле, а ее неугомонная подруга резала бутерброды и жаловалась на Дениса, который успел проштрафиться, но, похоже, сам этого не заметил.

Девичник тек своим чередом, когда в середине вечера Настя вдруг повела взглядом вокруг себя и спросила, где новогодняя елка.

– Какая еще елка? – отозвалась Аня. – Если Локи я приучила к ней не подходить, то от ребенка я ее точно не спасу.

Да и ставить ее некуда.

– Глупости! – возразила Настя. – Что за Новый год без елки? Если подвинуть Илюшкин комод и убрать кресло, она отлично встанет в углу.

– Даже не думай об этом.

Настя замерла, точно решая, как лучше поступить, и после секундного размышления посмотрела на Аню с грустью.

– Что случилась? Где моя прежняя веселая, озорная подруга?

– Я все твои фокусы наперед знаю! – засмеялась Аня. – Сейчас тебе пришло в голову притащить в мой дом елку, и, клянусь, ты всю душу мне вынешь, а сделаешь по-своему!

– Очень оно мне надо! – возразила Настя. – Тебя послушать, так я прямо монстр или стервозина какая. Просто я хорошо помню, как в детстве любила смотреть на елочную гирлянду. Как сверкали огоньки, отражаясь в стареньких стеклянных игрушках...

– Стекланных, – заметила Аня.

– В пластмассовых они тоже замечательно отражаются! Я тут недавно купила новые, такие, знаете, золотые с серебряной окантовкой. Просто прелесть! Они сами по себе блестят и переливаются. Очень красиво. Вот, Илюша, придешь ко мне в гости, тогда и увидишь... Нет, правда, у тебя даже мишуры нигде нет. Хоть бы снежинку вырезала и на окно прилепила, что за тоска зеленая!

– Предлагаю сгонять за елкой! – сказала Рита.

Аня с удивлением воззрилась на нее, а Настя с энтузиазмом вскочила.

– Отлично! – сказала она. – Так и сделаем. А ты пока место расчисти и достань коробку с игрушками с балкона. Сейчас будет настоящий праздник!

– Две полоумные бабы в подпитии, – сказала Аня, насмешливо наблюдая за суетливыми сборами подруг. – Вы собираетесь эту елку на себе тащить? Те, что на перекрестке у нас продаются, с виду совсем немаленькие.

– Это не твоя забота.

– Я терпеть не могу елки – красоты на пару дней, а иголки потом из всех углов выметаешь полгода.

– Слушай, когда ты успела стать такой занудой? Тебе друзья предлагают елку, бесплатно, в качестве жеста доброй воли, – прими и радуйся. И вообще, как это можно лишиться себя удовольствия наряжать к Новому году елку? Не понимаю.

– Анька, вот увидишь, сразу настроение поднимется, – поддержала Рита. – Обещаю, выберу самую маленькую.

– Рита, даже самую маленькую нести тяжело. Ты хоть раз видела, чтобы эти елки женщины таскали? Что за глупости! Жалею, что выбросила свою старую, искусственную. Сейчас вы бы радостно ее нарядили, и дело с концом.

Рита примирительно улыбнулась. Настя уже звала ее из прихожей, и через минуту они обе, прихватив с собой Локи, хлопнули входной дверью.

Аня, усмехаясь, прилегла на диван, посадив на себя

Илюшку. Он был сонным и начинал капризничать. К счастью, в последнее время он засыпал гораздо быстрее обычного и спал крепко, так что даже порой лай Локи не был ему помехой. Но засыпать он полюбил исключительно на мамин живот, и никак иначе. Сначала Аня умилялась этому и специально подолгу лежала с ним, поглаживая по головке, держа в своей руке его крохотную ручку. Но со временем она поняла, что эта нежность только добавила ей проблем, ведь теперь Илюшка больше не мог уснуть без нее, долго капризничал, хныкал, крутился юлой, а то и начинал орать в голос. Намучившись, Аня всегда сдавалась, вынимала несносного крикуна из кровати, укладывала себе на грудь, и тогда он засыпал мгновенно, прежде чем она успевала выговорить ему все свои упреки.

Сейчас она слышала его тихое сопение, чувствовала исходящее от него тепло, и ее вдруг охватило чувство такого безбрежного счастья и одновременно такой неизбывной тоски, что она заплакала. Глотая слезы, Аня лежала тихо, боясь потревожить сон малыша, и вдруг начала посмеиваться над собой. «Вот глупая балбесина, – думала она, – слишком много вина... и я стала такой сентиментальной». В самом деле, Аня начала замечать за собой странную чувствительность – трогательные кинокадры, лирические описания в книгах, даже сентиментальные открытки или картинки из интернета вызывали в ней приступ неконтролируемых слез. В груди что-то сжималось, а глаза увлажнились, словно по-

таенные струны – души ли, сердца, – истончились и отзывались на малейшее прикосновение. Сейчас ее охватила сентиментальная эйфория, острый приступ нежности и грусти, который, решила она, был вызван ударившим в голову вином, а Настя, узнай она о происходящем, безапелляционно списала бы на нестабильный гормональный фон. Аня положила ладонь на Илюшину головку, чувствуя шелковистость его волос, несколько раз осторожно и медленно вздохнула и незаметно для себя провалилась в сон.

Проснулась она так же внезапно. Недолго лежала, глядя на незашторенное окно, за которым тихо, в пасмурном сумраке падал снег. Темноту комнаты озаряла лишь неяркая лампочка торшера. В ее свете, приподнявшись, Аня увидела, что Илюшка мирно спит в своей кроватке, укрытый одеяльцем, посуда убрана со стола, а в углу, прислоненная к стене, стоит перехваченная веревками елка, источая восхитительный запах смолы и хвои.

Анне было жарко под пледом, и, встав с дивана, она вышла на балкон, с наслаждением вдыхая свежий, слегка морозный воздух. Поеживаясь, она постояла несколько минут без всякой мысли, глядя на темные соседние дома с одинокими, то здесь, то там светящимися окнами, а когда совсем продрогла, вернулась в комнату. Голова ее была на удивление ясной, и, помимо охватившей ее жажды, Аня вдруг почувствовала острый голод. Поиски на кухне увенчались успехом. Приготовленный с вечера ужин, остатки незаправ-

ленного салата, накрытые крышкой овощи и кусок пирога – это был настоящий пир. Аня ела с великим наслаждением, удивляясь, почему не распробовала все это на вечеринке. Заваривая большую чашку чая, она взглянула на часы и обнаружила, что уже глубокая ночь. Никогда она не ела так плотно ночью, да и вообще не могла вспомнить, когда в последний раз ела с аппетитом. Это ее почему-то рассмешило. Еще несколько таких ночных набегов на кухню – и Настя непременно начнет язвить по поводу ее округлившихся боков. Посмеиваясь, Аня быстро раскинула постель на диване, забралась под одеяло и, прежде чем уснуть, написала Насте длинное сообщение. Прочитав его наутро, Настя вздохнула глубоко, с облегчением. Она оторвала взгляд от телефона и несколько мгновений смотрела на взъерошенного, заспанного Дениса, который безуспешно пытался что-то найти в кухонном шкафчике, а потом вдруг подошла к нему, обняла и крепко поцеловала.

В один из ранних субботних вечеров незадолго до Нового года Аня с раздражением ответила на настойчивый телефонный звонок. Илюшка извивался у нее на руках, стремясь заполучить большой сверкающий шар с новогодней елки. Это было особенное украшение, некогда купленное Аниной мамой. До сих пор у Ани сохранились смутные, но теплые воспоминания о том, как они с мамой долго рассматривали в магазине елочные игрушки и остановили выбор на двух вос-

хитительных шарах, из которых теперь остался лишь один. Шар был обсыпан мелкой зеркальной пудрой и, по твердому Аниному убеждению, совсем не годился в игрушки для несмышленного ребенка. Но Илюша день изо дня проявлял завидную настойчивость. Ему во что бы то ни стало хотелось заполучить этот шар. Аня по опыту знала – ничто уже не отвлечет маленького упрянца от избранной цели, а потому у нее только два выхода: дать ему желаемое или вовсе снять вожденный шар с елки.

Приглушенный детскими криками голос в телефоне принадлежал коллеге из редакции. Усадив недовольного Илюшку в манеж, Аня вышла на кухню и только тогда наконец смогла понять, что ей предлагают временную работу переводчиком для группы каких-то финских бизнесменов, которые хотели бы успеть до Нового года и затяжных российских праздников завершить свои дела в Петербурге.

Аня очень удивилась.

– Я не знаю финского, – сказала она.

– И не надо, они все говорят по-английски, а наши... сама понимаешь. Их переводчик куда-то делся: заболел, уехал – подробностей не знаю. Им надо срочно, дело горит.

– Но это странно... почему я? Почему мне предлагаешь?

– Ты девушка коммуникабельная, быстро соображаешь. –

Здесь Аня с сомнением хмыкнула. – Ладно, честно скажу, заказчику нужен кто-нибудь обаятельный, чтобы этих финнов очаровал и тому подобное.

– Ты о чем это?

– Ну ты что, вчера родилась? Приятная милая переводчица, интеллигентные манеры... это, считай, полдела, к тому же у них и так уже все улажено, надо только завершить переговоры и сопроводить их, так сказать, культурной программой. Работа непыльная, а заплатят хорошо.

– Спасибо, конечно, но я в декрете, – все больше удивляясь, сказала Аня. – Никого посвободнее не нашлось?

– На самом деле обе стороны тебя знают. Помнишь, пару лет назад мы с тобой на Российско-Финляндском культурном форуме подвизались? Там такой старичок импозантный был, все «Прапорщика Столя» любил цитировать, господин Ярвинен...

– А, ну да, ну да, было дело. Так это его компания с финской стороны?... А наши кто?

– Музей «POCART». Центр искусства этого господина Ярвинена задумал с музеем совместную передвижную выставку – сначала у нас, потом у них. Это все, что я знаю. Позвони их пиарщику, он тебе расскажет. Телефон скину... Да и что тебе дома киснуть, от выпрямления извилин страдать? Быстрее включишься в работу – быстрее в норму придешь. По себе знаю.

– Выпрямления извилин? – переспросила Аня.

– Не слышала, что ли? Говорят, у женщин после родов какие-то извилины в головном мозге распрямляются.

– Господи, что за чушь!

– Да серьезно, почитай в интернете. Короче, мой тебе совет – не упускай возможность.

– Нет, пожалуй, я откажусь... Как-то не представляю сейчас себя на работе...

– Все-таки подумай. Завтра в течение дня отзвонись им. Я их пиарщику тебя рекомендовала.

– Спасибо, конечно... – Аня в легком удивлении попрощалась и заспешила к Илюшке, который, оставшись без внимания, зашелся в крике.

За весь следующий день Аня и не вспомнила о вчерашнем разговоре и лишь под вечер задумалась и мысленно махнула рукой – ну какая работа, когда с Илюшки нельзя глаз спускать? Не в меру активный, очень капризный, еще и в еде стал привередливый – не каждый прикорм ему по вкусу, накормить – целая история. Однако, когда Аня улучила минутку и села наконец сама поужинать, раздался телефонный звонок. Мужской голос отрекомендовался Евсеем, пиар-директором выставки фотографий Исмо Хёлттё, которая весной должна открыться в Каретном флигеле музея «POCART», а спустя два месяца – в Галерее Центра современного искусства в Хельсинки. Аня несколько раз пыталась сказать, что, к сожалению, не может принять предложение о сотрудничестве, но этот Евсей (что за имя такое?), словно угадав ее намерение, остановил поток слов не раньше, чем обрисовал в красках идею и значимость проекта, а закончил заверением, что Анины рекомендации и комплименты, прозвуч-

чавшие в ее адрес, извиняют его настойчивость и заставляют смиренно просить о ее помощи и поддержке. Евсей говорил свободно, легко, не подыскивая слов, у Ани даже закралась мысль – не читает ли он по написанному? Но непередаваемый напор хорошо поставленного голоса, деловой тон, причудливо окрашенный нотками почти дружеского добродушия, не давали усомниться в естественности его речи. Аня, застигнутая врасплох, упомянула было, что весьма ограничена по времени, на что получила заверение, что все детали непременно будут оговорены при личной встрече, которую, если она не против, желательно назначить на завтрашний полдень. Несколько мгновений Аня сидела ошарашенная – впервые ей выпал случай стать объектом столь наглого рекрутинга, а потом ей стало смешно, а еще больше любопытно – она решила, что должна обязательно посмотреть на этого Евсея.

Сопоставив время дневного Илюшиного сна и обязательные утренние променады Галины Николаевны, она решила, что с часу до двух можно попросить добросердечную соседку посидеть у нее и покараулить непослушного бузотера. Евсей назначил встречу в одном из новомодных и шикарных заведений в центре, но Аня, усмехаясь про себя, ответила, что может встретиться с ним где-нибудь недалеко от своего дома, поскольку в ее распоряжении будет не более часа, а припомнив, что в соседнем квартале есть кафе под названием «Чердак», назначила встречу там.

Уже поздним вечером, договорившись с соседкой и уложив ребенка, она открыла шкаф и довольно долго стояла перед ним, разглядывая свой гардероб. Чутье безошибочно подсказывало, что Евсей – тот еще щеголь и наверняка явится упакованный в модные шмотки с ног до головы. Аня с грустью подумала, как давно уже у нее не было ни повода, ни желания наряжаться, но именно сейчас выглядеть бедной сироткой совсем не хотелось. Не спеша она перебрала несколько вариантов и наконец выбрала простое черное платье с длинными рукавами, раньше сидевшее слегка в обтяжку, а теперь ставшее как раз впору. «С сапогами пойдет», – решила Аня. Ее неожиданно захватила мысль о возможности перемен. «Почему бы не поработать? – с воодушевлением думала она. – Международный проект, серьезная выставка, творческие люди...» Все это было неожиданным, но, возможно, таким необходимым ей делом, способным отвлечь от повседневной рутины. Утром она продолжительное время экспериментировала с волосами – заплетала, распускала, делала хвост, наконец собрала их в гульку на затылке и вдруг с каким-то новым интересом стала разглядывать свое лицо. Кажется, уже лет сто она не делала это столь пристально. Настя была права – худая, бледная, открытый лоб, слегка впалые щеки, зато глаза красивые, со спокойным, ясным взглядом, и губы – умеют улыбаться вполне приветливо. Аня удовлетворенно хмыкнула и решила для себя: «Для деловых переговоров – вполне».

В двери «Чердака» она вошла вовремя, уже задним числом подумав, что не договорилась с Евсеем о том, как они друг друга узнают. Но, едва оказавшись внутри, она сразу же увидела человека за центральным столиком у окна. Он поднял голову и, очевидно также догадавшись, кто она, приподнялся ей навстречу и протянул для пожатия руку. Анино рукопожатие вышло робким и вялым, прежде всего от неожиданности – она не привыкла, чтобы мужчины при знакомстве жали ей руку. Он заговорил сразу же, как только она присела на деревянный стул с высокой спинкой. Пока он сыпал бисером слов, Аня изображала вежливое внимание, а на самом деле с интересом его рассматривала. Это был симпатичный мужчина лет тридцати с круглым лицом и здоровым румянцем, склонный к полноте, но удерживающий себя в форме. Очень короткие темные волосы, карие глаза за стеклами очков в тонкой черной оправе. Одет он был тоже во все черное – кашемировый свитер и узкие джинсы. На безымянном пальце левой руки красовалось гладкое серебряное кольцо. «Обручальное, что ли?» – подумала Аня.

Пока она делала эти наблюдения, перед ней появился высокий прозрачный стакан с кофе латте. Опережая вопросы, Евсей заметил, что девушки часто любят этот легкий сладкий напиток, а потому он взял на себя смелость сделать заказ заранее. Аня поблагодарила, все больше дивясь на сидящего перед ней незнакомца, который, видимо, предпочитал не тратить время попусту, когда был уверен в конечном резуль-

тате. При этом он задал конкретные вопросы об Анином образовании и опыте работы, ответы выслушал внимательно, не перебивая. На столе лежал планшет, и когда с формальностями было покончено, Евсей принялся показывать Анне презентацию выставки, а потом в нескольких четких фразах озвучил, что потребуется от переводчика. Не успела она толком осмыслить эту информацию и даже прежде, чем смогла подумать, получится ли договориться с соседкой, чтобы та присмотрела за Илюшкой, как Евсей уже вынул из своего ярко-желтого Piquadro контракт и положил перед Аней.

– Разумеется, вы можете ознакомиться с ним более внимательно, так и надлежит сделать, но основные пункты я изложил. Если остались вопросы или пожелания, готов это обсудить.

Аня слегка отодвинула от себя почти нетронутый латте (она не любила теплые напитки) и полистала контракт. Из всего сказанного вырисовывалась весьма заманчивая перспектива, однако она вдруг поняла, что этот напористый, излучающий уверенность человек немного пугает ее. Кроме того, Аню смущало и все то, что он олицетворял собой: новые контакты, плотный деловой график, необходимость переключить голову, забитую домашними проблемами, на новое ответственное дело. С другой стороны, она чувствовала, что действительно начинает тупеть – чтение сказок и всяких занимательных историй не столько для Илюши, сколько для самой себя, не могло заполнить тот вакуум, в котором

она очутилась, засева дома. Последние полгода она провела без всякого дела, напрочь забыв о работе, и теперь не знала, готова ли взять на себя какие бы то ни было обязательства. Оторвав взгляд от контракта, она посмотрела на Евсея. Тот пил эспрессо без сахара. Сидел свободно откинувшись на спинку стула, смотрел выжидающе.

– Пожалуй, это интересное предложение, – проговорила Аня.

Ей на глаза вдруг попались два старых чайника, подвешенных к потолку, – темных, алюминиевых, с длинными изогнутыми носиками. В таких чайниках, кажется, туристы прошлого кипятили воду над костром. Дизайнер «Чердака», по всей видимости стремясь отразить название бара в его внутреннем убранстве, заполнил интерьер всевозможным барахлом, создавая впечатление немного захламленного, но в целом уютного пространства. Прямо над головой Евсея висел вверх тормашками толстый игрушечный Дед Мороз. За широкой потолочной балкой, делящей зал на две половины, виднелся медный таз, в стороне от барной стойки – велосипедные колеса и какой-то балахон, смахивающий на хоккейную форму. На полках вдоль стен стояли десятки безделушек вперемешку с посудой из цветного, в основном темно-зеленого стекла. А прямо напротив Ани красовались пожелтевшие газеты несколько открыток с лозунгами времен развитого социализма и большая латунная табличка с надписью: «Клиника неврозов им. Академика И. П. Павлова».

Аня быстро отвела от нее взгляд, взяла стакан с окончательно остывшим кофе и сделала несколько глотков.

– Хорошо. Я согласна, однако у меня есть условия: я могу присутствовать на встречах только утром или в первой половине дня, но не вечером. Перевод договора о создании и экспонировании выставки будет готов быстро, как только вы согласуете с вашими партнерами и юристами его окончательный вариант. То же касается релизов для финской стороны – если они потребуются на английском – и всех текстов для буклета, включая подписи к фотографиям. Я также могу дать рекомендацию вашим партнерам по организации культурной программы, но сопровождать их не смогу.

– Почему?

Аня невольно поморщилась от его безапелляционной прямоты, но, очевидно, не в характере Евсея было оставлять какие-либо вопросы не проясненными.

– Я говорила вам по телефону, что у меня личные обстоятельства... Хотя, вы правы, лучше оговорить все сразу. Я в декрете, и мое свободное время ограничено.

Евсей посмотрел на Аню задумчиво. Она почему-то вспыхнула и опустила глаза.

– Господин Ярвинен неплохо ориентируется в Петербурге, но он общительный пожилой человек, которому всегда есть о чем поговорить. Он пригласил меня посетить оперу в Михайловском театре в эту субботу, но теперь я думаю, что вашей компании он будет рад несравненно больше. Слу-

чай встретиться с ним будет уже завтра – мы приглашены на обед. Ресторан «Крыша». Отель «Европа».

Аня вскинула на него изумленный взгляд.

– Мы?

– В общих чертах мы достигли договоренности с нашими финскими коллегами. Завтра же будут оговорены некоторые детали, также я представлю господину Ярвину эту презентацию и познакомлю вас с арт-директором и руководителем проекта. По большому счету кто-нибудь из них должен был встретиться с вами, но я рад, что это выпало мне. Итак, пока от вас потребуется немного. Мы пообедаем со стариком, утрясем, надеюсь, последние детали, после чего спустя день или два можно будет представить на согласование вариант договора. Господин Ярвинен является основным спонсором этой выставки, но часть средств на нее субсидированы правительством города. Возможно, это не имеет прямого отношения к вашей работе, но я хочу пояснить вам, насколько этот проект важен для многих людей. Разумеется, оставшись сейчас без своего переводчика, господин Ярвинен испытывает некоторое беспокойство. Я хочу, чтобы он больше не волновался и дело шло своим чередом.

– Но почему именно я должна идти с ним в театр?

– Здесь как раз все просто. Старик не любит одиночества, а после завтрашнего обеда он с легкостью откажется от моего общества и обязательно пригласит вас.

Аня невольно заерзала на стуле. Ей совсем не нравилась

перспектива провести вечер не дома, с сыном, а в помпезном театре в компании финского дедушки – именно таким она помнила этого господина Ярвинена, высокого, импозантного и в то же время суетливого и словоохотливого старика.

Но даже не это ее больше всего беспокоило. Перед глазами встала картина, как капризный Илюшка отказывается без нее есть и засыпать, а Галина Николаевна заявляет Анне, что даже за хорошие деньги у нее нет желания возиться с избалованным ребенком, пока его мать ходит по театрам.

Поняв, что Евсей смотрит на нее все тем же задумчивым долгим взглядом, она выпрямила спину и положила спокойно сложенные руки перед собой.

– Давайте решать вопросы по мере их возникновения. Если я вам подхожу, то увидимся на обеде. Контракт я возьму с собой и, если все в порядке, завтра же верну подписанным. Пожалуйста, сообщите мне о времени встречи с господином Ярвиненом по телефону. А сейчас прошу извинить, мне пора.

Аня встала и протянула Евсею руку. Он тоже поднялся, оказавшись чуть выше среднего роста, и ответил на рукопожатие.

– Рад знакомству, – сказал он.

Они покинули кафе вместе, но скоро разошлись в разные стороны. Аня кивнула ему на прощание и зашагала к дому.

Вечер прошел в тревожных раздумьях. Ее нервировала

мысль о том, что завтра она проведет полдня не в привычной обстановке, а в компании незнакомых или малознакомых людей, став частью какого-то большого события, о котором еще два дня назад ничего не знала. Ее замкнутый мирок, часто печаливший и даже угнетавший ее, неожиданно показался тихой гаванью, надежно укрытой от внешнего мира. Сейчас в эту гавань вторгнулся сильный свежий ветер, и Аня вдруг обнаружила, что на самом деле у нее нет ни энергии для светских раутов, ни оригинальных мыслей для поддержания интеллектуальных разговоров. От недавнего воодушевления не осталось и следа. На смену будоражащему предвкушению перемен пришли лень и апатия, и это было самым отвратительным. Разве не была она всегда слабым, ведомым человеком, пестующим недостатки, словно истинные добродетели? Как однажды рубанула Настя, «ни практичности, ни амбиций, ни планов на будущее...». Ни умения справляться со своей жизнью. Аню накрыло гадкое чувство презрения к себе. Презрения к тайному трусливому шепотку, звучавшему где-то в глубине души. Нельзя не признать, что возвращать и лелеять свою печаль не так уж и неприятно. Есть в этом что-то мазохистское и притягательное, как ковырять подсохшую, но все еще зудящую ссадину на коленке. Аня преуспела в дотошном самокопании как никто другой. Вот и сейчас целый вечер мысли ее крутились вокруг одного. Она знала, что завтра, несмотря ни на что, соберется и поедет в этот шикарный ресторан, расположенный под

стеклянным куполом одного из лучших отелей европейского уровня. Будет улыбаться, пить воду из хрустальных бокалов, есть еду, по своему виду больше похожую на произведение искусства, и служить связующим звеном между людьми, желающими найти общий язык. Но одна лишь мысль об этом вызывала усталость и какую-то тупую отрешенность. Вместо встреч, разговоров и новых знакомств хотелось только одного: лечь на старый бабушкин диван, привычно укрыться с головой и остаться в границах своего обособленного внутреннего мира...

Предчувствия ее не обманули. Спустя всего несколько дней Аня поняла, что, как бы ни смотрела она до этого на свою уже как будто устоявшуюся жизнь, жизни этой приходит конец. С памятного обеда в «Европе» стало понятно, что господин Ярвинен принял ее благосклонно, а это означало, что оставшиеся дни до Нового года он не желает с нею расставаться. Каждый день был заполнен какими-то делами – если не встречами с представителями музея «PO-CART» (арт-директором и руководителем задуманной выставки оказались две женщины, одну из которых Аня действительно знала по Российско-Финляндскому культурному форуму), то визитами в различные места, где у улыбчивого финна обнаруживалось бесчисленное количество знакомств. Неизменно он представлял Аню как свою очаровательную спутницу, и каждый раз ей приходилось входить в новые кабинеты, сидеть на диванах и креслах различной степени ком-

фортности и пить кофе, приготовленное секретаршами, похожими, как сестры. Результатом этих визитов стали заманчивые перспективы выставки, надежды на участие в церемонии ее открытия официальных лиц, а также целого ряда уважаемых и состоятельных людей, поскольку, как начала понимать Аня, господин Ярвинен организовывал не просто выставку, а одно из культурных событий светского сезона.

Через несколько дней господин Ярвинен обратился к ней с деловым предложением – сопровождать его и на встречи, не имеющие прямого отношения к объединившему их проекту. Предложение было сделано под конец одной из бесед в присутствии Евсея. Евсей оторвал взгляд от своей желтой сумки, которую в этот момент застегивал, и посмотрел на Аню. Она видела, что он несколько удивился, но скорее как человек, получивший подтверждение своим догадкам гораздо раньше, чем того ожидал. Также она заметила, что он незаметно ей кивнул. До Нового года оставалось чуть больше десяти дней, Илюшка был надежно пристроен, и, поколебавшись лишь секунду, Аня согласилась.

– Я вас поздравляю, – сказал Евсей, когда она, по обыкновению, села к нему в машину, чтобы он подбросил ее до метро. – Господину Ярвинену довольно сложно угодить, но вы пришли к нему по сердцу.

– Я согласилась, потому что это продлится недолго.

– Вам так неприятна работа, которой вы занимаетесь?

– Нет, вовсе нет! – Аня досадливо нахмурилась. – Скорее

мне неприятно, что вы могли такое предположить... Но я понимаю, – дав согласие господину Ярвинену, я отдаю ему и свое личное время.

– Здесь не о чем сожалеть. Личное время не всегда используется с умом, а общество этого человека несомненно принесет вам пользу.

– Вы всегда так категоричны?

– Категоричен? – переспросил он с некоторым удивлением. – Ничего подобного. У меня есть кое-какие соображения, но я бы не сказал, что они такие уж категоричные.

Аня усмехнулась и стала смотреть в окно.

С этого дня забот у нее прибавилось. Илюшку она видела лишь урывками днем и поздно вечером, когда тот уже спал. Ей все казалось, что Галина Николаевна чем-то недовольна, но эти безосновательные опасения тревожили только ее во-ображение. Правда, Анне приходилось выслушивать очевидно давно копившиеся рассуждения соседки о нелегкой доле матерей-одиночек, которым не повезло с приличными мужчинами и которые вынуждены в поте лица зарабатывать на жизнь. Аня внимала этим сентенциям молча, лишь иногда выпуская на лицо одну-две эмоции, сигнализирующие, что она слышит каждое слово, а про себя думала, что не таким уж огромным трудом ей дается ее работа. Труднее было привыкнуть к новому виражу своей жизни. Первое время она ощущала себя как человек, попавший в параллельную ре-

альность. Господин Ахто Ярвинен фонтанировал энергией и был неистощим на идеи. Он не мог сидеть на месте, постоянно находился в поисках какого-нибудь дела или развлечения. Аня отлично знала, что все вопросы по данному этапу подготовки выставки оговорены и согласованы, а потому не только рабочий проект держит старика в городе. Он был, как и следовало ожидать, желанным гостем в Институте Финляндии в Санкт-Петербурге и, что тоже закономерно, привлек к участию в выставке и эту уважаемую организацию, но отнюдь не ограничивал свою социальную и светскую деятельность общением с соотечественниками. Аня сопровождала его на встречи, приемы и дружеские вечеринки, проходящие то в самом центре города, то на Васильевском или Крестовском острове, и чаще всего в помещениях, окна которых выходили на живописные панорамные виды. Господин Ярвинен приглашал ее на концерты в филармонию и капеллу, а незадолго до отъезда упомянул о первой в России выставке Фриды Кало, которую через несколько дней представит Музей Фаберже. Аню захватила идея увидеть подлинные картины Фриды, но впечатление от ожидаемого события было несколько подпорчено неумным финном.

– Обратите внимание на этого импозантного молодого человека, – сказал он. – Я договорился о встрече с приятелем, так что в музее не задержусь. А вам понадобится компания.

Анне не сразу удалось подобрать ответ. Однако господин Ярвинен, должно быть, и не ожидал его, так как сразу же

сообщил, что уже сам пригласил Евсея.

Аня посмотрела на своего шефа с подозрением: у нее закралась мысль, что этот предприимчивый старик задумал новый прожект. Поразмыслив, она пришла к выводу, что удивляться тут нечему – Евсей производил впечатление. Обе руководительницы выставки, одна из которых была женой директора музея «POCART», а другая – ее заместителем, находили его весьма оригинальным. Как-то за чашкой кофе они незаметно свернули с обсуждения проекта на обсуждения Евсея, и директриса рассказала Анне, что в профессиональных кругах о нем говорят как о человеке трех «не» – незауряден, неподражаем, невыносим. Он был талантливым пиарщиком, чрезвычайно коммуникабельным человеком. Приятелей и хороших знакомых у него было без счета. Он дружил с популярными блогерами, дизайнерами и актерами, не говоря уже о журналистах и представителях крупных информационных агентств. Имелись у него связи и в чиновничьих кругах. Аня доподлинно знала, что он частенько ходит «на чай к девчонкам» в Комитет по развитию туризма, а также, благодаря какому-то элитарному поэтическому сообществу, коротко сошелся с личным фотографом губернатора.

Как-то спустя всего несколько дней после их знакомства ей довелось присутствовать на встрече господина Ярвинена с руководителем одного из городских телеканалов. Евсей взял проведение встречи на себя, и, наблюдая за его работой, Аня

думала: «Вот дал же бог так здорово подвешенный язык!» У Евсея всегда имелось свое, не заемное мнение по любому вопросу. Высказывал он его пространно, порой утомительно, но всегда небанально. Он вообще был самым небанальным человеком из тех, кого Анне доводилось встречать. Мысль о том, что он может всерьез ею заинтересоваться, казалась смехотворной. В его присутствии она могла только улыбаться и помалкивать, так как вклиниться в неудержимый поток его слов было ей не под силу. При случае пару раз они затронули отвлеченные темы, и Аня обнаружила, что он умеет слушать внимательно, хотя нетерпеливо, точно ожидает встретить в собеседнике достойного партнера столь же блестящего ума. Но любая интеллектуальная беседа или спор с ним всегда заканчивались одинаково – Евсей выступал соло, потому как, очевидно, еще не родился человек, способный его переговорить.

По-видимому, господин Ярвинен донес до Евсея мысль о посещении выставки Кало в Аниной компании. Войдя в Музей Фаберже, молодой человек увидел, что Аня стоит рядом с добродушным финном, который раскланивался во все стороны, но сама имеет вид мрачный и раздраженный. Подойдя к ним, Евсей рассыпался в приветствиях, а затем подхватил Аню под руку, сказав, что лично проведет для нее экскурсию, так как прекрасно разбирается в фолк-арте и даже, припоминается, слушал лекцию об особенностях жанра «автопортрет». Аня взглянула на него с удивлением, в ответ он

коротко усмехнулся и повел ее вверх по роскошной лестнице бывшего дворца Нарышкиных-Шуваловых.

– Вы должны быть мне благодарны за то, что я подарил вам передышку от нашего неутомимого финского коллеги, – говорил Евсей, рассматривая по дороге буклет выставки, который совершенно бесплатно вручила ему улыбающаяся девушка на входе.

– Уверена, он очень собой доволен, – с досадой процедила Аня.

– Какая вы впечатлительная натура! И хотя несколько обидно, что моя компания вызывает у вас такую реакцию, скажу откровенно, чтобы не возникало недопонимания: мои интересы лежат в другой плоскости.

Аня приостановилась и вскинула на него взгляд.

– О! Прошу прощения...

– Я вас смутил? – теперь остановился и Евсей.

– Нет. С какой стати? Я не имела в виду ничего такого...

– Аня чувствовала, что начинает краснеть от неловкости. – Мне все равно, какие у людей предпочтения.

Евсей смотрел на нее несколько минут удивленно, а потом коротко рассмеялся.

– Вы поразительный человек, Анна! – Он протянул ей руку. – Будем друзьями?

– Да, мне бы этого хотелось, – отвечала она, не совсем понимая, что его рассмешило, но с радостью пожимая его руку.

Аня с огромным удовольствием бродила по выставке целый час, и в основном в одиночестве. Евсей провел в ее обществе не более пяти минут, очень скоро растворившись среди публики. Время от времени Аня видела его за беседой то тут, то там и даже подумала, что нисколько не удивилась бы, обнаружив, что все эти люди, медленно перемещающиеся по музейным залам, так или иначе с ним знакомы. Надо отдать должное молодому человеку – не забывал он и про нее. Иногда подходил и, тоже глядя на картину, которая в этот момент привлекала Анино внимание, что-нибудь рассказывал о полотне – всегда интересно и очень познавательно.

После выставки Евсей пригласил Аню на чашку кофе, но когда они уже вышли на улицу, ему кто-то позвонил. Выразив свои сожаления, он прыгнул в машину и уехал. Аня стояла на набережной Фонтанки и смотрела, как его «жук» вырывает в сторону площади Белинского. Ей пришло в голову сравнение его с каплей ртути, и эта мысль почему-то рассмешила ее. С чего бы вдруг? Возможно, серая глянцевая вода в реке, отражающая почти такое же серое низкое небо, навеяла странные ассоциации? Взглянув на часы, Аня увидела, что еще остается минут сорок до того, как надо садиться в метро и ехать домой, и неспешно двинулась в ту же сторону, где исчезла машина Евсея.

На улице было довольно промозгло. Тусклый влажный день, один из тех что часто случаются петербургскими беснежными зимами, мало подходил для прогулок. Но Аня

оказалась рада возможности побыть наедине с собой. Она медленно брела вдоль набережной, а потом по старым улицам, припоминая, как же давно не гуляла по центру. Если бы не убегающее время, она дошла бы до Дворцовой площади и даже, возможно, до метро на другой стороне Невы, но ей пришлось свернуть у Летнего сада и отправиться обратно. Очутившись у Марсова поля, Аня остановилась и несколько минут смотрела на открывшуюся перед ней панораму почти безлюдного пространства, сливающегося с низким пасмурным небосводом. Ее вдруг заорожила бескрайняя ширь этого неба, неба у нее над головой – клубящегося дымными облаками, готовым пролиться холодным зимним дождем.

– «Немного дыма и немного пепла...» – прошептала Аня и вздохнула. – «О, небо, небо, ты мне будешь снится!...»^{7*}

Бормоча стихи себе под нос, она спрятала озябшие руки в карманы пальто и ускорила шаг. Пальто было легким – весьма подходящим для поездок в жарком метро или комфортабельных автомобилях новых Аниных знакомых, но гулять в нем по сырому зимнему Петербургу было, наверное, безумием. Замерзшие пальцы нащупали в кармане какую-то бумажку. Скользнув по ней взглядом, Аня опять остановилась. Это был блокнотный лист с синим круглым, почти размытым штампом и адресом Центра неврологии на Московском проспекте. Адрес Центра и фамилия профессора Гурули были написаны крупным размашистым почерком. Несколько

^{7*} «О, небо...» (1911) – стихотворение О. Э. Мандельштама.

мгновений Аня смотрела на этот клочок бумажки, вдруг необычайно ярко и живо вспомнив обстоятельства, при которых его получила. Размышляя о том, есть ли еще шанс воспользоваться направлением Наны Биджоновны, Аня пошла дальше, но, добравшись до метро, прежде чем войти в тяжелые стеклянные двери, скомкала зажатую в кулаке бумажку и выбросила в урну.

Господин Ярвинен уехал за два дня до Нового года. Аня испытала облегчение и в то же время некоторое сожаление. К ней вернулась возможность распоряжаться собственным временем, но очень скоро она обнаружила, что дни и вечера теперь проходят однообразно. Ей было отрадно вернуться к своему малышу, которого эти недели видела урывками, однако то, что раньше представлялось спасительной гаванью, — ее тихая, размеренная жизнь — теперь отчего-то стало казаться унылым болотом. Перспектива провести новогоднюю ночь наедине с телевизором и кастрюлькой оливье выглядела настолько удручающей, что Аня почти всерьез задумалась над словами соседки, которая со своими приятельницами, вопреки горячим увещаниям взрослых детей, намеревалась встретить Новый год на Дворцовой площади. Столь неординарное решение было вполне в духе Галины Николаевны, но, представив себя с коляской в шумной и пьяной толчее посреди гудящего ночного города, Аня отбросила эту мысль и смирилась с тем, что очередной год встретит в своих четырех стенах, одетая в любимый растянутый свитер и

спортивные штаны.

В новогоднюю полночь, едва отзвонили куранты, Аня ответила на телефонный звонок и чуть не оглохла от Настиных воплей и хохота – праздники они с Денисом проводили в Таллине, и сейчас, стоя на центральной площади этого города, Настя что-то кричала в трубку под шум толпы и взрывающихся петард. Аня радовалась и смеялась в ответ – невозможно было не заразиться легкой эйфорией, звенящей в Настином голосе. Отложив телефон, она еще долго улыбалась, бездумно переключая телевизионные каналы, а потом незаметно уснула с пультом в руке, не досмотрев до конца эпичный кинофильм про баню, перепутанные самолеты, города и квартиры.

Сразу же после старого Нового года подготовка к выставке завертелась с новой силой. Близилась дата открытия, назначенная на вторую половину марта. Аня была рада включиться в работу, хотя почти все, что от нее зависело, давно было сделано, и теперь ей оставалось только ждать приезда господина Ярвинена. Время от времени она забежала в музей «POCART» – согласовать окончательные тексты для буклета или принять участие в коротких совещаниях, больше похожих на разговоры за быстрым перекуром. В непосредственном Анином присутствии на этих сходах не было нужды, но ее всегда встречали тепло, угощали чаем, курили в сторону и рассказывали последние новости и сплетни.

В один из дней она столкнулась в дверях с Евсеем. Он

быстро поздоровался, но потом замедлил шаг, посмотрел на нее, о чем-то задумался и, неожиданно взяв ее под руку, сказал:

– Поехали со мной.

– Куда? – удивилась Аня.

– Пообедаем. У меня встреча с инвестором. Мне его секретарша только что по дружбе сообщила, что он придет с девицей. Составишь ей компанию. Честно, не ожидал такой подставы, похоже, он хочет соскочить с проекта, но мне есть что ему сказать, а для этого нужно, чтобы он ни на что не отвлекался.

– Что-о? – Аня опешила.

– Нет-нет, это не имеет к выставке никакого отношения. – Евсей по-своему понял ее возглас. Он вынул мобильный телефон и взглянул на время. – Как раз есть полчаса доехать. Ну так что, поедим острой лапши?

– Боже, ты и правда неподражаем!

– Я рад, что тебе это нравится, детка, – засмеялся Евсей и, не отпуская Аниной руки, повлек ее к выходу.

По дороге Аня оживленно болтала и смеялась шуткам Евсея. Ей было приятно снова очутиться в его машине, где витал будоражащий запах дорогой кожи и дорогого парфюма. Нравилось смотреть на летящие за окном улицы, запруженные людьми, на старинные петербургские дома, впечатляющие своим обликом, неповторимыми и строгими фасадами, где под портиками и карнизами можно было обнаружить

то цветную мозаику, то причудливые и фантастические орнаменты, то живописные барельефы с мордашками толстых улыбающихся купидонов.

День выдался ясный и безветренный. Солнце сияло в бледно-голубом небе, и, отклонив голову, Аня время от времени бросала взгляд вверх, ощущая беспричинные воодушевление и радость. Чувство острое и блаженное, рожденное миром в душе и предчувствием весны. Лучи солнца сверкали в окнах домов, отражались в водосточных трубах и крышах, и даже подтаявший снег в пробегающих мимо городских скверах как-то особенно искрился на фоне черной земли и деревьев.

Евсей смотрел на Аню с улыбкой. Ему нравилось ее приподнятое настроение. Сегодня она выглядела прелестно, и Евсей подумал, что, если получится создать за столом непринужденную атмосферу, он, пожалуй, сможет, следуя в фарватере легкой светской беседы, донести до неуступчивого и осторожного дельца перспективы предложенного ему проекта.

Приехали за десять минут до назначенного времени. Евсей без труда нашел отличное место для парковки, что служило верным знаком – дальше дело пойдет удачно. Аня вышла из машины, оглядела вывеску и витрину заведения.

– Это азиатский ресторан? – спросила она.

– Тайской кухни. Признаться, не люблю острую, кисло-сладкую и прочую в таком роде еду, но этот Максим Хван

большой ее поклонник. Сам он в каком-то поколении азиат, но такой, знаешь, на русской почве. Хитер и уклончив, но если уж отрежет безапелляционно, ни на какой козе к нему не подъедешь.

– А что тебе от него нужно?

– Хочу заинтересовать его проектом, получить инвестиции и кое с кем познакомиться через него.

– Каковы шансы на успех?

– Он уже почти согласен, но все еще хитрит и уклоняется, – непринужденно ответил Евсей, открывая перед Аней двери ресторана.

Заведение оказалось просторным, интерьер – вычурным. Подчеркнутый азиатский стиль царил во всем – в бамбуковых драпировках, в росписи настенных панно, в маленьких красных фонариках, изящных скульптурах, расставленных по углам, и даже в растениях, высаженных в больших плетеных кадках.

Короткий разговор с дежурным администратором – и их проводили к столику, расположенному во втором зале ресторана, оказавшемся еще более впечатляющим. Столики здесь были разделены искусственными ручейками с журчащей водой и располагались в своеобразных беседках, пройти к которым можно было по дощатым мосткам. В беседке, куда их проводили, уже расположилась пара. Если Евсей и удивился, что пришел не первым, то виду не подал, а очень любезно поздоровался и представил Аню. Девушка за столом выглядела

эффектно, но вид у нее был безучастный и немного раздраженный – очевидно, обед в компании скучных бизнесменов, намеревающихся обсуждать какие-то дела, она с большей радостью променяла бы на встречу тет-а-тет со своим визави. Ее спутник оказался мужчиной средних лет, русоволосым, плотного телосложения. Прищуренные глаза на полном улыбающемся лице смотрели приветливо. Но та энергия, с какой он пожал руку молодому человеку, и взгляд, каким он посмотрел на Аню, безошибочно дали понять – осведомленность и предприимчивость Евсея замечены и оценены.

Завязалась светская беседа. Аня смотрела в меню, отчего-то чувствуя себя неуютно. Освещение в зале с беседками было приглушенное. Это составляло такой разительный контраст с ясным солнечным днем там, за далекими дверями, что Аня неожиданно сникла, а экзотические блюда, которые она не спеша разглядывала на фотографиях, не вызывали ни интереса, ни аппетита.

Сидящий рядом Евсей, словно бы уловив перемену ее настроения, слегка наклонился и с уверенностью знатока принялся рекомендовать:

– Здесь можно попробовать зеленую папайю, пудинг из кокоса с золотым карри. Из аутентичных тайских блюд стоит взять сом там, као сой или салат ям. Что скажете, Максим Викторович? Ваш совет пришелся бы кстати.

Максим Викторович с добродушием истинного завсегда-тая отозвался на просьбу. Аня внимала ему, стараясь сохра-

нить на лице выражение вежливой заинтересованности, и наконец сделала выбор в пользу блюда с каким-то мудреным названием, уяснив для себя только то, что будет есть курицу с рисом и овощами.

Официант принял заказ. Мужчины продолжали беседу. На какое-то время Аня выпала из действительности. В отсутствие еды, которой можно было себя занять, она медленно потягивала аперитив, блуждая взглядом по причудливому интерьеру, пока не заметила, что девушка, сидящая напротив нее, пребывает в еще более скверном настроении. Об этом можно было догадаться по ее манере покачивать головой, смотреть из-под приопущенных век и кривить губы, блестящие коралловым перламутром. Время от времени она бросала какие-то фразы и отвечала на реплики, это создавало впечатление вполне обычной застольной беседы, но по всему было видно, что ее участие в пустяковой, ни к чему не обязывающей болтовне лишает Евсея возможности улучшить момент и плавно перевести разговор в нужное ему русло. Максим Хван, непринужденно расположившись на удобном диване, казалось, ничего не замечал и был вполне благодушен, словно принимал участие в обычных дружеских посиделках. Кинув взгляд на Евсея, Аня не увидела никаких перемен в его лице. Очевидно, он пустил в ход еще не весь свой богатый арсенал светских навыков, однако в эту минуту Аня скорее почувствовала, нежели вспомнила, что он нуждается в ее поддержке.

С гораздо большим удовольствием Аня вышла бы из этого пафосного ресторана, который чем дальше, тем сильнее угнетал ее, но вместо этого она обратила взор на раздраженную соседку. Едва увидев спутницу лукавого предпринимателя, Аня тотчас отнесла ее к разряду «капризных красоток». Это была особая порода представительниц женского рода, часто встречающихся в окружении людей, подобных Максиму Хвану, причем никогда нельзя было заранее догадаться, кто именно прячется под этими идеальными внешними данными – глупышка, подверженная переменчивым настроениям, или же расчетливая, хитрая особа, не отягощенная сомнениями и не склонная к щепетильности.

Аня не представляла, чем можно отвлечь и каким образом занять эту девушку, пока ее взгляд не зацепился за сверкнувшее на тонком пальчике кольцо. Это было до смешного тривиально, и если бы Аня могла видеть себя со стороны, наверняка не удержалась бы от ехидных замечаний. Но на свою беду, она была непосредственной участницей происходящего сию минуту процесса – сидела за столом с людьми, с которыми ее ничего не связывало, была окружена обстановкой, отягощающей ей душу, вынуждена была улыбаться и говорить, – потому она ухватилась за это блестящее кольцо, как за спасительный предлог. Она вполне искренне похвалила изящество и красоту колечка. Отклик последовал незамедлительно, и тема получила развитие. К сожалению, Анины познания о новинках и последних трендах ювелир-

ной моды были очень скудны. Она понятия не имела, в чем разница между известными брендами дорогих часов и прочих аксессуаров, и, пожалуй, не смогла бы отличить Gucci от Hublot, но старалась делать вид, что отлично информирована, и с подчеркнутым восхищением оценивала предлагаемые ее вниманию украшения, ибо замечанием о кольце дело не ограничилось. На Анино счастье, «капризная красотка» оказалась из разряда безвредных глупышек. Она хвасталась украшениями с наивным самодовольством, без малейшего намека на высокомерное презрение – ведь на самой Анне из украшений были только серебряные сережки с горным хрусталем, когда-то купленные по случаю в торговом центре.

Когда наконец подали еду, Аня почти исчерпала запас любезностей и устала улыбаться. Их столик обслуживала девушка, облаченная в национальную тайскую одежду. Вид ее яркого цветастого наряда с длинной юбкой в пол заставил Аню на мгновение прикрыть глаза, а когда она открыла их снова, ощутила, что не может свободно вздохнуть: прежде едва уловимый, но настойчивый аромат каких-то курений теперь казался почти удушливым. В смятении Аня перевела взгляд на воды журчащего сбоку ручейка, живописно подсвеченные алым цветом.

– Вам не нравится азиатский стиль? – услышала она вопрос Максима Хвана и, подняв голову, поняла, что он отвлекся от разговора с Евсеем и обращается к ней.

– Я впервые в ресторане тайской кухни.

– Тогда у меня есть отличная возможность познакомить вас со всеми тонкостями этой прекрасной культуры.

Аня не сразу нашлась что ответить на это неожиданное обещание. Вдруг Евсей взял ее руку и поднес к своим губам.

– Мы иногда заходим в «Кореану», где готовят самый лучший чачжанмён из тех, что я пробовал. Но в общем-то, Анна – девушка консервативных европейских вкусов. Она предпочитает итальянскую пасту и легкие супы-пюре; не так ли, дорогая?

Аня взглянула на Евсея. Он опустил их руки, и теперь они, сомкнутые, лежали на столе между еще не тронутыми блюдами. Сам же Евсей смотрел на Аню спокойным ласковым взглядом и улыбался.

– По правде говоря, я люблю русскую кухню, – отвечала она Максиму Хвану, – хотя многие, особенно иностранцы, считают, что она слишком жирная и состоит из несочетаемых ингредиентов. Но здесь довольно мило, и надеюсь, что рекомендованное вами блюдо мне понравится.

– Обязательно расскажите о своих впечатлениях, и я посоветую что-нибудь еще. Хотя я тоже не прочь поесть итальянской пасты.

Аня почувствовала, как Евсей коротко сжал ей пальцы и наконец разомкнул их руки. Максим Хван проследил это движение взглядом и как-то неопределенно улыбнулся. Аня отвлекла его внимание:

– Если у вас будет время и желание, мы, конечно, можем

пообедать все вместе еще раз, – сказала она. – Евсей, ты, помнится, говорил про какое-то модное место на Старо-Невском? Я до сих пор там не была.

– Каюсь. Исправлюсь.

– Что это? – вдруг подала голос «безобидная глупышка». Она гоняла деревянными палочками по своей тарелке еду, брезгливо ее разглядывая.

– Похоже на кусочки тайского баклажана, – отозвался Евсей.

Девушка состроила неопределенную гримаску и попробовала то, что Евсей назвал баклажаном.

Максим Хван подвинул к себе тарелку и принялся есть.

Для Ани обед тянулся бесконечно. Определенно что-то происходило, потому как Евсей продолжал чудить и, хотя больше не пытался взять Аню за руку, уделял ей повышенное внимание, которое, по ее мнению, лучше было бы направить в сторону предполагаемого инвестора. Иногда он как бы невзначай касался ее или наклонялся к ней, когда разговор перетекал в общее русло. При этом, кажется, Евсей вполне успешно завладел вниманием и бизнесмена Хвана, получив возможность сказать все, что собирался.

Когда они наконец вновь оказались на улице, Аня с облегчением вдохнула сырой вечерний воздух. Солнце закатилось – почти сплошь серое небо сливалось с невыразительным городским пейзажем, который почему-то не оживляли ни зажегшиеся фонари, ни горящие витрины. Поеживаясь,

Аня села в машину, чувствуя невероятную моральную и физическую усталость.

– Фух, – выдохнула она, наблюдая, как Евсей возится за рулем и заводит мотор. – Я словно марафон пробежала... Ну-ка, отвечай, что это было?

– Что именно?

– Сам знаешь. Зачем разыграл из нас парочку перед этим человеком?

– Он тебе понравился?

– В каком смысле?

Евсей хотел было что-то сказать, но передумал и лишь бросил небрежно:

– Забудь.

– Что-то ты темнишь. Раньше я не замечала за тобой спонтанных поступков и неадекватного поведения. Тебе показалось, что этот Хван мой заинтересовался, что ли?

– Мечтай больше! Видела, какую набитую дуру он с собой притащил? Вряд ли ты отвечаешь его стандартам.

– Даже не знаю, обрадоваться или обидеться. Тогда к чему была эта демонстрация?

Евсей оторвал взгляд от дороги и коротко посмотрел на Аню.

– Извини. Но я рад, что ты оказалась такой умницей и отличным товарищем. А вообще, – добавил он после некоторого размышления, – на будущее: не советую витать в облаках, оказавшись в компании подобных типов.

Аня очень удивилась:

– Подобных типов?

– Таких, как мы с Хваном. – Евсей рассмеялся. – Не хочешь познакомиться с ним поближе? Поесть вместе чачжанмён? Или итальянскую пасту? Еще один теплый вечерок повысил бы мои шансы на успех.

– Ты сейчас шутишь?

– Наверное, да. Шучу.

Аня помолчала.

– Такой был хороший день! – с сожалением проговорила она. – А теперь у меня разболелась голова. Весь этот обед и антураж... – Аня закрыла глаза. – К чему все это?..

Евсей высадил ее у дома, попрощался и уехал. Следующие четверть часа Аня слушала словоохотливую соседку, так легко вжившуюся в роль няньки и – сверх ожидаемого – в роль опытного наставника, пока торопливо собирала ребенка и собаку, чтобы выйти прогуляться перед сном.

Голова была тяжелой, а на душе кошки скребли. Почему-то из памяти не шла недовольная подружка бизнесмена Хвана, брезгливо гоняющая по тарелке тайский баклажан. На минуту Аня представила себя на ее месте – сверкающую бриллиантиками в ушах и на запястьях, рядом с этим плотным, массивным человеком с насмешливой полуулыбкой и хитрыми глазами. А Евсей, пожалуй, и не шутил, когда говорил о чачжанмёне. Богатое воображение с готовностью от-

кликнулось на фантастическое предположение. Аня остановилась. Впервые за долгое время, кажется впервые с тех самых дней, когда она только познакомилась с Вадимом, ей пришло в голову представить себя с кем-то в паре. Наивная и смущающая мысль о себе как о покорительнице богатых бизнесменов была достойным завершением неприятного вечера. Сама эта мысль и подобные ей – тайные, сокровенные помыслы, которые, к счастью, никто не мог подслушать, – только добавили раздражения. Нет, все эти игры Аниного воображения никуда не годились. Ей не понравился Хван. Она не ощутила ни малейшего волнения, когда Евсей взял ее руку и поцеловал, а картинка, как она гуляет по парку с детской коляской, Локи и кем-нибудь из этих двоих, представилась вообще несусветной глупостью.

Весь оставшийся вечер Аня ходила по дому, принимаясь за какие-то дела, рассеянно поглядывая в телевизор, ощущая тягостную маету и ни в чем не находя покоя. Следовало признать – этот проклятый обед выбил ее из колеи, и еще долго, лежа ночью без сна, она ворочалась, вздыхала, досадовала, а когда усталость все-таки взяла верх, ее хаотичные сны оказались наполнены красными фонариками, подвесными колокольчиками, статуэтками Будды, подносами, вазочками и узорчатыми ширмами.

Несколько следующих дней прошли в подспудном и оттого напряженном ожидании, что Евсей все-таки позвонит и пригласит на новую встречу с Максимом Хваном. Но он

не позвонил. К концу этой недели, полной довольно странных и противоречивых переживаний, Аня решила, что пора успокоиться и вернуться в свое привычное состояние – состояние эмоционального покоя, которое больше не должны нарушать случайные люди, чей облик, принадлежность к социальной или этнической группе или, того хуже, гастрономические предпочтения способны, как оказалось, легко и надолго лишить ее душевного равновесия.

Как-то незаметно наступил март, и с приходом господина Ярвинена Аня снова окунулась в насыщенную светскую жизнь – ходила в театр, на концерты, причем на этот раз модных клубных групп, и почти с сожалением встретила день открытия выставки. Всем тревожностям и заботам пришел конец, и Анне подумалось, что она была бы не прочь стать частью команды еще одного такого проекта, принесшего ей столько ярких и незабываемых впечатлений. День открытия выставки запомнился суетой, торжественностью и вкусом шампанского, а также Настиным замечанием при виде спутницы Евсея.

– Боже, – протянула Настя, задумчиво разглядывая подружку блистательного пиарщика. – За что ей такие ноги?

Аня облилась шампанским и потом глупо хихикала всякий раз, когда ей на глаза попадалась эта шикарная девица, непринужденно дефилирующая среди почтенной публики.

Спустя день или два господин Ярвинен пригласил Аню

на обед и сделал неожиданное предложение – поработать в Хельсинки в Центре современного искусства. Работа открывала хорошую возможность для участия в международных проектах, и как раз такой проект должен был пройти в Швеции в конце этого года. С ответом не следовало затягивать, так как господин Ярвинен отбывал из Петербурга и не планировал сюда приезжать в ближайшее время.

Аня возвращалась домой под большим впечатлением от этого предложения. Прокручивала в голове всевозможные варианты развития событий в случае положительного ответа. Сначала предложение вдохновило и обрадовало – это был приятный комплимент самолюбию и отраднй факт, подтверждающий ее профессиональные навыки, ведь, что ни говори, она пережила время, когда чувствовала себя человеком, не способным ни на какой интеллектуальный труд. Однако здравое размышление о возможном переезде за границу заставило ее взволновавшееся было сердечко биться ровнее, а мысли – войти в более спокойное русло.

Объективно не существовало причин, удерживающих ее на месте. Прежняя работа была делом увлекательным, но не сказать чтобы прибыльным. До конца декретного отпуска оставалось еще два года, но можно было (и, сказать по правде, нужно) вернуться раньше, поскольку работа была единственным стабильным источником ее дохода. История с выставкой подвернулась очень кстати, однако не было никакой уверенности, что такие проекты будут постоянно. К сожалению,

нию, Аня не обладала талантом легко устанавливать полезные связи, но она покривила бы душой, если бы втайне не надеялась, что знакомство с Евсеем еще пойдет ей на пользу. Пожалуй, сейчас как раз такой случай. Аня живо представила, как собирает вещи, переезжает в другой город, в другую страну, потом совершает рабочие поездки в Швецию и, возможно, еще дальше, встречается с деловыми и творческими людьми, ведет активный образ жизни; попадает в водоворот событий, который, как знать, может быть, навсегда прильет их с Илюшкой и Локи утлое суденышко к другому берегу. Пускай эта фантастическая жизнь рисовалась чем-то невероятным, но, поразмыслив, Аня пришла к выводу, что у нее хватило бы светских и профессиональных навыков адаптироваться к новым обстоятельствам. Почему нет, спрашивала она себя с некоторым вызовом. Даже ребенок и собака не станут препятствием для по-настоящему уверенной в себе женщины, стремящейся кардинально и навсегда изменить свою жизнь.

Весь следующий день в Аниной голове бурлил поток лихорадочных мыслей. С полной серьезностью она обдумывала дальнейшие варианты развития событий, размышляла, как быстро, если начать заранее, у нее получится найти на месте няню для малыша и квалифицированный присмотр за собакой. Просчитывала допустимые риски и воображала вероятные дивиденды, которые отнюдь не ограничивались финансовой сферой. «Уверена, Настя согласилась бы сразу», – как-

то подумала она в минуту особенно острых душевных переживаний. Настя. Отважная, дерзкая, умная, практичная до мозга костей – она ни минуты бы не колебалась. Такой шанс мог стать отличным трамплином для свободного и независимого полета, а в случае, если вдруг эксперимент не заладится, – просто увлекательной авантюрой. Именно так. На ее месте Настя со всей возможной серьезностью приняла бы предложение господина Ярвинена и в то же время отнеслась бы к нему как к приключению. Но с Аней все обстояло иначе. С каким-то даже раздражением она спрашивала себя: почему, в самом деле, она не может быть легка на подъем, разумна и деловита? Почему бодрые и оптимистичные мысли о грядущих переменах омрачены непонятно чем? Совершенно естественно переживать, даже бояться шагнуть за пределы своей привычной, пусть и не совсем удовлетворительной жизни. Что здесь плохого? Что стыдного? Аня упрямо не желала быть никчемной слабачкой. За что ей держаться в этом доме? В этом городе? В этой стране? Она ощущала за собой священное право выбора и рациональную способность своими руками строить свою судьбу.

Все разумные доводы говорили в пользу переезда. Но подспудные переживания, проистекающие из неизвестных, иррациональных глубин подсознания, противились этому. К концу второго дня ее подавленное настроение придало размышлениям меланхоличный характер. Они текли словно в безбрежном океане уныния и печали. В воображении вста-

вал образ судна, лишённого якоря, и Анне представлялось, что это она сама, потерявшая связь со всем, что было ей знакомо и дорого. Она знала, что вполне способна отряхнуть прах со своих ног (как высокопарно выразилась бы ее бабушка), нырнуть в пучину неизвестности и без оглядки прокладывать путь только вперед, невзирая на неминуемые штормы и бури. Знала, что она способна превратиться в почти бездушный механизм, машину, которая будет решать четко поставленные вопросы новых бытовых, финансовых и профессиональных задач, иными словами, способна стать человеком, запретившим себе сентиментальные переживания и рефлексию. Да, вот в этом, подумала она, ее главное отличие от Насти, вернее, от ее воображаемого оппонента. Бросить все и ринуться в неизвестность означало для Ани не увлекательное приключение. Это означало стать кем-то другим.

Странно, что такой простой, в общем-то рядовой повод, как предложение поработать за границей, затронул в Аниной душе настолько болезненные струны. Неохотно Аня призналась самой себе, что не хочет и боится перемен. Ей лень сниматься с места, ее нервирует необходимость везти куда-то далеко годовалого Илюшу. Но, помимо прочего, ее пугала мысль, хотя, возможно, это было всего лишь неясное предчувствие, что такой переезд не принесет ей ни пользы, ни удовлетворения.

Результатом этих душевных метаний стал спонтанный звонок господину Ярвинену. Аня поблагодарила за работу,

оказанное ей доверие и сказала, что, к сожалению, не имеет возможности принять его предложение в силу объективных причин. После этого она еще несколько минут сидела словно в оцепенении, потом с досадой убрала телефон, сказала: «Ну и ладно!» – и постаралась заняться отложенными в долгий ящик домашними делами. Спустя какое-то время Аня могла думать об упущенной возможности уже без сожаления и внутренних угрызений совести. Весна, ранняя и необычно теплая в этом году, дарила позитивный заряд энергии – Анне некогда было переживать и упиваться самоедством. Она занималась сыном, который, научившись ходить, скоро обнаружил, что куда интереснее бегать, и Анины будни пролетали, как один день, в неустанной заботе о своем шаловливом, непоседливом ребенке.

Майские праздники они с Илюшкой отметили на пикнике в большой компании. Настя, в предвкушении шашлыков, варила над костром уху из купленной в магазине рыбы. Денис предлагал все-таки поймать что-нибудь в озере, на что Настя отвечала, что здесь он может наловить только лягушек, но лично она никогда не любила французскую кухню. Уха пошла на ура, и даже Борис, который не признавал супов, но знал толк в хорошей еде, сняв пробу, вынес вердикт: для женщин и детей сгодится. Локи бегал на воле, гонял ворон и залиvisto лаял, пока от усталости не улегся поодаль, получив на обед приличный кусок мяса.

День выдался солнечный и почти безветренный. Наевшись до отвала, Настя растянулась на траве и жмурилась, глядя в небо – синее, высокое, без единого облачка.

– Кстати, ты в курсе, что Юлька на лето домой прилетает? – спросила она.

Аня перевернулась на бок и подперла голову рукой.

– Нет, не слышала. На все лето?

– Не знаю, мне Маринка что-то сумбурное написала. На несколько недель точно – родителей проведать. Зовет нас всех в Левашово на каких-нибудь выходных. Вроде в этом году десять лет, как мы школу закончили.

– Уже десять? – подивилась Аня. – Боже, как время летит!

Настя зевнула.

– У тебя там работы никакой больше не намечается?

– Нет, – Аня тоже легла на спину, и перед ней раскинулась небесная ширь. – Хотя, знаешь, я, наверное, упустила отличный шанс поработать за границей.

Настя заинтересовалась, но не показалась Анне особенно удивленной.

– Это тебе финны предлагали? Или музей?

– Финны. Конечно, скажешь, что я сглупила?

Настя состроила неопределенную мину. В целом она отнеслась к новости философски и куда спокойнее, чем Аня ожидала. Та решила ни о чем Насте не рассказывать, но сейчас признание вырвалось как-то само собой.

– Если честно, не могу представить тебя оторванной от

родных берегов, так сказать. Да еще с таким багажом... собака, ребенок. Был бы какой-никакой мужик рядом, куда ни шло, а так, на работу не пойми куда...

– Ты обо мне невысокого мнения, – в тон ей заметила Аня. – Но, в общем-то, я подумала так же. Что мне делать за границей? Ты же знаешь, я трусиха. Тут что-нибудь да еще подвернется. Всего годик продержаться, а потом Илюшку в ясли отдам, как раз очередь подойдет. Нет, все у меня отлично! – заключила она с воодушевлением.

– Да, ты молодец, – согласилась Настя и закрыла глаза. Она с удовольствием вдыхала ароматный, напоенный цветами воздух, нежилась на солнышке и вполуха слушала, как где-то рядом Рита и Борис что-то насмешливо пеняют друг другу, а Денис смеется. – Лето впереди, надо отдохнуть. Может, съездишь на море?

– Почему бы и нет, – отвечала Аня. – Немного подзаработала, недельки две могу себе позволить где-нибудь в Крыму. Рванем вместе?

– Нет, у нас с Денисом уже все распланировано, да и отпуска у меня этим летом не будет. Только осенью.

– Жаль. Я тебя в последнее время редко вижу.

– Да тут то одно, то другое. Мама еще разболелась. Тетя Лида покоя не дает, говорит, перевози ее в Питер, что ей в Ропше делать? Там и правда тоска, ни уму ни сердцу. Но она ни в какую. Ей же от дядьки дом остался, вот она и держится за него. Чего, спрашивается, за старую развалюху? Воздух

чище, природа и все прочее – с этим не спорю, но зимой и осенью... только представь себе эти унылые пейзажи...

– Не уговорить никак?

– Пока нет. Ты ж знаешь мою мамочку, она боится, что помешает нам с Денисом. К тому же мы тут задумали нашу старую квартиру продать и купить что-нибудь побольше. Денис не хочет жить с родителями, понятно. Да и я думаю, что нам пора расширяться.

– Ой, а не недоговариваешь ли ты мне чего-нибудь? – Аня с любопытством взглянула на Настю.

– Почему бы мне не выйти замуж? – с наигранным равнодушием ответила та.

– Да ладно! – воскликнула Аня и даже села от неожиданности. – Он сделал предложение?

– Более-менее.

– Это как – «более-менее»?

– Я не рассчитываю на букет, кольцо и преклоненное колено, – фыркнула Настя. – Это в кино хорошо смотрится, а в жизни странновато, не находишь? Вряд ли меня это впечатлит, а Денис уж точно на такое не способен. Но кое-какие мыслишки на эту тему у него есть. Почти уверена.

– Почему прямо не спросишь? С тебя станется.

– Подожду. Пусть сам двигается в нужном направлении. О доме задумался, планы какие-то строит... Чем черт не шутит, может, и правда замуж позовет?

Аня снова улеглась на траву.

– Давно пора. Он хороший парень.

– Это точно! Повезло так повезло! Кстати, я слышала, Юлька там у себя в Находке только так мужиками крутит. Ты можешь в это поверить? Помнишь, какой была – два крысиных хвостика, отличница-зубрилка, и когда руку на уроках тянула, аж привставала от нетерпения. И вот те на, уже второго мужа в отставку отправила. Обалдеть!

– С удовольствием всех наших увижу, кто соберется. Точно поедем?

– Обязательно!

В Левашово поехали в середине июня. Настя загрузила машину какими-то подарками и шампанским, Аня добавила пару пакетов с детскими вещами, из которых Илюшка вырос, чтобы отдать их однокласснице. Илюшка разместился на заднем сиденье рядом с Локи. Участие Локи в путешествии было заранее оговорено с принимающей стороной. Аню заверили, что хозяйская собака – крупный рыжий пес, отдаленный родственник немецких овчарок, – отправился с главой семейства на рыбалку, а потому миролюбивому улыбающемуся Локи были гарантированы полная свобода и безопасное перемещение по двору частного дома, расположенного на улице Коммуны.

В дороге Илюшка не спал, а потому Настя включила радио погромче и умудрялась пританцовывать за рулем, подпевая рвущимся из динамиков песням. Аня сначала смеялась, по-

том начала вторить ей, энергично взмахивая руками и мотая головой, чем очень веселила Илюшку и приводила в недоумение Локи.

Вдруг случилось непредвиденное: где-то на полдороге машина внезапно подпрыгнула, что-то хлопнуло. Настя вскрикнула от неожиданности, резко вывернула руль и съехала на обочину. Несколько секунд сидели молча, приходя в себя, потом Аня выскочила из машины, распахнула заднюю дверь и быстро оглядела Илюшку со всех сторон. Убедившись, что с ним все в порядке, она подошла к Насте, которая тоже выбралась из салона и теперь сидела на корточках перед передним колесом.

– Колесо спустило! Твою ж дивизию! – Настя встала. Было заметно, что она с трудом справляется с эмоциями. – Как я испугалась! Думала, сейчас врежусь куда-нибудь. Ужас!

Аня положила руку на плечо подруги, желая ее успокоить, хотя сама не могла сдержать нервную дрожь.

– Не волнуйся, все хорошо, – сказала она. – У тебя запаска есть?

– Да. – Настя все никак не могла прийти в себя. Она терла лоб почти неосознанным движением и часто моргала. – Ладно. Надо взять себя в руки. Сейчас поменяем. Извини. Сердце в пятки ушло от неожиданности. На что же это я наехала?

Достали запаску, домкрат и инструменты. Настя призналась, что никогда самостоятельно не меняла колеса, но теоретически имеет представление о процессе. Аня предложила

начать действовать, а дальше видно будет. С помощью домкрата удалось приподнять левое переднее колесо – спущенная шина превратилась в бесформенную смятую резину, от вида которой Настю заметно покорибило. Взяв большой гаечный ключ, девушка принялась откручивать колесо, но после нескольких минут напряженной работы поняла, что сделать это не в состоянии. Сколько она ни старалась, колесо не сдвинулось ни на йоту. Аня тоже приложила усилия, но и у нее ничего не вышло.

– Вот говорила, не ставьте мне эти дурацкие секретки! – воскликнула Настя. Она выпрямилась и отерла пот со лба. – Ты посмотри, как засела! Как ее снять?

– Это вот эта фигулина? Мне кажется, мы ее скрутили.

– Проклятье! Что будем делать?

– Может, Денису позвонить?

– Да за каким он здесь? Если и звонить, то Леше.

Настя похлопала себя по карманам.

– В машине оставила. Ань, достань, пожалуйста, и набери – в контактах «Леша шиномонтаж». Может, что подскажет.

Аня принесла телефон. Но никаких результатов звонки не принесли. Настя говорила эмоционально, слушала с нетерпением, садилась на корточки перед колесом, наконец в раздражении отдала Анне телефон и опять взялась за гаечный ключ.

– Остановись уже, – сказала Аня, наблюдая за ее упорным нежеланием сдаваться. – Я в этом ничего не понимаю, но,

кажется, ты уже свернула эту секретку напрочь. Там то ли резьбу сорвало, то ли еще что. Давай вызывать выездной сервис. Есть же такие?

– Ну есть, – с неохотой согласилась Настя. – Ладно, набери, какой поблизости найдется. Еще не факт, что они сюда приедут: лес да трасса! И главное – когда?

Настя продолжала бубнить и ругаться. Первый испуг давно прошел, и теперь только настырное упрямство не позволяло ей смириться с полным фиаско. Еще несколько раз она принималась крутить злополучную секретку, крепко державшую колесо, но все с тем же эффектом. Вдруг она обнаружила, что Аня на протяжении довольно продолжительного времени молчит и не отрываясь смотрит в ее телефон.

Настя мгновенно вскочила и подошла. Одного взгляда хватило, чтобы досадливо цокнуть языком и выхватить у подруги трубку.

– Я не сообразила, что ты можешь наткнуться здесь на что-то такое. Извини.

– Откуда... – начала было Аня, но не сразу смогла подобрать слова. – Почему твой мобильный интернет собирает такие новости?

– Меня больше удивляет, почему твой их не собирает! – огрызнулась Настя. – Я, в отличие тебя, ничего не забываю и желаю быть в курсе событий.

– Что это за статья?

Настя быстро пробежала глазами текст. «Очередная тра-

гедия в кей-поп», – гласил заголовок.

«Звезда кей-поп-музыки южнокорейской певец Доджун (настоящее имя Кан Дон Чжун) умер в возрасте 28 лет. Доджун был участником бойз-бенда „Ultramarine“. Последний релиз группы – четвертый студийный альбом под названием „BBlue“ – вышел в январе. Артист известен участием в группе „FiftyFive“, к которой присоединился три года назад. Когда коллектив распался, он стал выступать в составе „Ultramarine“.

Это уже пятый случай смерти молодой южнокорейской звезды за последний год. 12 февраля сообщалось, что южнокорейская актриса Ю Ан Хи умерла в 24 года. В декабре 27-летнего актера Ли Сен Хо нашли мертвым дома. В октябре 25-летняя кей-поп-исполнительница, актриса и модель Чо Да Ён, широко известная под именем Хари, покончила с собой. В ноябре, также вследствие суицида, скончалась подруга Хари, певица и актриса Со Ми Джу. Ранее, два года назад, мир халлю потрясла добровольная смерть Ванхона, второго солиста и композитора успешной группы T.J.V.

Кей-поп претерпевает серьезный кризис перепроизводства. Создание бойз- и герлз-бендов в последние годы возведено в ранг национального вида спорта, поставлено на армейскую основу и превращено в конвейер. Не каждый талант способен выдержать жесточайший режим, его непрерывное давление на нервную систему в течение нескольких лет, когда продюсерская компания регламентирует и контролирует

каждый шаг своих подопечных. Суицидальные смерти певцов кей-поп, по мнению некоторых представителей общественности, давно должны были бы стать сигналом к началу массовой кампании по защите прав молодых дарований, которых продюсерские лейблы превращают в свою собственность через кабальные контракты. Зачатую роли, прописанные компаниями для участников кей-поп-проектов, лишают их всякой личной жизни. В частности, певицы Хари и Ми Джу столкнулись с критичным освещением в СМИ, а также травлей в соцсетях за несоответствие их частной жизни идеализированным образам. Так, Хари долгое время страдала от хейтерских кибератак, в социальных сетях ей желали „исчезнуть из этого мира“, писали, что „ты не заслуживаешь ходить по земле, а заслуживаешь смерти“, „жалко воздуха для тебя“, „убейся“ и много других очень злых слов. Ми Джу подверглась общественной критике после того, как стали известны подробности ее отношений с бывшим парнем.

Причина смерти Доджуна официально не объявлена, хотя известно, что полиция не обнаружила в его доме следов проникновения или взлома. Не исключено, что причина ухода из жизни певца кроется в его профессиональной деятельности. Отмечается, что в последнее время он находился в подавленном состоянии и размещал на своих страницах в социальных сетях фотографии и посты, встревожившие фанатов. Агентство артиста выразило соболезнование его родным и поклонникам, а также выступило с призывом не спекулиро-

вать на этой неожиданной смерти, в частности заявив: „Нас переполняет горе из-за новости, в которую невозможно поверить. Мы искренне просим не распространять слухи, чтобы семья Кан Дон Чжуна, которая испытывает самую большую печаль, мирно попрощалась с ним“. Тем временем полиция заявила, что певец был найден мертвым в своем доме 10 июня и причина смерти в настоящее время расследуется».

Настя взглянула на Аню.

– Ты и о нем читаешь? – пробормотала та. – О нем...

– О нем нет таких новостей. Не волнуйся. И не будет, если я правильно смогла понять... – Настя опять перевела взгляд на статью и несколько секунд смотрела на фотографию Доджуна. – Красивый. И несчастный. Очень жаль.

Нервозность и досада в одночасье иссякли. Настя нашла контакты нескольких сервисов. Во втором или третьем ей обещали приехать в течение получаса, это было самое короткое время ожидания. Усевшись боком на переднее пассажирское сиденье, она смотрела на Аню, примостившуюся на низкой ветке растущего у обочины дерева.

– Честно, я думала, тебя отпустило. Но, судя по выражению твоего лица, – нет?

– Этот парень... он покончил с собой?

– Похоже на то. Ничего удивительного. Я кое-что почитываю от случая к случаю, как ты поняла. Азиатский шоу-бизнес – это нечто. Фаны – сборище бесноватых, репортеры – пираньи, готовые сожрать заживо, агентства – рабовладельцы.

Ужас... Нашему уму неподвластно.

– И он вернулся туда?

– А куда ему, в таксисты идти? К тому же его эта машина уже перемолола.

– Что о нем пишут?

– Тебе лучше не знать – ничего хорошего. Во всяком случае, в Корее.

– Так у него нет работы?

– Ну почему же? Он что-то подделывает. За последний год выпустил два мини-альбома, но этому только фанаты радуются, потому что только они об этом и знают. Канал на «Ютьюбе» ведет, соцсети обновляет. Как-то живет.

Аня задумчиво смотрела себе под ноги, потом вздохнула и подняла голову к небу.

– Странно, что он живет где-то под этим же небом, правда?

– Как и все мы, грешные... – Настя внимательно изучала Анино лицо, озаренное солнцем. – Хочешь поговорить о нем? – вдруг спросила она.

Аня посмотрела на подругу и засмеялась:

– Видела бы ты себя! Такая торжественная, серьезная! – Аня встала и сладко потянулась, разминая спину. – Не нужно. Зачем мне подробности? Жив-здоров, «как-то живет» – и слава богу. Раз уж мы застряли, давай поищем землянику? Здесь в подлеске ее должно быть много. Лесная земляника хоть и мелкая, но самая вкусная. – И Аня пошла вдоль доро-

ги, время от времени нагибаясь, чтобы разглядеть красные ягоды в траве.

До поселка Левашово они добрались к вечеру. Полтора часа – если не больше – ремонта по замене скрученной и намертво засевшей в колесе секретки, а также замена болта, на котором держалось само колесо, привели Настю в состояние крайней раздражительности. Она бранилась всю оставшуюся дорогу, почему-то ругала Дениса и строила планы напиться. Только теплая встреча с заждавшимися одноклассницами, щедро накрытый стол и жарко натопленная баня позволили ей расслабиться.

Аня в этот день пребывала в лирическом настроении. Пушистая собака и румяный карапуз произвели впечатление – Локи гладили и нахваливали, Илюшку тискали и голубили, и еще добрую половину вечера разговоры крутились только вокруг детей и мужчин. Как же было здорово сидеть, а потом уже почти возлежать за столом, слушать байки, вспоминать школу и смеяться над тем, что раньше казалось важным и серьезным, а теперь таким милым и глупым! Кто-то из девчонок припомнил, что Настя в свое время удачно пародировала учительницу химии, и Настя, подогретая несколькими бокалами шампанского, под общий хохот (Аня так смеялась, что у нее прихватило живот) доказала, что за прошедшие годы нисколько не утратила былые навыки. Когда есть, пить и смеяться уже стало тяжеловато, решили «растрясти жирок» и отправились гурьбой на прогулку. Неподалеку от дома об-

наружилась большая детская площадка, искусственный пруд с утками и велодорожки. Аня с радостью ухватилась за возможность прокатиться на велосипеде.

Пока шумная компания, ударившись в детство, веселилась на опустевшей к вечеру детской площадке, Аня не спеша каталась по тихой, почти безлюдной улице Коммуны и соседней Первомайской. Бледные вечерние сумерки живописно оттеняли густую зелень всевозможных оттенков. В воздухе пахло дымом и шашлыками, и почти в каждом дворе можно было увидеть компанию, сидящую за ужином на веранде дома или в саду.

Поднявшийся к вечеру ветерок слегка освежил гудящие от катания на качелях головы, и бывшие одноклассницы вернулись к разоренному столу. Суэта, уборка и чай с сытной домашней выпечкой наконец привели компанию в полное изнеможение. Час был поздний, Илюшка, весь день необычайно возбужденный от переменны обстановки и контактов со столькими незнакомыми людьми, раскапризничался, и это грозило перерасти в безостановочный рев. Настя почувствовала подступающую головную боль. Она с неудовольствием посмотрела на вяло реагирующую на все это Аню и заявила, что, конечно, не в состоянии сесть за руль. Видно, придется вызывать такси, сказала она, а потом возвращаться за машиной. Но Юлина мама, которая весь вечер подтрунивала над подгулявшими подружками, предложила им с Аней остаться на ночь.

– Мальчишечка измучен вашими криками и беготней, да и вы обе едва держитесь на ногах. Уж оставайтесь. Постелю вам в мансарде.

– Совсем не держимся, – понутив голову, сказала Настя, а потом потянулась с явным удовольствием. – Боже! Какое счастье, что не надо никуда тащиться на ночь глядя! Спасибо, тетя Лена!

Через полчаса дом опустел. Гости разъехались, оставшиеся получили по чашке крепкого кофе с каплей ликера. Илюшка задремал на Настинем животе, а Аня с Юлей, все еще о чем-то хихикая и перешептываясь, навели в гостиной порядок, перемыли посуду и наконец были отпущены спать.

Как ни старалась Аня осторожно перенести сына наверх, он проснулся и долго не мог успокоиться – хныкал и вертелся на незнакомой большой кровати. В Настино распоряжение был предоставлен диван. Она тут же юркнула под одеяло и еще некоторое время пыталась отвлечь Илюшку, комично жестикулируя и гримасничая, но скоро выдохлась, сказала, что «умывает руки», и достала телефон.

– Уж мы как-нибудь сами успокоимся и заснем, – Аня присела на кровать. Поглаживая ножки малыша, она принялась что-то напевать, тихое и заунывное, подавляя зевки, потому что так уж у нее повелось – усыпительные сказки и песенки вызывали у нее самой невероятную сонливость.

Настя спать не хотела. Она так и лежала, уткнувшись в телефон, время от времени издавая звуки, выражавшие до-

вольно ограниченные, но ярко окрашенные эмоции. Аня поглядывала на нее, но вопросов не задавала. Что-то подсказывало ей, что Настя, памятуя их неожиданный дневной разговор, бродит по информационным сайтам, освещающим последние новости и сплетни корейской поп-культуры. И действительно, когда Илюшка наконец уснул, раскинув руки на подушке, а Аня со вздохом опустилась в кресло, Настя сказала:

– Ты в курсе, что у его бывшей «цветочной» группы в этом месяце юбилей? Пятнадцать лет со дня дебюта.

– Конечно, нет. Откуда мне знать?

– Ну так послушай... хотя, погоди, если не хочешь, не буду читать.

– Я же вижу, тебя распирает, – устало улыбнулась Аня. – Только не читай ничего обидного и оскорбительного в его адрес. Не думаю, что хочу еще раз погружаться во все это.

– Здесь ничего такого нет – это посты из групп и фанатские отзывы. Еще пара-тройка сайтов, вполне лояльных. Вот, послушай: «Сегодня в социальных сетях просто лавина поздравлений, и группе, и персонально Дам Рёну. Ему пишут добрые пожелания и слова благодарности, а также выражают свою любовь через многочисленные подарки, отправленные в офис его официального агентства».

– Как это хорошо...

– Ты, похоже, в каком-то релаксе. Устала, что ли?

– Спать хочется. И устала. Слишком насыщенный день.

– Так ложись, я тебе почитаю сказки на ночь. Здесь много любопытного. – Настя захихикала, и это навело Аню на мысль, что выпитое за ужином вино еще не до конца выветрилось из Настиной головы. Возможно, поэтому подруга продолжала цитировать новости и поздравления из интернета, словно не было ничего необычного в том, что этим поздним летним вечером они обе ночуют в мансарде чужого дома и говорят о Дам Рёне.

Аня осторожно улеглась рядом с Илюшкой и с облегчением прикрыла глаза. А когда открыла их снова, невольно залюбовалась мягким теплым светом, освещающим их небольшую комнатку.

– Здесь так красиво и уютно, – сказала она. – Как будто я снова очутилась в Тихвине. Почему-то так напомнило наш старый дом, хотя там не было мансарды.

– Ты неисправимый романтик! – усмехнулась Настя. – Комната как комната. Но твоей впечатлительной натуре должно понравиться вот это... – И Настя рассказала, что гонконгский фанклуб 6BF высадил несколько деревьев, назвав свою акцию «SixGarden», а также собрал средства для рекламы в метро и поздравлений на плазменных билбордах Сеула.

– Группа уже несколько лет официально не существует, – отозвалась Аня. – Что они празднуют?

– Но ведь когда-то существовала и дебютировала. Это и празднуют. К тому же дебют группы – это дебют всех участников. Парней тоже поздравляют. Обычное дело. Хотя, ду-

мается мне, народ с радостью воспользовался случаем донести свои чувства до опального Лидера и всех его недоброжелателей.

На некоторое время Настя замолчала, и Аня начала погружаться в сон, но ее разбудил Настин голос:

– Ты должна это послушать! Ты не спишь?

– Нет, – отвечала Аня и повернулась на бок, чтобы лучше видеть подругу, чье лицо в мягком рассеянном свете торшера казалось более нежным и красивым, чем обычно. – Почитай.

– Ну, все не буду читать, здесь полно текста и сплошные восторги, все больше про Дам Рёна... Не перестаю удивляться тому, как они пишут! В этих описаниях его жизнь – все равно что готовый слезливый сериал для второго канала. Смешно, ей-богу! Как тебе такой пассаж? «В день юбилея группы 6BF мы хотим пожелать ее Лидеру спокойствия и безмятежности, чтобы он смог отпустить страдания и боль внутри себя. Ему нужно умиротворение хотя бы на пару минут, чтобы покой омыл его уставший дух». Или вот еще: «Ничто не способно передать его магическое воздействие на фанатов. Его бархатный голос с диапазоном в несколько октав наполняет сердца волшебством. Ничто не способно передать силу его killer smile. Но душа его такова, что он дарит только любовь и свет. Несмотря ни на что, он остается uncontrollable и unbroken⁸. Многие решили продолжить путь

⁸ Uncontrollable и unbroken – неуправляемый и несломленный (англ.).

с ним, и это сделало его смелее и сильнее, способным противостоять новым ударам судьбы». Представляешь? И подобными панегириками забиты все соцсети. Я, конечно, с уважением отношусь к увлеченным людям, но такую экзальтацию понять не могу. Не для меня это. Хотя тот факт, что он барахтается, а не сложил лапки и потонул, заслуживает уважения. Тут сказать ничего не могу – молодец!

Настя посмотрела на Аню. Та лежала с закрытыми глазами, свернувшись калачиком, и, похоже, уже спала.

«Да, уж... – подумала Настя, разглядывая ее. – Неисповедимы пути. Как все это странно».

Она выключила свет и еще долго лежала в темноте, блуждая мыслями в лабиринтах своей памяти. Ей почему-то вспомнилось, как в классе четвертом Аня стояла на краю крыши детской горки, довольно высоко над землей, и собиралась прыгнуть. Внизу смеялись мальчишки-одноклассники и говорили, что она ни за что не прыгнет. Настя топталась поодаль и молча смотрела на бледное Анино лицо. Аня улыбнулась и прыгнула. Она подвернула ногу и сильно ушибла плечо. Вечером бабушке вызывали скорую, а Настю мама, ее спокойная, добрейшая мама, отругала так, что забыть это невозможно до сих пор.

«Странно, – уже сквозь сон думала Настя. – Прыгал ли Дам Рён в детстве с высоких горок?»

Памятная ночь, проведенная в уютной левашовской ман-

сарде, словно сломала барьеры, которые прежде не позволяли подругам говорить об Илюшином отце. Теперь Настя могла упоминать его имя так же свободно, как имена их общих знакомых, и Аня не видела в этом ничего неловкого или раздражающего. Сама она никогда не задавала вопросов, но, доведись Насте сообщить ей какие-нибудь новости, слушала как ни в чем не бывало и чаще улыбалась, чем хмурилась.

В августе она действительно слетала с Илюшкой на море. Две недели они наслаждались абсолютным ничегонеделанием – только ели, плавали и нежились на пляже. Единственным событием этого блаженного отдыха стало Настино телефонное сообщение, короткое, но очень содержательное: «Мы женимся. Эх, повеселимся!»

Впрочем, за свою лапидарность Настя с лихвой отыгралась при личной встрече: едва Аня с Илюшкой, загорелые и утомленные дорогой, успели выйти в зал прилета и уж особенно когда уселись к Насте в машину, она расписала в красках, что Денис ее буквально ошеломил: были и кольцо, и букет, не было разве что преклоненного колена. «И слава богу! – заключила Настя, – а то бы я подумала, что с ним что-то не так».

С этой минуты Аня могла наблюдать, что Настю полностью поглотило предстоящее событие, намеченное на следующий год. Так же скоро и с большим удивлением она поняла, что подруга ее переживает грядущие перемены очень эмоционально. Настю то одолевали неуверенность и сомнения, то

вдруг она начинала бояться, что Денис передумает и возьмет свои слова обратно. Аня, возможно впервые в жизни, оказалась в роли Настиной утешительницы. Впрочем, уверяла Настя, ее нервирует лишь сам предсвадебный ажиотаж, что до остального – стоит ли обращать внимание на расшалившиеся нервы?

Странное утешение для «расшалившихся нервов» Настя теперь находила в разговорах о далеком Анином возлюбленном. Аня никогда не прерывала ее, но, слушая очередную сплетню, почерпнутую на каких-то сайтах или в фанатских сообществах, только улыбалась и отмалчивалась.

Однажды Настя принесла новость, что давно обещанный новый полноформатный альбом, тизеры которого успели подогреть нетерпение фанатов, наконец увидел свет. В первые дни он показал рекордное число продаж и уже вторую неделю держится на верхних строчках каких-то музыкальных чартов.

– Я поражаюсь, – говорила Настя, – человек поет на корейском и японском, почти весь мир ни слова не понимает, а все равно продолжает скупать его диски и качает песни на телефоны. Где логика?

– Английский тоже не каждый знает, но народ же слушает всех этих... популярных исполнителей.

– Ну, ты сравнила!

– А в чем разница? У Илюши прекрасные песни и голос красивый. Людям все равно, на каком языке он поет. То, как

он это делает, какую музыку пишет, – гораздо важнее.

– С тобой все понятно – смешно было ожидать объективности.

– А тебе не нравится?

– Я равнодушна к музыке в целом и ко всяким певцам в частности. Не понимаю людей, у которых наушники к голове приросли, – меня это раздражает... Кстати, насчет английского – я читала, что Дам Рён вообще редко на нем поет, по каким-то личным соображениям, но в новом альбоме целых две песни на английском, и самые ударные. Интересно, для кого он так расстарался?

Аня повернулась к Насте и посмотрела ей прямо в глаза:

– Что ты имеешь в виду?

– Может, эти песни тебе адресованы?

– Перестань.

– А ты что, даже мысли такой не допускаешь? С какой стати ему вдруг на английском петь?

– Ты насмотрелась ромкомов. Тебе все хочется каких-то волшебных превращений, – Аня усмехнулась. – В самом деле, Настя, перестань, на тебя это не похоже. Расстояние и время делают свое дело. Мне и раньше не на что было рассчитывать, а теперь... Думать об этом даже мне смешно. А тебе такие вещи говорить, – Аня покачала головой, – совсем не подходит.

Настя состроила недовольную гримаску и вздохнула:

– Замуж тебе надо.

– Сама попалась и другим желаешь?

– Тебе-то уж точно!

Несколько мгновений Настя молчала, поглядывая на Аню, потом сказала:

– Слушай, помнишь нашу новогоднюю вечеринку в ирландском пабе?

– Еще бы! А что?

– Ты сказала, что тебе понравилась атмосфера и люди были приятные.

– Ну, да. Спасибо тебе за приглашение, я давно никуда не выбиралась, а ваш корпоратив пришелся очень кстати.

– Не совсем корпоратив. Тогда новый зам представлялся, двери были для всех открыты...

– Ты это к чему?

– Помнишь того парня, который нас с тобой пивом угощал?

– Твоего коллегу? Как его... Олег, кажется?

– Он о тебе периодически спрашивает.

– Да ладно? – Аня очень удивилась. – С чего вдруг?

– Видать, понравилась.

– Ты шутишь?

– Нисколечко! Я такими вещами не шучу, тем более с тобой. Все думала – сказать или нет?

– Как-то неожиданно... А что он говорит?

– Наводил справки. Кто ты, с кем ты... ну, понимаешь.

Аня усмехнулась:

– И что ты ему рассказала?

– Сказала как есть – что ты не замужем, в декрете и одна воспитываешь сына.

– Этого оказалось достаточно, чтобы он отстал?

– Поверишь, нет. Мне даже показалось, он обрадовался.

– Чему? – изумилась Аня.

– Тому, что у тебя мужика нет! Разве непонятно?

– Вот сейчас совсем непонятно. Ты что, сватаешь мне своего коллегу?

Настя изобразила равнодушную гримасу.

– Дело твое, конечно, но тебе не мешало бы проветриться.

Илюше скоро два года, вот отдашь его осенью в ясли, и займись уже собой, а то так за пеленками и сосками вся жизнь пройдет.

Аня засмеялась:

– Ты невозможный человек, Настя!

– А что такого? Ты не думай, я тебе абы кого предлагать не стала бы, я к нему присмотрелась и пришла к выводу, что он приличный, не дурак, не жадный и внешне вполне себе...

Аня с улыбкой качала головой.

– Он тесно сошелся с нашей компанией, и на этих выходных мы все идем в боулинг. Можно пригласить близких друзей. Я пойду с Денисом и с тобой.

– Со мной?

– Конечно, ты же мой близкий друг.

– Что за фантазии, Настя! Во-первых, я не играю в бо-

улинг, а во-вторых, с кем я оставлю ребенка?

– С Ритой. Ей самой скоро рожать, пускай репетирует. Илюшка у тебя спокойный, хлопот никаких – покормит и спать положит.

– Это тебе так кажется. Я не думаю, что это хорошая идея.

– Я уже обо всем договорилась. И с Ритой, и Олегу сказала, что ты придешь.

Настя посмотрела на Аню смело, даже с некоторым вызовом.

– Ну, хорошо, – ответила Аня, – я пойду.

Настя растерялась от неожиданности.

– В самом деле?

– Да.

Накануне встречи Аня не могла уснуть. Ворочалась с боку на бок, вставала, подходила к Илюше и некоторое время сидела рядом с ним, глубоко задумавшись. Наконец, спустя несколько часов выматывающей бессонницы, она поплелась на кухню, сварила кофе, устроилась за столом и долго сидела так, по привычке грея руки о горячую чашку, и смотрела в окно на освещенный тусклыми фонарями снег.

В голове почему-то крутилась глупая песенка про лето, и Аня с удивлением подумала: куда, в самом деле, умчалось это лето? Короткое и по-питерски прохладное, оно оставило по себе лишь сожаления, а впереди ждало затяжное межсезонье – не то осень, не то зима, дождливая и промозглая с по-

что беспросветным полумраком, гнетущим город. Впрочем, январь в этом году выдался необыкновенно снежным. Снег шел по трое суток, погребая под рыхлыми сугробами городские дороги, крыши и припаркованные автомобили. Деревья в белом мареве снегопада выглядели как акварельные – их черные стволы и ветви под снежными шапками казались размыто-очерченными тонкой кистью художника. Небо висело низко, без какого-либо признака солнца. Даже днем плотные бледно-серые тучи, гонимые ветром, не оставляли никакой возможности увидеть хотя бы клочок небесной лазури, а вечером они наливались фиолетово-молочной тяжестью, и тогда все вокруг погружалось в плотные густые сумерки, в которых мягко и бесшумно падал снег.

Раньше у нее не находилось времени на любование такими мелочами. Торопясь от метро и выбираясь на короткие прогулки с Локи, Аня лишь изредка бросала взгляд на низкое, насыщенное красками небо или смахивала горячей ладонью с ограды пушистый снег. Позже все стало по-другому. Аня полюбила бродить по тропинкам зимнего парка, вглядываясь в умиротворяющие пейзажи. Ей нравился заснеженный город. Было что-то неизъяснимо прекрасное, почти мистическое в застывших подо льдом каналах, в покрытых снежным налетом домах, в окнах, которые днем казались до странного пустыми, а вечерами озарялись уютным теплым светом.

Неспешные прогулки с коляской давали возможность со-

зерцать мир и даже в одиночестве не ощущать тревоги и уныния. Напротив, Анне казалось, будто, заговорённые этой снежной зимой, все чувства в ее душе стихли или, может быть, застыли. Однажды она подумала, что, будь мысли человека в действительности чем-то материальным, управляться с ними не составило бы труда. Их можно было бы менять, изымать и перекладывать, и мир, населенный разумными машинами, в конечном счете не такая уж утопическая идея. Как, в самом деле, было бы удобно отключать время от времени какие-нибудь утомительные функции, присущие человеческому существу. На мгновение она представила себя роботом – безмятежным и рациональным, с четко запрограммированными задачами и целями. И довольно скоро Аня пришла к заключению, что живет с не менее четкими установками. Стоящие перед ней цели и задачи были направлены на удовлетворение самых насущных потребностей и не оставляли места бесплодным измышлениям. Она научилась высоко ценить здравомыслие, с которым теперь подходила к выполнению обязательств по отношению к ребенку и самой себе. Ежедневная рутина дел превратилась в своего рода ритуал, который упорядочивал мысли, а чувства находили выход в нежной любви к сыну, в радости от его маленьких побед и достижений.

Временами Аня ловила на себе озадаченный Настин взгляд и, угадывая сомнения подруги, улыбалась в душе. Настю почти наверняка удивляло новое Анино состояние. Спо-

койная, уравновешенная, с легкой улыбкой на лице, она казалась человеком, чьи мысли и чувства находятся в удивительной гармонии. И Аня нисколько не стремилась развеять сложившееся впечатление. Она находила глубокое удовлетворение в этой незатейливой игре. Ей нравилось быть открытой, общительной, вовлеченной в общие дела. Приближение Настиной свадьбы – этого эпохального события – как-то постепенно и незаметно заполнило Анины дни беспокойной суетой. Она охотно отзывалась на все, в чем ей предлагалось поучаствовать: в обсуждении церемонии и банкетного меню, выборе украшения для ресторана и переговорах с представителями различных сервисов. Однажды, прихватив с собой Илюшку, она поехала с Настей на примерку платья и потратила по меньшей мере неделю на поиск в каталогах подходящего к нему букета.

Это была жизнь в неустанном движении. С удивлением Аня иногда ловила себя на том, что ей не хватает целого дня, чтобы переделать все намеченные дела и исчерпать все беседы. Вокруг нее все время были люди. Когда она не виделась с Настей, то встречалась со знакомыми мамочками по детской площадке, частенько устраивала кулинарные посиделки с соседкой, перенимая у словоохотливой старушки секреты приготовления вкусной и здоровой пищи, ходила в людные места, вечерами долго говорила по телефону. Порой, случайно вынырнув из суетной пены дней, Аня словно глядела на себя со стороны – деятельная, открытая, легкая на подъем,

неунывающая и неизменно приветливая со всеми, с кем бы ни доводилось общаться, будь то старые друзья по работе или же хмурая, неулыбчивая регистраторша в детской поликлинике. Лишь иногда по утрам Аня ощущала непонятную усталость, а рассматривая себя в зеркале, замечала припухшие глаза. Но какие бы сны ни тревожили ее ночью, она никогда не помнила их.

Однако сегодня, в этот поздний час, душа ее была расстроена. Предстоящий день вместо волнующего ожидания сулил напряженную работу, требовал эмоционального отклика, для которого она не находила сил. Несколько раз Аня брала телефон, намереваясь написать Насте, что отказывается от этой глупой затеи со свиданием в боулинге, но так и не написала. Наконец ей стало холодно и неудобно сидеть на жестком стуле с остывшим кофе в руках. Она оставила кружку на столе и, ни о чем больше не думая, пошла спать.

Рита позвонила утром и сказала, что приедет к четырем часам. На изъявления благодарности коротко ответила, что мамочки должны помогать друг другу, и добавила, что рада возможности избавиться хоть ненадолго от навязчивой заботы свекрови, которая в ожидании первого внука утомила ее чрезмерным беспокойством.

– Настя посмеивается, но ничего, посмотрю я на нее, когда придет ее очередь. Кстати, они пригласили тебя на свадьбу?

– Ты думаешь, мне удастся ее избежать? – улыбнулась Аня. – Но нет, они не приглашали. Насте даже не пришло это в голову, так что красивой открытки мне не досталось.

– Вот балда! Надо будет ей сказать.

– Не переживай, это такие мелочи. Если можешь, приезжай пораньше; расскажешь, как дела, как себя чувствуешь – давно не виделись.

– Хорошо, но лучше как-нибудь потом еще встретимся – не хочу, чтобы ты опоздала на встречу с Настасьиним протеже. Она мне этого не спустит.

– Она слишком оптимистично настроена.

– А ты его уже видела? – спросила Рита. – Как он тебе?

– Ничего.

– Энтузиазма в голосе не слышно.

– Нет, правда – симпатичный молодой мужик... такой, знаешь... деловой и холеный.

– О, звучит неплохо.

– Ну да... Если честно, мне не хочется ехать. Странно себя чувствую, будто к смотринам готовлюсь, специально ради него туда иду... Хотя ведь это так и есть, – Аня с досадой вздохнула.

– Да ладно тебе, сколько можно дома сидеть? Все одна да одна... Настя хорошо придумала – развлечешься, покидаешь шары, выпьешь пару бокалов. А если тебе насчет того мужика неловко, держись наших голубков, а там глядишь, вдруг он тебе понравится?

Рита приехала еще засветло и помогла Анне собраться. К ее удивлению, в этом вопросе девушка проявила упрямство и ни за что не захотела принарядиться – оставила в ушах скромные сережки, натянула голубой свитер и джинсы.

– Этот голубой цвет делает тебя еще бледнее, чем ты есть, – заметила Рита, придирчиво ее рассматривая.

– Не хочу ничего яркого.

– Ну, может, и правильно. Ты такая бледная и утонченная – девушка-загадка!

– Да?.. – пробормотала Аня, с кислой миной снова поворачиваясь к зеркалу. – Не очень-то мне хочется быть бледной и утонченной. Это совсем не то, что я чувствую.

К пяти назначенным часам Аня опоздала. Пока она доехала до клуба, разделась, сменила обувь и вошла в зал, было уже почти шесть. Настиных коллег она увидела сразу – компания обосновалась на двух первых дорожках.

– Что так поздно? – спросила Настя. До этого она очень эмоционально пыталась сбить все кегли одним ударом, а теперь потянула Аню за руку и усадила за стол.

– Пиво будешь? – спросил, подходя, Денис.

– Лучше для начала воды. Вижу, вы не скучаете.

– Настька развлекается, это точно. Но играть совсем не умеет. Мой совет: не стой рядом, когда она замахивается.

– Эй, я попросила бы! Ничего сложного тут нет, и у меня почти получается. Пойдем, покажу.

Аня с готовностью поднялась, а когда подошла к стойке с

шарами, невольно притормозила. Она действительно никогда не играла в боулинг и даже не знала, как правильно брать шар. Настя заявила, что это легче легкого.

– Вообще-то здесь есть инструктор, специально для таких чайников, как вы.

Денис огляделся по сторонам, но не успел никого позвать, как Настя заявила:

– Мне Олег показывал, как правильно. Эй, Олег! Нужна твоя помощь.

Аню покорило от Настиной носорожьей прямолинейности.

«Вот зараза! – подумала она про себя. – Никаких маневров. Прет как танк!»

Ей было неприятно, когда на Настин возглас к ним повернулось несколько голов, и стало еще досаднее, когда Олега, направившегося к ним, проводило несколько внимательных завистливых взглядов.

– Зря пялитесь, кикиморы, – услышала Аня тихое бормотание подруги.

Настя немедленно ухватила Олега под руку и заявила, что забыла, как правильно брать и кидать шар, а потому не может объяснить это своей подруге. «О, вы ведь, кажется, знакомы?» – добавила она.

– Да, встречались перед Новым годом, – ответил Олег. – Здравствуйте.

– Добрый вечер, – пробормотала Аня, краснея от Насти-

ных выкрутасов.

Денис, наблюдая все это, усмехнулся и отошел. Аня с отчаянием посмотрела ему в спину.

– Если вы не хотите играть сейчас, можете сначала понаблюдать.

Аня перевела взгляд на Олега. Он смотрел спокойно и ободряюще. Она тотчас поняла, что и от него не укрылись Настины манипуляции, но, в отличие от самой Ани, он не испытывал неловкости или раздражения. Сегодня он выглядел как-то иначе, чем в тот, первый, раз, – менее официально. Толстовка и джинсы шли ему гораздо больше, чем костюм, он казался приветливее и моложе.

«Должно быть, на год-два старше Илюши», – мелькнуло у Ани в голове, но она тотчас же недовольно себя одернула.

– Я хотела бы сыграть, – уверенно произнесла она, – но никогда этого не делала.

– Хорошо, давайте учиться. Если не возражаете, я вам помогу.

Олег вкратце объяснил правила игры и выбрал для Ани шар. Девушка инстинктивно ухватила его двумя руками.

– Нет, чтобы понять, подходит ли вам шар по весу, вы должны держать его одной рукой, уперев локоть в бедро. Вот сюда, – указывая нужное место, он коснулся его пальцами. Аня от неожиданности вздрогнула и с изумлением взглянула на своего добровольного инструктора, но тот, кажется, ничего не заметил и продолжал говорить, а потом вопросительно

посмотрел на девушку.

– Так что? Не тяжелый?

– Нет, не тяжелый.

– Значит, восьмерка подойдет. Хорошо. Теперь шаги и положение тела.

Аня бросила злой взгляд на Настю, но подруга этого не увидела – как-то незаметно отошла от них и уже о чем-то болтала в кругу хохочущей компании.

– Понятно?

– Что? Нет, извините. Я отвлеклась.

– На самом деле все просто – одна ваша нога должна быть впереди, это обеспечит точность удара. Бросать шар надо от кисти на вытянутой руке. При броске правая нога и правая рука должны двигаться одновременно. Давайте вместе.

С этими словами Олег встал у Ани за спиной, отвел в сторону ее левую руку, правую обхватил выше запястья, вместе они сделали несколько замахов, и Аня отпустила шар. С грохотом шар упал на дорожку, покатился по середине, потом ушел в сторону и сбил все кегли.

– Ого! – воскликнула Аня, забыв о неловкости, которую испытывала еще мгновение назад. – Мы их сбили. У нас получилось!

– Мы почти команда, – отозвался Олег.

Они играли еще около часа. Время от времени к ним кто-нибудь присоединялся. Настя высказывала свое мнение о лучших бросках, Денис беззастенчиво дразнил ее, а когда

сам выходил к дорожке, показывал отличный результат. Олег сыграл на очки с одним из коллег, и пусть и с минимальным перевесом, но смог выиграть. На соседней дорожке так же шла нешуточная битва, и вся компания с азартом следила за ней. Олег некоторое время наблюдал за игрой, потом спросил Аню, не хочет ли она освежиться, и пригласил подняться в бар.

Наверху было довольно многолюдно, им с трудом удалось найти два свободных места за барной стойкой. Аня выбрала коктейль с замысловатым названием, Олег заказал колу без сахара.

– Я за рулем, – сказал он, поймав Анин взгляд. – Иногда это преимущество, если хочешь избавиться от скучной компании: непьющего не уговаривают остаться.

– Сегодня как раз такая компания? – Аня не смогла сдержать усмешку. Она украдкой посматривала на нового знакомого – спокойный, уверенный в себе, немного позер... или, быть может, просто старается произвести впечатление? У него были коротко стриженные русые волосы и серые, не улыбочивые глаза, глядящие холодно и пристально.

– Есть два типа девушек, – сказал Олег, словно не заметив ее усмешку, – те, что действуют по наитию, бездумно, и те, которых надо завоевывать.

Аня удивилась этой внезапной сентенции. Ей не понравилось направление, которое сразу же принял разговор, но она невольно оценила решительность этого мужчины на пути к

намеченной цели.

«То-то Настя его одобрила, – мелькнуло в голове. – Такой же прямолинейный носорог, как она сама. Их в эту компанию по группе крови, что ли, отбирают?»

– Я не согласна. Действовать по наитию или оставаться неприступной девушкой заставляет не характер, а ее отношение к находящемуся рядом мужчине.

Олег хмыкнул, сделал несколько глотков, поставил бокал и только после этого взглянул на Аню:

– Перейдем на «ты»?

– Хорошо.

– Со мной ты не будешь плыть по течению.

Это было произнесено с такой утвердительной интонацией, что Анне внезапно стало досадно и захотелось уйти. Шум, веселые голоса, льющаяся из динамиков музыка, стоящий перед ней бокал с потрескивающим льдом в изумрудной жидкости – все это сейчас почему-то ее тревожило и задевало. Мучаясь от неловкости и острого чувства сожаления, что поддалась на уговоры и пришла на эту встречу, Аня вертела бокал в руках и хмурилась.

– Я прав. Именно потому, что у тебя сейчас такое выражение лица.

– Я чувствую неловкость от подобного разговора. Мы видимся всего второй раз, а уже обсуждаем такие... деликатные вещи.

Олег удивился. Это выразилось в том, что он глянул на

Аню исподлобья и криво ухмыльнулся.

– Ты странная девушка. Тебе этого не говорили?

– Нет. Не вижу ничего странного в том, чтобы испытывать удивление и смущение от твоей прямолинейности.

– Я еще ничего не сказал и не сделал, чтобы ты смущалась.

Это правда странно! Особенно учитывая, что у тебя есть ребенок и нет мужа.

Аня сделала несколько глотков: изумрудная жидкость имела вкус лимона и чего-то экзотического. Опустив бокал, Аня поднялась.

– Давай на этом закончим. Спасибо за приглашение и выпивку.

– Это было грубо? Прости. Я действительно прямолинейный и, в общем-то, грубый человек. Но тебя я обижать не хочу.

Аня посмотрела на него через плечо.

– Ты мне нравишься. Я не ждал многого от сегодняшнего вечера, но ты оказалась еще лучше, чем я тебя помнил. Поэтому – останься.

– Для тебя я не та девушка, которую надо завоевывать, и ты правильно догадался: с тобой я не поплыву по течению.

– Не вижу причин, почему бы тебе это не сделать.

– Что именно?

– Ты улыбаешься, но знаешь, кого ты мне напоминаешь? Затравленного зверька. Бледного, несчастного, но такого трогательного и очаровательного.

– Ты жесток, – сказала Аня. – Удивительно, что в твоём лексиконе есть такие слова, как «трогательно» и «очаровательно».

– Зачем мне прятать свое настоящее лицо и притворяться кем-то другим? – возразил Олег. – Я честно говорю о своих чувствах и впечатлениях. Люди не испытывают иллюзий по поводу моего отношения к ним. Мало кого из них я могу уважать, но скажу честно – те, кого я люблю, никогда не остаются без утешения и защиты.

Аня опустила голову, с трудом подавив внезапно всколыхнувшуюся в сердце горечь.

– Дай мне свою руку.

Олег увидел, как эта странная девушка вздрогнула, когда он протянул к ней руку ладонью вверх. В ее глазах отразилось смутение, ему даже показалось, что она вот-вот заплачет. Она стояла с бледным, застывшим лицом, глядя на его раскрытую ладонь. Это продолжалось недолго. Какая-то едва уловимая перемена скоро произошла в ее чертах, в ее взгляде. Она сделала шаг вперед и вложила свои пальцы в его протянутую руку.

В этот же вечер он отвез ее домой. Аня сидела молча и напряженно. Олег решил не занимать ее разговорами. Изредка он чувствовал на себе ее быстрые, короткие взгляды. Внутренне усмехаясь, молодой человек ничем не показывал, что замечает их. Сам он не поворачивал головы, следя за дорогой, лишь время от времени переводил взгляд на ее сложен-

ные на коленях руки. У нее были узкие маленькие ладони, которые его собственная ладонь могла накрыть полностью. Подумав об этом, он с удивлением почувствовал, как кровь застучала в висках, и крепче сжал руль.

У парадного Олег вышел из машины вместе с Аней. Она внутренне сжалась, ожидая, что на прощание он вздумает ее приобнять, но он не сделал ничего подобного. Оглядевшись по сторонам, Олег сказал, что в этом районе когда-то жил его приятель, но с тех пор сам он здесь не бывал. Упомянув об этом, Олег предложил обменяться телефонами, сообщил, что предстоящая неделя на работе будет напряженной, однако он подумает, как вместе провезти выходные, и с этим уехал.

Остаток вечера Аня провела в бездумной суете. Она вернулась раньше, и Рита с удовольствием выпила с ней пару чашек чая, доложив, как прошел день у Илюшки, а потом завела разговор о своем наболевшем – ее действительно утомила свекровь бесконечными придирками, опекой и контролем.

– И это мы еще вместе не живем! Не знаю, как Настька с ней справится, когда замуж выйдет. До этого-то она не сильно вмешивалась, но теперь...

– За нашу барышню не волнуйся, она себя в обиду не даст.

– Посмотрим, кто кого? – рассмеялась Рита.

Через полчаса за ней приехал Борис, и она распрощалась.

Аня принялась мыть посуду, когда неожиданно проснулся Илюша. Она перестелила детскую постель, но ребенок уже не

мог уснуть, раскапризничался и заплакал. Аня долго ходила по комнате, держа сына в объятиях. Почему-то сегодня она острее обыкновенного ощущала тепло его тела, вдыхала его такой родной запах. Когда малыш, убаюканный и согретый у нее на груди, притих, она осторожно опустилась в кресло и, склонив голову, с улыбкой смотрела на него. Сердце ее переполняла безграничная любовь к этому хрупкому беспомощному существу, она любила в нем все – от его взъерошенной темноволосой макушки до пяточек в цветных носочках. Аня почти задремала, когда Илюшка заворочался во сне, и тогда она перебралась с ним на диван, ни за что не желая отпускать его от себя. Она перенесла к себе его постель и потом лежала еще несколько минут, вглядываясь в его лицо и держа его за ножку, пока наконец сон не сморил ее.

Олег позвонил в пятницу, сказал, что выходит с работы и едет к ней договориться о планах на выходные. Аня робко заметила, что ехать почти полтора часа нет необходимости, можно все обсудить по телефону. Но он лишь коротко ответил, чтобы она его ждала, и попрощался. Выждав время, Аня тщательно одела Илюшу, усадила в коляску, взяла Люки и вышла на улицу. Она сидела в скверике напротив дома довольно долго и успела продрогнуть, когда во двор въехала уже знакомая машина. Был ранний вечер, только начало смеркаться, поэтому Аня хорошо видела, как Олег, припарковавшись, вышел из автомобиля, поднял голову, глядя на дом, и потянулся за телефоном.

– Я на улице, – ответила Аня на его звонок. – Обернись, я за твоей спиной.

Аня поднялась ему навстречу. Олег подошел, обвел взглядом представшую ему картину – коляску со спящим ребенком, виляющую хвостом пушистую собаку и молча стоящую девушку.

Анне показалось, что он хмыкнул; во всяком случае, губы его сложились в мимолетную усмешку.

– Я понял, – сказал он, усаживаясь на скамейку. – Но, кажется, не увидел ничего, о чем бы не знал.

Аня присела рядом. Олег повернулся и пристально посмотрел на нее.

– Думал поехать на выходных в Выборг. Там у меня дела, заодно бы и прогулялись. Хочешь поехать со мной?

– Нет! – быстро ответила Аня. – Это было бы неудобно, и потом – у меня собака.

– Что ж, к следующему разу решим эту проблему. А сейчас отведи собаку домой, и пойдем поужинаем. По дороге сюда я видел уютный ресторанчик. – С этими словами он встал.

Аня в растерянности смотрела на него.

– Не хочешь есть? – спросил он, глядя на нее сверху вниз, так как она все еще сидела на скамейке. – А я умираю с голоду.

– А как же Илюша?..

Олег бросил взгляд на ребенка.

– Бери его с собой, что за вопрос?

Аня встала, испытывая мучительную неловкость от всего происходящего. Неожиданно Олег взял ее за руку.

– Без перчаток. Ледяные руки. Поверь, это меня нервирует гораздо больше. Отведи собаку и возвращайся. Я подожду.

Пятничным вечером в ресторанчике оказалось довольно многолюдно. Им пришлось подождать, прежде чем освободился столик. Пока Олег делал заказ, Аня раздевала проснувшегося Илюшу. Затем она достала из объемной сумки бутылочку, слюнявчик и баночку с детским овощным пюре. Ощукая на себе взгляд Олега, Аня попросила официанта погреть на кухне пюре, вытащила Илюшку из коляски, посадила рядом с собой на диван и наконец взглянула на своего спутника. Тот задумчиво рассматривал ребенка. Аня почувствовала, что начинает нервничать. Ей совсем не хотелось отвечать на личные вопросы, но оттого, что у ее ребенка ярко выраженная азиатская внешность, такие вопросы возникали постоянно и неизбежно.

– Совершенно на тебя не похож, – наконец заключил Олег, – но симпатичный.

– Спасибо, – пробормотала Аня.

– Я не буду спрашивать о его отце. Меня это не касается. Если, конечно, ты сама не хочешь рассказать.

– Нет.

– Что ж, тогда давай поедим и обсудим наши планы.

В Выборг на выходные Аня все-таки поехала. Поздним вечером Олег сообщил, что не может отменить поездку, и настоятельно звал Аню с собой. Она согласилась – с условием, что молодой человек позаботится пристроить Локи на время ее отъезда. Олег приехал утром; в его машине оказалось детское автомобильное кресло. Взглянув на это кресло, Аня ничего не сказала, усадила Илюшку, и после того, как Олег сложил коляску в багажник, они двинулись в путь.

Аня наслаждалась поездкой. Было на удивление приятно ехать в машине, смотреть на заснеженные деревья, стоящие вдоль автотрассы, слушать спокойный блюз по радио. Время от времени она отвечала на реплики Олега. Ее ничуть не тревожило его соседство. Напротив, в какой-то момент, повернув голову, откинутую на спинку сиденья, она устремила взгляд на молодого человека. От него исходили спокойствие и уверенность, и сам он в свете яркого зимнего дня показался ей не лишенным привлекательности. Аня обратила внимание, как он ведет машину: чаще отчего-то одной рукой, положив широкую ладонь на руль. Аня смотрела на эту крепкую мужскую руку, а затем прикрыла глаза. На миг она вообразила, что едет с семьей за город. На заднем сиденье спит сын в детском кресле, а рядом любимый муж, такой земной и надежный. Аня открыла глаза и, повернув голову, вновь устремила взгляд за окно.

В Выборге оказалось намного холоднее, чем в Петербурге.

Город стоял скованный снежными сугробами. Олег въехал во двор маленького отеля, где заранее забронировал номер. Он сообщил Анне, что ей придется пообедать одной, так как у него через полчаса назначена встреча, и, проследив, как она устроилась, уехал. Аня нисколько не огорчилась, ей почти не верилось, что они с Илюшей на час-два остались одни в прекрасном отеле, предоставленные самим себе. Это было приятным разнообразием в череде суетливых и, в общем-то, однообразных будней.

Торопливо пообедав, она собрала сына и вышла из отеля. Около часа они бродили по узким и крутым улочкам, разглядывали нарядные витрины, пока Илюшка не устал. Тогда они зашли в маленький уютный магазинчик, торгующий знаменитыми выборгскими кренделями, и, сидя там в ожидании горячей выпечки, смотрели в окно на гуляющую публику. Подкрепившись и отогревшись, они снова вышли под снег и скоро забрели в укромное местечко, откуда не было видно живописных и пугающих развалин – жалких остатков былой красоты средневекового города. Заснеженные ступени, длинные каменные ограды, булыжные стены старинных домов и красные черепичные крыши хранили отпечаток мирного покоя и редкой красоты, которые так согревают сердце. Увидев сувенирную лавку, Аня поднялась по узкой деревянной лестнице и открыла дверь с колокольчиком. Ее сейчас же оглушил гул голосов – торговля шла бойко. Повсюду были развешены декоративные кренделя, гирлянды и рождествен-

ские украшения, а полки и корзинки пестрели всякой всячиной – сувенирами различных форм и размеров, живописными картинками, часами и всевозможной мелочевкой. Внутри было тепло, пахло хвоей, корицей и старой древесиной. Аня с удовольствием разглядывала праздничное убранство лавки, пока не уловила, как продавщица – дородная женщина, одетая на старинный манер в длиннополое платье, – расхваливает чудодейственные свойства развешанных у прилавка талисманов. Аня подошла ближе и разглядела выгравированное на круглом латунном медальоне изображение какого-то фольклорного персонажа, напоминающего Бабу-ягу.

– Есть парные медальоны, девушка, для вас и вашего мужа, – обратилась к ней словоохотливая лавочница. – Берите, не пожалеете. Приносит удачу в любовных делах.

– Неужели? – удивилась Аня. Никогда она не слыхала, чтобы Бабе-яге приписывались такие поразительные способности.

– А вот хотите, возьмите куколку, смотрите, какие красавицы!

Вдоль стены в богатом разнообразии размещались куклы ручной работы – гламурная вариация героини медальонов – большеглазой румяной ведьмочки с длинным носом. Все куколочки отличались милостивыми личиками, нарисованными губками-бантиками и взбитыми кудрями золотых волос. Анне ужасно понравились эти куклы, особенно одна – одетая в белоснежное кружевное платьице. Ценник, однако, огорчал.

Не то чтобы сувенир стоил запредельно дорого, но Аня могла позволить себе купить здесь только вязаного котенка из корзинки с мелочами, куда Илюшка уже запустил руки. Пока она разглядывала кукол, до нее долетела информация о том, что вовсе это не Баба-яга, а персонаж карело-финского эпоса с труднопроизносимым именем. Было сказано, что в эпосе персонаж представлен злой и коварной старухой, но в народе почитался как добрая покровительница женщин, исполняющая их желания.

– И ваше исполнит, – сказала лавочница, – подержитесь за прутик и загадайте как следует.

Едва войдя сюда, Аня сразу заприметила большую куклу, висящую у стены в пролете деревянной лестницы. В половину человеческого роста, она точно походила на Бабу-ягу – растрепанные космы, бородавчатый нос, одежда в заплатках. В скрюченных пальцах – длинный изогнутый прут, до кончика которого можно было дотянуться с лестницы. Именно этим сейчас были заняты две женщины довольно почтенного возраста, – стоя на середине марша, они хватались за прут и хихикали, как школьницы.

Заплатив за игрушку, которую Илюша крепко зажал в кулачке, Аня двинулась к выходу, но на пороге остановилась, секунду подумала и вернулась. За это время почтенные дамы ушли, и теперь по лестнице вприпрыжку спускались две маленькие девчушки с сестрой-подростком. Путь был свободен. Аня быстро поднялась по ступеням и дотронулась до

ведьминого прутика. В это мгновение у нее зажужжал телефон.

– Где ты? – спросил Олег.

– Я... недалеко от отеля, – ответила Аня, торопливо спускаясь. – Скоро приду.

Когда она вышла на улицу, то увидела, что вокруг белым-бело. Снег, шедший с утра, к вечеру повалил с новой силой. Большие мокрые хлопья выюжили на ветру, слепили глаза, забивались за воротник. Илюшка принялся хныкать. Аня взяла его на руки – в объемном зимнем комбинезоне он походил на большой кулек. Прижав сына к себе и осторожно ступая по рыхлому снегу, Аня лишь мельком обернулась на лавку и пошла вниз по улице.

День еще не закончился, но за окном мела метель, ребенок был сонным и капризным, и это заставило Олега пересмотреть планы на вечер. Он предложил поужинать в отеле, а после зайти в джаз-клуб, находящийся неподалеку. «За ребенка, – добавил он, – можешь не волноваться. За ним присмотрят и, если проснется, – сразу же позвонят». К его удивлению, Аня согласилась.

Задумывая эту поездку, Олег готовился проявлять упорство и настойчивость. Не в его правилах было затягивать сближение с понравившейся девушкой, он привык действовать решительно и быстро добиваться результата. Не думал он изменять своей тактике и в этот раз, но, размышляя об

этой странной девушке, где-то в глубине души неожиданно усомнился в быстром успехе. Аня непринужденно чувствовала себя в его компании, поддерживала разговор, улыбалась спокойной, вежливой улыбкой. Она смотрела на него прямым и открытым взглядом, который необъяснимо волновал, но Олега не оставляло чувство эфемерности всего происходящего. Будто привычный ритуал взаимоотношений двух людей на этот раз дал сбой, пошел по новому сценарию, в котором он, Олег, не знал и не понимал своей роли.

Романтическая атмосфера клуба располагала к созерцанию, и, неспешно потягивая пиво, молодой человек не сводил с Анны изучающего взгляда. У нее было удивительное лицо, на котором красноречиво отражались все эмоции. Ей нравилась живая музыка, она слушала выступления джазменов с увлечением и радостью, хлопала с большой искренностью. В клубе можно было танцевать, и когда Олег положил ей ладонь на талию и взял за руку, она без жеманства приняла его близость. Она танцевала легко, говорила свободно, улыбалась, но ее прикосновение и ее улыбка были подобны летнему дождю, чей след иссушают солнечный свет и ветер. От нее исходил легкий, будоражащий аромат. Олег невольно склонил голову к ее волосам, но не получил ответного движения. Взгляд девушки блуждал по освещенному гирляндами залу, иногда скользил и по его лицу, но Олег не был уверен, что она действительно смотрит на него. Неожиданно для себя самого он усмехнулся – что ж, это было в первый раз, когда все

оказалось непредсказуемым и зыбким, и каждый новый шаг ему предстояло делать будто в темноте, на ощупь.

Заказав еще один коктейль для Ани, он завел необременительный разговор о пустяках, время от времени задавая какой-нибудь вопрос о ней самой. Он узнал, где она училась и о чем мечтала в детстве. О том, что ее интерес к английскому языку возник после увиденного в юности какого-то эпичного британского сериала. О том, что больше всего ей нравятся собаки породы бордер-колли, а потому в день, когда ей подарили Локи, она чувствовала себя самой счастливой на свете. Он спрашивал о ее привычках, склонностях, симпатиях. Аня охотно рассказывала обо всем с такой радостью и увлечением, будто никогда раньше ни с кем этим в полной мере не делилась, и, поразмыслив, Олег пришел к выводу, что, возможно, так и есть. Гораздо позже, лежа на диване в гостиничном номере, он почти не смотрел на дверь комнаты, где спали Аня с ребенком. Он глядел в четко очерченный на стене квадрат окна, за которым все еще падал снег, и, кажется, впервые, размышляя о девушке, стал тщательно продумывать свои дальнейшие действия и поступки.

Следующий день прошел, как и намечалось, в совместных прогулках. Идти с коляской по заснеженным тротуарам, еще не до конца расчищенным к утру, было непросто. Видя, какие усилия Анне иногда приходится прикладывать, Олег попросил разрешения помочь и, когда повез детскую коляску перед собой, испытал смешанные чувства. Он не мог сказать,

что ему нравится этот ребенок. По большому счету ему вообще не нравились дети – непонятные, пугающие, крикливые существа, с которыми прежде ему еще не доводилось взаимодействовать. Олег приготовился терпеть неизбежное присутствие этого карапуза, предполагая, что он станет досадной помехой. Так оно и оказалось, но сейчас, разглядывая мальчишку более внимательно, Олег не ощутил отвращения. Румяные щеки, быстрые любопытные глаза, непосредственная и невероятно очаровательная улыбка. Отец пацана был явно неевропейских кровей – азиат, темноволосый и кареглазый. Такие ей нравятся?

Аня не замечала пытливого интереса своего спутника. Ни разу ей не пришло в голову присмотреться к нему внимательнее. Она наслаждалась прогулкой по прекрасному городу, в котором давно не была. Парк Монрепо с его елями, старинными постройками, живописными скалами и белыми равнинами подействовал на нее умиротворяюще. Олег видел, что щеки ее разрумянились, глаза засияли внутренним теплым светом. Она, смеясь, бегала за сыном, играла с ним в снежки, лепила снеговика. Она тянула его за руку, увлекая на крутые подъемы, и там поворачивалась во все стороны, обозревая бескрайний снежный простор. Этим же вечером они возвращались домой, и она спокойно уснула, утомленная долгим днем, убаюканная плавным ходом автомобиля и тихой музыкой.

Последующие дни они виделись лишь урывками. Иногда

Олег приезжал после работы, Аня спускалась к нему с коляской и Локи, и они гуляли по парку. Во время этих прогулок Аня замечала, что Олег чаще молчит и идет рядом, глубоко засунув руки в карманы. Иногда она незаметно разглядывала его, почти ожидая, что в какой-то момент он отвернется и уйдет, однако этого не происходило. Совместных поездок он больше не устраивал, но в выходные, за редким исключением, всегда старался появляться и несколько раз вывозил Аню в театр с неизменным ужином в конце вечера. В один из таких дней, в конце февраля он привел ее на встречу со своими друзьями. Аня не испытывала большого желания оказаться в компании незнакомцев, где ее, несомненно, примут как подружку Олега, но Настя обронила по этому поводу нечто непринужденное, добавив, что к дружеским посиделкам не стоит относиться серьезно. И Аня пошла в гости. На большой кухне за круглым столом собрались две супружеские пары, двое братьев-близнецов, один из которых пришел со своей девушкой, и двоюродная сестра Олега.

Вопреки Аниным тревожным ожиданиям, чувство неловкости быстро испарилось, и уже спустя час Аня принимала участие в оживленном разговоре, получая настоящее удовольствие от прекрасной еды и хорошего вина. Невольно она заметила, что в этом тесном кругу друзей и родни Олег держится и выглядит как-то иначе. Он казался смешливым, расслабленным и очень компанейским. Пристальный взгляд его серых глаз смягчился, лицо утратило привычную

скованность и жесткость, а волосы, со смехом взъерошенные сестрой, придали ему неожиданно мальчишеский вид. Братья-близнецы и один из женатых парней оказались его школьными приятелями. Очень скоро Аня поняла, что любимым занятием бывших одноклассников было подтрунивать друг над другом, из чего она узнала, что близнецы учились из рук вон плохо, однако это не помешало одному из них получить степень по искусствоведению и где-то преподавать, а второму – открыть собственное дело. Другой парень, Аня тотчас же угадала в нем самого близкого друга Олега, всегда слыл заучкой, что служило поводом для бесконечных шуток. Олегу же прилетало за толстокожесть. Аню посвятили в истории о том, как в начальной школе он отверг сразу двух девочек, питавших к нему симпатию, а также поведали почти криминальный случай на выпускном, когда обиженная подружка запустила в него бутылкой шампанского и только чудом промахнулась. Все это было рассказано с таким юмором, что Аня не могла припомнить, когда в последний раз так искренне веселилась. Она оказалась прекрасным слушателем и была от души благодарна этим милым людям за то, что саму ее не угнетают расспросами и не разглядывают излишне пристально. Выйдя на улицу, она взяла Олега под руку, и они прогулялись неспешным шагом, пройдя почти целый квартал, пока Олег не вызвал такси и не отвез ее домой.

Аня стала замечать, что привыкает к нему. Невзирая на

первое впечатление, он уже не казался жестким или грубым, скорее был подчеркнута предупредительным и сдержанным. Однажды, когда они шли рядом, он взял ее за руку. Аня невольно удивилась этому движению – осторожному и робкому, как у школьника. Подняв на него глаза, она увидела напряженное лицо, улыбнулась и пожала его теплую крепкую ладонь. Когда он впервые поцеловал ее, со спокойным сердцем она приняла и это.

Но все чаще мысли ее улетали далеко от нового знакомого и от их странных, не до конца ясных отношений. Ее тревожили совсем другие заботы. Близилась весна, когда предсвадебная лихорадка ненадолго утихла, а Настя чуть успокоилась, и Анне стало понятно, что необходимо подумать и о себе. После достопамятного участия в русско-финской выставке новых больших проектов у нее так и не появилось. Несколько раз Евсей вдруг возникал из небытия, звонил ей и предлагал помочь кому-нибудь с переводом, но случаи эти были редки и не приносили много денег. Сам Евсей уже полгода как уехал в Москву и, судя их по последнему телефонному разговору, не собирался возвращаться. «И то верно, – думала Аня, – что ему здесь делать, на мелководье».

Между тем ее все чаще посещала мысль о необходимости искать работу. После выхода в декрет она очень скоро обнаружила, что вдвоем с Илюшей они не смогут прожить без дополнительных заработков. К сожалению, с идеей получить лицензию экскурсовода пришлось расстаться, а по-

пытки заниматься репетиторством принесли только негативный опыт. Долго и кропотливо изучаемые методики преподавания оказались не так-то легко применимы на практике. Во всяком случае, Анне они совершенно не подходили. Выяснилось, что ей трудно найти контакт с учеником, выстроить систему взаимоотношений и подобрать универсальный ключ, прежде всего для самой себя, к этой ответственной и нелегкой работе.

Задумавшись о том, какие навыки и таланты могли бы обеспечить ей стабильный доход теперь, когда декретные выплаты подходили к концу, она с сожалением заключила, что таких совсем немного. К большому своему огорчению, она никогда не умела рукодельничать. Так сложилась жизнь, что в детстве некому было ее научить, а факультативные школьные уроки кройки, шитья и вязания обнаружили, что не очень-то она к этим занятиям склонна. Ее фартуки всегда получались кривыми, а вязаные шарфики – бесформенными. Да что там, даже школьные поделки из природных материалов, над которыми она, бывало, корпела несколько часов, в итоге имели самый непрезентабельный вид. Ни шить, ни вязать на продажу она не могла, даже для себя сварганить новую вещь была не способна. «Боже мой, – как-то сказала Настя, глядя на распашонку, сшитую Аней из случайно прожженной пеленки, – что ты будешь делать, когда бедный мальчик в садик пойдет? Там же к каждому утреннику нарядный костюм нужен. Разоришься их покупать». Остáva-

лось одно: делать то, что она умела лучше всего, – переводить тексты. К счастью, у нее было несколько постоянных заказчиков, и со временем она надеялась найти кого-нибудь еще. Платили не так чтобы много, и порой выпадали недели, когда вообще не было предложений, и если бы не Настина мама, время от времени посылавшая ей через дочь что-нибудь из своих солений, да помощь друзей, пришлось бы совсем туго. Перед Новым годом Анне выпала удача получить несколько заказов, и еще парочку к Восьмому марта, но праздники закончились, и в перспективе не было никаких новых предложений. Иногда Настя намекала, что стоило бы перемолвиться по поводу безденежья с Олегом, но Аня в ответ на это всегда делала такое кислое лицо, что Настя оставила всякие попытки научить ее уму-разуму.

– Тебе надо как-то развивать ваши отношения, – сказала она однажды, сидя в пригородном автобусе, по пути из Ропши. Машина стояла в ремонте, и Настя пребывала в дурном настроении, которое только усугубила встреча с болезненной и переживающей за все на свете мамой.

– Отношения... – повторила Аня, поудобнее обхватив уснувшего у нее на руках Илюшку, – такое странное слово.

– Я тебя умоляю, не начинай умничать. Как еще назвать то, что происходит между двумя людьми? Отношения. Только над ними надо работать. Вот посмотри на меня. Думаешь, мне легко было заарканить такого, как Денис, еще и замуж за него пойти?

– Ой, не прибедняйся, – отозвалась Аня. – Мне отлично известно, что Денис от тебя без ума, и так было с самого начала. Ты яркая, неординарная девушка. Мне бы твой бойцовский характер – было бы и у меня все превосходно!

– Чтобы ты была как я? – усмехнулась Настя. – Ну уж нет, это все равно что пауки в банке. Да и потом, кто еще такую вынесет? Разве что Денис, а это товар штучный.

– Ты хочешь сказать, что между вами тоже отношения?

– А что же еще?

– Любовь.

Настя с сожалением посмотрела на Аню и покачала головой:

– Романтические бредни.

– Ты разве его не любишь? – удивленно спросила Аня.

– Конечно, люблю! Только это любовь земная и понятная, а не то, что ты там себе навоображала. Я бы никогда не стала гнаться за химерами... Вот скажи, что у тебя с Олегом? Я думаю, он именно то, что тебе надо. Смотри, сколько времени прошло, а он все не отстает. И терпеливый какой; честно скажу – я удивлена.

– Да, он хороший человек. Наверное, я смогла бы с ним жить. Изю дня в день... спокойные взаимоотношения, совместные поездки, налаженный быт, достаток. Звучит неплохо.

Настя оживилась.

– Ты думала об этом?

– Ну конечно, что же я, не живой человек? Только все это представляется мне безрадостным. Я ведь его не люблю.

– Знаешь, любовь – такое неопределенное понятие. Может, в тихой повседневности она способна проявиться в гораздо большей степени, чем в бурной недельной страсти. Извини. Но мне кажется, ты заиклилась.

– Наверное, – улыбнулась Аня.

– Поверь мне, никакая любовь не может длиться вечно.

– Раньше ты думала по-другому.

– Может быть. Когда мне было тринадцать лет. А теперь это просто смешно. Только не призывай на мою голову литературные шедевры! Посмотрела бы я на всех этих Ромео и Джульетт после десяти лет брака, с детьми и кредитами.

Аня улыбнулась и отвернулась к окну, за которым тянулся однообразный пейзаж из распаханых полей и унылых деревенок Ленинградской области. Вдруг она почувствовала, что Настя взяла ее за руку.

– Скажи честно – ты любишь не человека, не конкретного мужчину, а сумбурные воспоминания о нем. Свои яркие впечатления, эмоции, но это ведь не то же самое, что любовь.

– Ты думаешь? – задумчиво спросила Аня. – На самом деле, Настя, угадать любовь очень просто. Если тот, кого ты любишь, рядом – ты спокойна и счастлива, а если его нет – ты печальна и несчастна. Вот и все. – Она помолчала немного, глядя на недовольное Настино лицо, потом попросила с легкой улыбкой: – Расскажи, как он живет?

– Если ты такая преданная фанатка, почему сама этого узнаешь? – раздраженно проворчала Настя.

– Была бы фанаткой, наверное, бы узнала... На родине дела его пошли лучше?

– Свято место пусто не бывает. На сцене новые звезды, а он... ну, живет, работает. Хотя, по правде говоря, шансов вернуться на прежний уровень у него мало. Я провентилировала вопрос, и в основном прогнозы на его счет неутешительные. В этой маленькой Корее артистов до черта. Каждый год стартует коллективов сорок, представляешь? Где им там всем развернуться? Вот агентства и расчищают поляну от конкурентов, ничем не брезгуя. Наш парень хлебнул не просто так. Там сейчас ни один сколько-нибудь приличный айдол его поколения не может свободно выступать. Кого-то выдавили за пределы страны, кто-то простаивает. Если повезло и хватило таланта – ушли в киноиндустрию, где тоже жестко, но не до такой степени. А их места заняли андрогинные мальчишки пятой-десятой волны пресловутой халлю – на одно лицо. Честное слово! Я вообще не могу их различить. Эти, «старички», которым сейчас по тридцатнику и выше, хоть на мужиков были похожи, каждый в своем роде, а теперь...

Минуту Настя помолчала, но было заметно, что она еще не до конца высказалась. Аня с любопытством посмотрела на нее.

– Что тебя так задевает?

– Людская тупость и неблагодарность, – ответила Настя с неожиданной злостью. – Зачем я во все это вникаю? Но у меня аж в глазах темнеет от возмущения. Вот тебе история. Жил-был молодой актер – как водится, красивый, популярный. Неожиданно в Сети повылезали невесть откуда его обиженные одноклассники (анонимные, само собой) и давай жаловаться направо и налево, как он в школе плохо себя вел. Пара-тройка возмутительных подробностей – и все. Дело сделано. Разумеется, что и как было на самом деле, разбираться не стали. Бедолагу турнули отовсюду, даже с главной роли, и пересняли фильм заново. Агентство что-то трусливо проблеяло, а по факту – бросило его на произвол судьбы. Короче, проделали с парнем почти то же самое, что с Дам Рёном. Настоящие спецы! Обычно у них в ходу бесприкрытый вариант – побитые бабенки, домогательства, еще какие-никакие грешки по мелочи откопают, раздуют, а там – обвинение, полицейские дознания и общественный остракизм, независимо от результатов расследования. Но нынче в моде школьный тренд. И ты бы видела, что они пишут! Чистая бесовщина. Вот честно скажу – чем больше я обо всем этом узнаю, тем больше диву даюсь. Так жалко парня! – в сердцах сказала Настя. – Ему конец.

Аня тяжело вздохнула. А Настя, разгорячившись, продолжила:

– Кстати, в свое время, будь Дам Рён поумнее, заранее бы смекнул, что к чему. Незадолго до развернутой против него

кампании закрыли многообещающий проект с его участием. Официально из-за сцен насилия и жестокости (что-то там из времен японской оккупации по сюжету было). Ну, это, конечно, полная ерунда. У них полно фильмов, где и не такое увидишь. В общем, причина одна: в какой-то момент он стал сильно выделяться – популярные шоу, реклама, деньги... И явно кому-то перешел дорогу. А может, и отказал кому-нибудь в чем-нибудь... Всякое болтают. Сто процентов, прикрытый фильм и эта Юн – звенья одной цепи. Только идиот поверит, что нищая моделька, одна, без спонсоров, четыре года кряду раскручивала медийный скандал. К тому же в тот период проводили непопулярную социальную реформу. Так что подвернувшийся случай утопить Дам Рёна и переключить негативное внимание на него решил много проблем.

Аня снова вздохнула и несколько минут молча смотрела в окно. Потом повернулась к Насте.

– Ты сказала, у него все-таки есть работа?

– Есть, но уже вдали от широких магистралей кей-попа. В кино его, понятно, не снимают. Вроде прошел слух, что он рассматривает предложение одного из каналов, но в конце года стало известно, что на эту роль утвердили другого. Он продолжает вести канал на «Ютьюбе». Довольно забавные видео. Занимается сольной карьерой. В Сеуле было всего несколько концертов за два года и одна фан-встреча, да и та с японскими поклонниками. Зато много выступлений за рубежом, каждый год – туры по городам и весям, и, на-

сколько я поняла, он полностью переориентировался на Японию. Его там боготворят. Последние два мини-диска вышли на японском, а летом у него намечается тур по стране. Японским айюлинкам, между прочим, к Новому году были подготовлены отличные подарки. Не поскупился и подошел с фантазией.

– Кому? Айюлинкам?

– А-а, ты не в курсе... на основе того небольшого агентства он основал собственный лейбл – стал независим от продюсеров и сам занимается своими делами. Был объявлен конкурс на название, фаны закидали его предложениями, в итоге выбрали слово INFINITEU, что означает infinite и unachievable^{9*}.

– Бог ты мой! – удивилась Аня.

– Оценила, да? Это, наверное, такой перефраз «неудержимого Ти Ди». Я тебе больше скажу – имеется в виду на самом деле бессчетное U. В одной из групп сразу списком выписали все английские слова, начинающиеся на эту букву, с переводом – «безупречный», «непобедимый», «непревзойденный», «непредсказуемый», «непокоренный» и так далее. Теперь официальное название его лейбла INFINITEU, сокращенно IU. Мировой фандом назвался IUnsa, ну а наши девочки зовут друг друга, понятно, айюлинками. Милота!

Аня несколько минут осмысливала информацию.

– Замечательные новости, – наконец произнесла она. – Раз

^{9*} *Infinite* – безграничный, бесконечный; *unachievable* – недостижимый (англ.).

у него теперь свое агентство и он сам себе хозяин, значит, у него все хорошо.

– Наверное, могло быть и лучше. На Корею, судя по всему, он забил, хотя финальные мероприятия всех туров проводит в Сеуле. Залы собирает, но нигде эти события не освещаются. Корейская пресса ничего о нем не пишет. Так, статьи из разряда «сплетни» да короткие фото-, видеорепортажи сетевых изданий из аэропортов – прилетел, улетел, куда-то приехал. Ничего особенного. В развлекательные и музыкальные шоу на ТВ его, конечно, тоже не зовут. Возможно, он в этом не особо и нуждается, кто разберет? Знаю, что он активно работает за границей, впрягся и пашет по полной.

– А-а... в личной жизни?

– Кто же тебе об этом напишет? – усмехнулась Настя. – Здесь полная неизвестность. Хотя его постоянно подозревают в отношениях то с одной, то с другой. Одно время муссировались слухи о том, что он встречается с певицей из какой-то там популярной группы, но всех улик – фото, где отчетливо видно, как он держит эту девушку за руку, когда та уходит со сцены. Даже вышла статья под названием «Дженни (так, кажется, ее зовут) и Дам Рён официально признались, что встречаются». Но раздуть новость не получилось: их агентства опровергли слухи, да и народ в целом отнесся скептически. Писали, мол, она запнулась, он ее поддержал и все дела. Была еще какая-то партнерша по клипу. Видать, так убедительно отсняли, что им тут же приписали роман.

Были случаи преследования со стороны истеричных фанатов, какие-то сцены в ресторане, где он с друзьями обедал, и еще что-то, я подробностей так и не поняла – одни слухи. После этих фанатских выходов агентство выпустило официальное заявление, что, мол, артист готов общаться с поклонниками на официальных встречах, но частная жизнь – его сугубо личное дело, не говоря уже о том, что распространение злонамеренных слухов наносит вред и порочит репутацию. Фандом переполошился, а он закрылся полностью. Даже фотографии кота перестал выкладывать.

– У него есть кот?

– Да уж! С этим котом целая история. Подобрал где-то на гастролях. Потом была куча возни с документами, чтобы его через границу перевезти. Зовут кота Рюи, и теперь он звезда интернета, хотя и за кота тоже немало хейта прилетело. Я не поняла, котов они там не любят, что ли? Мол, лучше бы собаку завел. Кажется, у местных знаменитостей мода на потешных собак. Но Дам Рён остался при своем коте. Скажу честно, кот ничего особенного собой не представляет. Таких мурзиков у нас в каждой подворотне хоть отбавляй.

Некоторое время Настя смотрела на улыбающуюся Аню. Потом сказала:

– Вот видишь, у него своя жизнь, далекая от нашей с тобой суровой действительности, ну что, в самом деле, пилить опилки?

Аня с удивлением глянула на Настю.

– Такой хороший мужик этот Олег! Почему ты не можешь дать ему шанс?

– Это не так, – несколько возмутилась Аня. – Разве я его гоню или отказываюсь от его приглашений? Ничего подобного. Я... стараюсь. И мне, в общем, это нетрудно. Он не раздражает, не вызывает неприязни. Я за многое могу быть ему благодарна. Он хороший, надежный человек...

– Так что тебе еще надо? Выходи замуж, и дело с концом.

– Ну знаешь!

– Вот что у тебя голове, один бог разберет! – с внезапным раздражением сказала Настя.

– Он не делал мне предложений, – отозвалась Аня. – Никаких.

– Ты меня, конечно, извини, но если ты хочешь, чтобы дело как-то сдвинулось с мертвой точки и он, так сказать, воспользовался твоей неопытностью, создай условия. Что, тебя учить надо?

– Господи, ну и выражения! – засмеялась Аня. – У тебя-то что в голове, без пяти минут мужняя жена?

– Да ну тебя в баню, дура!

Аня едва сдерживала смех.

– Смейся, смейся. Посмотрю я на тебя, когда у него терпение лопнет и он наконец поймет, что зря теряет время.

– Он меня на день рождения пригласил в конце месяца. Будет отмечать дома в тесной компании.

– О! – Настя резко выпрямилась. – Отличный шанс! Не

упусти, или точно в дурах останешься. Дома, в интимной обстановке, гости постепенно разойдутся, и вы останетесь вдвоем...

– Давай, давай, уже целую историю придумала. Кто из нас фантазер?

– Я серьезно. Ты приняла приглашение?

– Конечно, я пойду. Хотела с тобой посоветоваться насчет подарка.

– Это придумаем. Так... что надеть? Надо перетрясти твой гардероб. Хотя что там трясти – сто лет ничего нового не покупала. Надо подумать...

– Ну, понеслась, – сказала Аня и откинулась на спинку сиденья.

– Вот это точно отличная новость. Твой наряд я беру на себя и подарю кое-что. Приберегала до твоей днюхи, но, думаю, сейчас самое время. Благодородный цвет алой розы с тонким кружевом...

– Настя, уймись, какие кружева?

– Те, что надо! Чуть-чуть везения – и, глядишь, все у тебя устроится.

Аня опять засмеялась и повернулась к окну, бросив небрежно:

– Ты безнадежна.

Последующие две недели Настя пребывала в состоянии ажитации. Она постоянно звонила Анне ради того, чтобы об-

судить детали предстоящего визита, и присылала ей фотографии возможных подарков, которые, по ее мнению, могли понравиться Олегу. Сначала Аня пыталась вникать, потом махнула рукой и решила не вмешиваться в бурную деятельность подруги, лишь однажды заметив, что слишком уж она старается ради обычной встречи. Настя принимала критику с невозмутимым спокойствием, а когда пришло время выбирать наряд к празднику, проявила, по Анинуму выражению, все неприглядные стороны своего вздорного характера. Она явилась к ней с утра, приведя с собой Риту, находящуюся уже на последних неделях беременности, с тем, чтобы та посидела с Илюшкой, пока они с Аней «пробегутся по магазинам».

– Что ж ты, в самом деле, вытворяешь! – воскликнула Аня, когда ей был изложен план действий. Она стояла перед подружками в ситцевом халатике, с платком на голове и шваброй в руках, потому как только полчаса назад затеяла уборку.

Рита посмеивалась, а Настя велела Анне переодеваться и не «кипятить ей мозг» бессмысленной болтовней, поскольку времени мало, а дел много.

– Ладно эта заполошная, у которой шило в одном месте, но ты-то, Рита, о чем думала? Борис в курсе? Куда тебя понесло? Ты сейчас должна на диване лежать и ни о чем не беспокоиться!

– Девочки, вы просто милашки! Как бы я пропустила та-

кое веселье? Правда, давай собирайся. Настя обещала держать меня в курсе, так что я тоже приму участие в шопинге. Предупреждаю, у меня не так много времени, так что лучше поторопись.

В немалом раздражении Анне пришлось отставить ведро со шваброй, в спешке собрать непослушные волосы, кое-как накрутив на голове хвост, и поехать с Настей. В воскресный день в торговых центрах народу было не протолкнуться. Настя с упорством ледокола внедрялась в самую гущу толпы, цепким взглядом сканировала стеллажи и вешалки, время от времени выуживая что-нибудь интересное. Несколько раз Аня вполне была довольна выбором, но Настя, рассматривая ее в обнове, кривила губы, качала головой и в итоге возобновляла бег по магазинам. Через два часа интенсивного марш-броска Аня с досадой начала настаивать на возвращении домой, но Настя не принимала ее жалобы всерьез. Это выводило Анну из себя, и наконец она сказала, что, если Настя сейчас же не остановится, они поссорятся, а к Олегу она пойдет вот как есть – в штанах и растянутом свитере.

Настя предложила перекусить. Аня нервничала и раздражалась, но еда и горячий кофе примирили ее с действительностью, и, заглянув еще в несколько магазинов, они наконец купили то, что понравилось Анне и заслужило Настино одобрение.

Накануне дня рождения Олега Настя явилась к подруге с битком набитым рюкзаком. На немой вопрос она заявила,

что останется на ночь и завтра поможет собраться, а еще – целый день проведет с Илюшкой, так как Анне уж точно будет не до этого.

– Моя мама приехала к Денискиным родителям, ну, ты понимаешь... Денис в командировке. Я провела с ними уже два дня. С меня хватит. В общем, лучше капризный сопливый ребенок, чем свекровь и теща, а я между ними.

– Ты на Илюшу-то не наговаривай, – отозвалась Аня, забирая у нее тяжелый рюкзак. – Господи, что ты сюда напихала? И кстати, насчет сопливого ребенка. Если еще раз накормишь его конфетами в мое отсутствие и будешь позволять куролесить, тебе конец. После посиделок с тобой он становится совершенно неуправляем и потом еще полночи стоит на ушах.

– Иди к тете, милая кроша! – воскликнула Настя, раскрывая объятия Илюшке, который, едва завидев ее, подбежал к ней с радостным воплем. – Какая злая у тебя маманька! Думает, не знаю, как ты из нее веревки вьешь? Хах, конфетами я его накормила? А кто на последние копейки покупает ему все, во что только ни ткнет этот милый пальчик? Смотри, избалуешь пацана, будешь потом локти кусать. Вот недаром говорят, что свекровки те еще... за сыночков трясутся!

– Так, ясно. Иди в комнату и падай в кресло. Клюквенной настойки хочешь? У меня есть.

– Откуда вдруг?

– Соседка подарила. Я тут помогла ей по мелочи. А она

мне бутылку отдала. Сказала, не любит этих сиропов, другое дело – что-нибудь покрепче.

– С тобой уже бухлом расплачиваются, – Настя уселась в кресло, не выпуская Илюшку из объятий. – Эх, пьющая мать – горе в семье.

Аня засмеялась и пошла на кухню. Когда она вернулась с рюмками и нарезанными фруктами, Настя с Илюшкой сидели на полу и опустошали большую коробку с игрушками.

– Может, есть хочешь? – спросила Аня, ставя поднос на журнальный столик. – У меня из еды, правда, только детский суп. Можно на скорую руку сыр нарезать. Вроде где-то он был.

– Как всегда, – Настя растянулась на полу и закинула руки за голову. – И правда надо тебе замуж. Кстати, у Олега есть мать, не в курсе?

– Я всего лишь иду к нему на день рождения, а ты уже, наверное, всю нашу жизнь на годы вперед расписала.

Аня разлила настойку по рюмкам и села рядом с Настей на пол. Они молчали несколько мгновений, а потом Аня спросила:

– Как думаешь, если я не пойду, это будет очень плохо?

Настя, только-только пригубившая настойку, поперхнулась.

– Извини! – воскликнула Аня, колотя подругу по спине.

– Ты знаешь, иногда мне хочется вот так взять тебя за плечи и хорошенько встряхнуть! – Настя откашлялась, села пря-

мо и прислонилась спиной к изножью кресла. – Ты – девушка с большим приветом. Извини, конечно, но для всего должно быть свое время. И понимание, что для тебя и твоего сына лучше, тоже должно было бы уже сформироваться. Я глубоко убеждена – мы получаем именно то, что заслужили. Я так же абсолютно уверена, что ты заслужила такого хорошего человека, как Олег. У него, конечно, свои недостатки, не на мой характер, но тебе – самое то. Очевидно, что он тебя любит.

– Что? – вскинулась Аня.

– Как говорила моя бабуля, разуй глаза. А еще она говорила моей матери, когда она осталась одна со мной на руках, – ты больше не женщина, ты мать.

– Не понимаю...

– Пока он маленький, – ответила Настя, глядя на Илюшу, – пусть ему станет отцом человек, который, кажется, его принял и к которому он сам быстро привыкнет.

– У Илюши есть отец.

Настя в упор посмотрела на нее.

– У него нет отца. Твоими стараниями. И того отца, о котором ты думаешь, никогда не будет. Вот что я тебе скажу: прими решение. Ты уже потешила свое бедное женское сердечко – печальная, покинутая, забытая. Упивалась этим по самое не балуйся. Хватит. Теперь подумай о ребенке. Чтобы его поднять, нужны помощь и опора, и ты должна сделать все, чтобы их получить... Мне вдруг в голову пришло...

помнишь мать Скарлетт О'Хары? Вот она была умная женщина.

Аня удивилась, а потом рассмеялась и воскликнула:

– И кто мне вечно пеняет на всякие там литературные истории, несовместимые с жизнью! А сама-то? Ты мне ставишь в пример эту несчастную женщину, которая вышла замуж, нарожала кучу детей, прожила целую жизнь, а умерла с именем первого и единственного возлюбленного на устах?

– Ну, до этого тебе еще далеко, но мысль улавливаешь.

– Сама бы ты себе такой жизни не захотела.

– Сама я никогда бы не очутилась в твоём положении.

Настя потянулась за своей сумкой, достала блокнот, ручку и принялась что-то чертить.

– Я тебе сейчас покажу наглядно. Ты знаешь, я это люблю. Вот один столбик, где плюсы твоей жизни в одиночестве. А вот – жизни с Олегом.

Аня смотрела, как Настя что-то строчит, и медленно жевала дольку яблока.

– Я поняла, не старайся.

– Нет уж, посмотри на досуге. Вот когда опять полезут тебе в голову всякие мысли, достанешь и считаешь.

С этими словами Настя вырвала листок из блокнота и положила перед Аней.

– Все будет хорошо, – отозвалась Аня, едва взглянув на ее писанину, но сразу заметила, что преимуществ жизни с Олегом Настя нашла гораздо больше. – Перестань носиться

с этой глупой идеей и лучше расскажи, куда ты все-таки решила поехать в медовый месяц?

– Медовый месяц! – усмехнулась Настя. – Еле-еле уломила Дениса на десять дней – такое уж у него плотное расписание... Вот подумываю, не рвануть ли мне в Сеул? У этого твоего как раз там что-то намечается перед летним японским туром. Приду, сяду в первом ряду и буду буравить его взглядом, пока не заметит, и вот уж тогда...

Аня, смеясь, стукнула Настю диванной подушкой.

– Захлопнись! Вот что ты за человек! Чувствую, не оставляет тебя в покое Дам Рён. Не стала ли ты его фанаткой?

– Еще не хватало! Скорее антифанаткой. Кстати, у него таких стада, и они не дремлют. Никогда не упускают случая бросить камень в его огород. А ядовитые какие, гадины! Ладно, шучу... пусть живет спокойно и радуется, что отвел бог от знакомства со мной... Полетим на Кипр. Там у Денискиного отца нашли какие-то знакомые. Обещали нам культурную программу, но, если честно я собираюсь сразу же от них отделаться. Не представляю, чтобы в мой медовый месяц за мной повсюду таскались какие-то бабульки!

Под конец импровизированной вечеринки, когда бутылка с клюквенной настойкой была оприходована, они переместились на кухню в поисках еды, сварили макароны, натерли сыр и открыли несколько банок с ропшинскими соленьями. Илюшка сначала крутился возле, а потом тихо уснул в комнате на диване. Анне пришлось его переносить в кроватку,

а Насте – как можно тише раскладывать старый скрипучий диван. Спать они улеглись далеко за полночь и еще долго после этого болтали и хихикали, пока наконец, уставшие и умиротворенные, не уснули.

На следующий день, выйдя из метро, Аня заметила, что бледное весеннее солнышко едва проглядывает сквозь рваную сеть облаков. Небо все больше наливалось серым, и, наверное, к вечеру пойдет дождь. Аня невольно поежилась под тонкой кокетливой курточкой и почти пожалела, что не оделась потеплее. Впрочем, по их общему с Настей мнению, курточка лучше всего подходила к Аниному наряду. Сегодня впервые после зимы она выбрала вместо сапог полуботинки, повязала на шею летящий шарф, а шерстяную, крупной вязки шапку сменила на тонкий берет. Лавируя между островками подтаявшего снега и держась подальше от затопленных обочин дорог, по которым проносились машины, Аня добежала до трамвая и, когда уселась на жесткое холодное сиденье, внезапно почувствовала необъяснимое беспокойство. Трамвай неспешно катился, громыхая и трясясь, по одному из старых петербургских районов с массивной сталинской застройкой. Серое небо, мокрый асфальт, темные дома, деревья, качающие на ветру голыми ветками, – пейзаж за окном не радовал. Аня встряхнула головой и бодро улыбнулась. Впереди ее ждал теплый вечер и приятная компания: еще неделю назад Олег сказал, что придут лишь те, кого она уже знает, и это придало ей уверенности – по крайней мере,

решила она, не надо будет знакомиться с новыми людьми и чувствовать неловкость.

Она без труда нашла нужный дом и уже собиралась войти, когда заприметила неподалеку цветочную лавку. Немного помедлила и, поддавшись внезапному порыву, завернула в магазин. Ей пришло в голову купить растение в горшке. Довольно долго она рассматривала небогатый ассортимент комнатных цветов и наконец выбрала пышный зеленый куст с мудреным названием, которое попросила записать для верности на бумажке. Через несколько минут Аня уже звонила в домофон и, поднявшись на один из последних этажей просторного лестничного марша, увидела двоюродную сестру Олега. Та мелькнула в отворенных дверях квартиры и тут же скрылась из вида. Аня с удивлением потопталась на пороге, но потом все же вошла и тут же почуяла запах чего-то горелого.

– Боже! – воскликнула кухня, снова возникая перед Аней, – я сожгла лазанью! У нас гуманитарная катастрофа! Я в ярости! Эти дурики смеются. Олег заказывает суши и пиццу.

Олег появился через несколько минут. Он был очевидно раздражен и злился. Аня сейчас же взяла его под руку и сказала с абсолютной искренностью, что не очень-то любит лазанью, так что лично ее сгоревший обед не расстраивает. Глядя в ее бесхитростное, обращенное к нему лицо, Олег не удержался, наклонился и быстро поцеловал ее в губы. Аня

засмеялась, а он с облегчением почувствовал, как тугой узел, будто сдавливающий грудь, ослаб. Он почти не обратил внимания на подарок, который Настя все эти дни так тщательно выбирала, но раскидистый куст в горшке рассматривал с большим удивлением.

– Это первый цветок в моем доме, – сказал он. – Тебе придется самой найти для него место. Идем.

У него оказалась довольно просторная и со вкусом обустроенная квартира. В интерьере, к которому явно приложил руку толковый дизайнер, преобладали серо-голубые и темные тона с яркими локальными акцентами. Друзья Олега встретили Аню как старую знакомую, и она также с удовольствием почувствовала, что ей здесь рады. Добрую часть вечера сгоревшая лазанья служила нескончаемым источником шуток, пока вино, хорошие закуски и наконец доставленные суши и пицца не перевели разговор в другое русло.

Это был очень приятный вечер, и он пролетел почти незаметно. Так же незаметно для Ани, как-то по-английски, ушли друзья. Настал момент, когда Аня поняла, что в квартире только они с Олегом.

– Наверное, пора и мне, – сказала она, бросив взгляд на свою сумочку.

– Я вызову такси, если хочешь, – ответил Олег. – Но еще не так поздно. Выпьешь со мной?

Аня согласилась. Она наблюдала за тем, как Олег не спеша достал из бара непечатую бутылку, открыл ее и разлил

вино по бокалам. Рукава его рубашки были закатаны, открывая красивые мускулистые руки. Аня почему-то вдруг обратила внимание на его спину. Для его роста у него были довольно широкие плечи. Разглядывая их, Аня беспокойно заерзала на месте и, не отдавая себе отчета, быстрым взглядом окинула комнату: шторы давно задернуты, свет приглушен, а из динамиков скрытой где-то музыкальной установки льется мягкий расслабляющий блюз. Неожиданно Аня поймала себя на том, что криво и нервно улыбается, – это была идеальная романтическая обстановка. «Словно в какой-нибудь дешевой мелодраме», – промелькнуло в голове. Мысль о том, что в эту самую минуту она как раз и стала героиней такого сюжета, заставила ее резко подняться. Постояв в нерешительности, она шагнула к окну и отдернула штору, но вместо освещенной улицы увидела в оконном стекле отражение своего лица – темное, искаженное, некрасивое. Подошел Олег. Аня взяла у него бокал, отошла от окна и села за стол. Олег сделал несколько неторопливых глотков, смутно ощутив возникшее напряжение. Глядя на Аню, он заметил, что у нее нервное и в то же время странно застывшее лицо. Опушенный взгляд не отрывался от бокала, а тонкие бледные пальцы почти неосознанно скользили вверх и вниз по тонкой хрустальной ножке. Олег почувствовал, как в душе его начинает что-то ворочаться. Эта отстраненная, холодная, безэмоциональная девушка сводила его с ума. Сейчас она сидела не поднимая головы. Он видел овал ее лица, плавную

линию подбородка, завораживающий изгиб шеи, ее опущенные плечи – и внезапно разозлился. Как долго еще она будет изводить его? Есть ли предел этому изнуряющему марафону? Олегу захотелось подойти и хорошенько встряхнуть ее. Сделать ей больно. Увидеть в ее глазах огонь, пусть даже это будет огонь негодования и обиды.

– Анна! – произнес он вдруг резко и громко, неожиданно даже для самого себя.

Она вздрогнула и удивленно посмотрела на него.

Олег подошел к ней, взял за руку и заставил подняться со стула. Тотчас же он ощутил тонкий мускатный аромат, исходящий от ее волос. Разум его точно помутился. Как будто даже зрение изменило ему – в эту минуту он мог только ощущать под ладонями мягкую ткань ее платья, тепло ее кожи. Дрожа, уже не сдерживаясь, он стал целовать ее, даже не понимая, получает ли ответ. Скоро он поднял ее на руки, пинком открыл дверь спальни и почти грубо бросил на кровать. И здесь он наконец увидел Анино лицо. Ее бледные щеки, казалось, побелели еще больше, но алые припухшие губы были приоткрыты – она глубоко и протяжно дышала, как будто ей не хватало воздуха. Глаза не смотрели на него. Лишь мельком он увидел в них свет, и веки ее опустились. Олег сел рядом с Аней и склонился над ней. Она слабо шевельнулась, неосознанным движением обняв его за плечи. Но лишь на короткое мгновение он ощутил ее прикосновение, как она уже разомкнула объятия. Олег замер и медлен-

но отстранился. Аня лежала неподвижно, только ее тонкие обнаженные руки скользнули по покрывалу и замерли, прижатые к груди. Вид этого покорного непротivления глубоко потряс Олега. Он почти со страхом смотрел на застывшую перед ним девушку, ощущая, как болезненно стучит в голове кровь. Несколько мгновений он сидел точно пьяный, пока в отчаянной надежде не взял обеими руками ее голову и не заставил посмотреть на себя. Ее глаза блеснули в свете уличного фонаря, но были холодны и бесчувственны, как у выброшенной на берег рыбы.

Олег тяжело перевел дыхание. Он встал и замер без движения, глядя на Аню сверху вниз, потом отвернулся и вышел из комнаты.

Аня повернулась на бок, сжавшись в комок, и лежала несколько минут, слушая, как медленно и тяжело бухает сердце. Наконец она поднялась и вернулась в гостиную. Олег стоял у стола, выливая в уже наполненную почти до краев стопку остатки недопитой за ужином водки. Аня остановилась на пороге. Олег услышал ее шаги. Его голова и плечи инстинктивно дернулись, но он так и не повернулся; поднял стопку и выпил ее залпом.

– Прости меня, – пробормотала Аня, но даже шепот ее сорвался. – Прости меня.

Она взяла свою сумочку, оставленную на диване, торопливо, не застегивая, накинула куртку и ушла. По лестнице она сбежала на одном дыхании, а очутившись на улице, при-

слонилась к железной двери парадной. Фиолетовое небо с серыми тучами сыпало мелким холодным дождем. Аня вдохнула сырой воздух, мгновенно ощутив озноб, и вдруг заплакала. Она плакала беззвучно, вздрагивая всем телом от порывов ветра и частого колючего дождя, который хлестал ее по ногам и лицу, залетал за шиворот. Наконец Аня еще раз глубоко вдохнула и отерла ладонями лицо. Она вышла из-под козырька подъезда, застегивая на ходу куртку и плотнее наматывая на шею легкий шарф. В темноте закрытого двора она не видела под ногами луж, а когда вышла на освещенную улицу, огляделась по сторонам, натянула берет на оба уха и торопливо зашагала к трамвайной остановке.

Домой Аня вернулась около полуночи. Осторожно открыв дверь в темную квартиру, она тихо разделась, быстро умылась и, стараясь не шуметь, нащупала в шкафу свою пижаму. При бледном свете, сочившемся из-за полуприкрытых штор, она разглядела разбросанные по полу игрушки, Илюшины вещи, оставленные на стуле, и Настину сумку, почему-то вывернутую наизнанку. Невольно улыбнувшись царившему в комнате разгрому, Аня на цыпочках подошла к детской кровати, неосознанным движением поправила Илюшино одеяло и, достав из ящика одеяло для себя, осторожно улеглась на диван. Почти в эту же секунду она поняла, что Настя не спит. Довольно долгое время они лежали в молчании, пока Настя не спросила:

– Почему ты пришла?

Аня повернулась к ней, положив ладони под щеку, и Настя разглядела в темноте ее лицо – печальные глаза и слабую улыбку, тронувшую губы.

– Знаешь, – произнесла Аня, – если у человека оторвать кусок плоти, отрубить ему руку или ногу, он будет испытывать чудовищную, нестерпимую боль. Как ни странно, эта боль со временем притупится и, возможно, забудется. Он привыкнет жить в новом состоянии, сможет заменить утраченные конечности протезами и со стороны даже будет выглядеть обычным человеком, но... он все равно останется инвалидом.

Настя с шумом втянула воздух и уставилась сердитым взглядом в потолок. На языке вертелись десятки слов, ее так и подмывало сказать что-нибудь резкое и хлесткое, и даже обидное, но она молчала – какие слова способны дойти до сознания этой глупой фантазерки, что смотрит сейчас на нее из темноты? Насте было безумно жаль своих усилий и надежд и до слез жаль эту дурочку, в очередной раз поставившую ее в тупик.

– Не злись, – услышала она Анин шепот.

– Ты полная идиотка! – не стерпела Настя, хотя твердо решила ничего не говорить.

Аня нашла и чуть сжала ее ладонь.

– Все будет хорошо, – сказала она.

– Любимая мантра? – с издевкой бросила Настя, вырывая руку. – Бог в помощь!

Отвернувшись к стенке, пробурчала «Спокойной ночи!» и больше ничего не сказала.

Несколько дней после этого Настя ходила хмурая и раздраженная. Она резко реагировала на самые безобидные вещи и стала чаще обычного ругаться за рулем на других водителей и пешеходов. К плохому настроению добавляло нервозности приближающееся торжество. Все приготовления были завершены – платье, ресторан, программа, лимузин заказаны; и тут Настя, очевидно впадая в новую крайность, заявила, что не хочет «Маланьиной свадьбы», кому нужны эти лукулловы банкеты, жуткий тамада, бредовые конкурсы и кто вообще придумал пригласить дядю Витю с его громкоподобным голосом и гнусными армейскими шуточками? Однажды Аня стала свидетелем того, как Настя вступила в перепалку с кассиром в магазине и потом еще долго пыхтела и чертыхалась, проклиная отечественный сервис. Денис смотрел на Настины капризы снисходительно. Если вдруг сам попадал под горячую руку, то лишь улыбался, и в целом оказался куда более спокойным женихом, чем можно было ожидать.

Наконец наступил день, когда Настя надела роскошное в своей простоте и элегантности платье, пристроила к прическе короткую, дерзко торчащую фату и вооружилась букетом невесты. В лимузине по дороге в загс она сидела молча, выпрямив спину, а когда вышла на запруженную свадебными кортежами набережную и огляделась вокруг, сказала: «Пре-

красный денек!» Ожидание, суматоха, нетерпеливые разговоры и сочный смех дяди Вити (двоюродного кузена Настинной матери) наконец дошли до кульминации – торжественной речи служительницы Дворца бракосочетаний, которая произнесла: «Дорогие Денис и Анастасия!» – с такой профессионально отработанной интонацией, что Настя вспоминала это, закатывая глаза, еще дня два.

Когда добрались до праздничного стола, Аня думала, что у нее лопнет голова. Час или два она каталась с молодыми по городу, останавливаясь для фотосъемки у каждой мало-мальски известной достопримечательности. Приглашенный фотограф оказался человеком с большой фантазией и неумной энергией. Чтобы получить исключительные кадры, он заставлял молодоженов то замирать в картинных позах, то подпрыгивать на месте, то бежать, то счастливо смеяться и так далее и тому подобное, пока не кончилось тем, что Денис перенес Настю на закорках через Синий мост. Как ни странно, эта кошмарная, по Аниному мнению, фотосессия подействовала на Настю благотворно. В ресторан новобрачная приехала расслабленная и довольная и потом пила, ела и принимала бесчисленные поздравления с радостной улыбкой.

Вечер безумного дня завершился застольем в доме родителей Дениса. Молодые решили, что выполнили свой долг перед старшими и наконец могут по-настоящему повеселиться. Денис с удовольствием освободился от галстука, На-

стя сменила свадебный наряд на джинсы, только фату оставив на голове, и, не слушая Аниных возражений, новоиспеченные муж и жена забрали ее с собой в рейд по питерским барам. Компанию им составил еще кое-кто из приглашенной на свадьбу молодежи. Аня пила пиво и смеялась больше, чем когда-либо, но в какой-то момент, глядя на Настю, прильнувшую к Денису, вдруг загрустила.

– Теперь я буду редко тебя видеть, – сказала она. – Хочется плакать. Как это ты вдруг взяла и ушла? Пускай это Денис, которого я знаю и люблю, – все равно... Все теперь будет по-другому.

Настя издала буквосочетание, по всей видимости означающее «Вот еще!»

– Куда я от тебя денусь? – добавила она уже более внятно. Потом наклонилась и громко прошептала: – Не раньше, чем повеселюсь на твоей свадьбе. За тобой должок, детка!

– Ты уже была на крестинах, – усмехнулась Аня. – Хватит с тебя!

По прошествии времени Аня пришла к выводу, что Настя оказалась права. С достопамятного дня свадьбы виделись они не чаще и не реже обычного, а когда ближе к лету вновь встал вопрос о покупке новой квартиры, были на связи едва ли не каждый день. Настя во что бы то ни стало хотела решить вопрос до поездки на Кипр, но ускорить дело не получалось. Настя досадовала, Аня советовала не горячиться, – к

чему эта спешка, спрашивала она, вернетесь в июле и будете спокойно смотреть варианты. Настя ворчала, что до дрожи в коленках хочет все обновить, переехать в другой район, избавиться от ненужных вещей и вздохнуть свободно, с чувством выполненного долга.

– Ну-ну, рассказывай – отвечала Аня. – Поменяешь квартиру, купишь новую мебель и успокоишься, что ли?

– Кстати, насчет мебели, – сказала Настя. – Я отдам тебе наш прекрасный диван. Он точно нам не пригодится, а твою старую развалюху выкинем наконец, глаза бы мои ее не видели!

– В самом деле? – Аня очень обрадовалась.

– Давно хотела сказать, да все из головы вылетало. На нем никто не спал, да и раскладывали его пару раз, не больше, так что он в отличном состоянии. Тебе в комнату как раз встанет, я примеряла.

– Спасибо!

– Но это когда мы квартиру поменяем. Надеюсь, хотя бы к осени.

– Не торопись, – отозвалась Аня, – я буду жить с надеждой и мыслями о твоём прекрасном диване!

Этим летом Анне прибавилось забот. В конце июня Илюшке исполнилось два годика. В сентябре она планировала отдать его в ясли и выйти на работу. Наконец можно будет рассчитывать на стабильный доход, а не перебивать-

ся случайными заработками. До осени предстояло решить еще немало вопросов и где-то изыскать средства для покупки всего необходимого. Перебрав детский гардероб, Аня обнаружила, что к предстоящему сезону почти не осталось теплых вещей – комбинезон, штаны, шапка и обувь наверняка уже станут малы, да и повседневные вещи, честно говоря, давно пора обновить – белье, футболки, кофточки, не говоря уже про колготки и вечно теряющиеся носки.

Наступил июль, и Денис с Настей улетели в свадебное путешествие. Уже на следующий день Анне пришло сообщение от подруги, что встретившие их пенсионерки (знакомые отца Дениса) оказались точь-в-точь какими Настя их представляла и избавиться от их навязчивой заботы было совсем непросто. Аня улыбалась, читая Настины жалобы и рассматривая фотографии – на них было так много солнца и так много ярких красок, что Аня подумала: ей отдых в таком чудесном месте не испортили бы даже самые болтливые старушки.

Как-то утром, зевая и помешивая кашу для Илюшки, Аня не глядя ответила на телефонный звонок и вдруг услышала бодрый голос Евсея:

– Привет, дорогая! Что делаешь вечером? Пойдешь со мной в театр?

– О-о-о, – протянула Аня, несколько опешив. – Ты приехал?

– Да, на пару дней. Хочу на новой сцене «Макбета» посмотреть. Составишь компанию?

– Ну ты даешь! – сказала Аня. – Хоть бы предупредил заранее. Мне же надо ребенка пристроить.

– У тебя целый день впереди. Договорились. Заеду за тобой в пять, успеем еще по чашке кофе выпить. Адье!

Усмехнувшись, Аня отложила телефон, а когда накормила и переодела Илюшку, отправилась к соседке просить об одолжении.

Евсей встретил ее благодушной улыбкой и теплыми объятиями.

– Что это тебя на берега Невы занесло? – спросила Аня, с удовольствием устраиваясь на мягком сиденье его машины, – как давно, оказывается, она не чувствовала этот будоражащий запах кожи и дорогого парфюма.

– Дела, дела, – отвечал Евсей. – Спектакль выдвигают на «Маску». Надо посмотреть. Хотя не бери в голову. Лучше расскажи, что у тебя нового – кажется, почти год не виделись.

Аня в красках поделилась впечатлениями от Настинной свадьбы и сказала, что скоро вернется на работу.

– Ты вот укатил в Москву, и никто мне больше интересных предложений не делает. Так, по мелочи. Если честно, сама уже хочу на работу выйти. Устала дома сидеть. Лето в разгаре, а даже поехать никуда не могу.

– Приезжай в Москву прогуляться. Есть знакомые, поживешь недельку. Я договорюсь.

– Даже не сомневаюсь! – сказала Аня. – Ты ничуть не изменился.

Новая сцена Александринского театра встретила их атмосферой непринужденной артистической тусовки – Евсей кивал, приветствуя знакомых, и здоровался за руку с каждым третьим. Аня сидела на изогнутом стуле, потягивала кофе и смотрела на публику. Давно у нее не было такого приподнятого настроения – все-таки Евсей неординарный человек. Рядом с ним невозможно было оставаться отрешенной или замкнутой на себе. Вот и сейчас Аня чувствовала, будто выпила не кофе, а бокал шампанского, – она непроизвольно улыбалась, живо отзывалась на все, что происходит вокруг, с удовольствием и радостью слушала старого приятеля.

– А почему ты меня позвал? У тебя же миллион знакомых и, помнится, была эффектная длинноногая подружка.

– Мы ведь давно не виделись, – несколько удивившись, ответил Евсей. – А что до подружек – я нахожусь в вечном поиске. – И засмеялся.

Спектакль произвел на Аню менее приятное впечатление. Это оказалась современная интерпретация классической пьесы, которую режиссер беспощадно прокрутил через свое художественное видение. Действие было разыграно с применением мультимедийных технологий в черном пространстве, почти лишенном декораций. Некоторые мужские роли исполняли женщины, включая короля Дункана и самого Макбета, причем Макбета играли сразу две актрисы. Од-

но было хорошо – длился этот экстравагантный перформанс полтора часа без антракта и завершился прежде, чем Аня успела по-настоящему отчаяться.

– Это всерьез на театральную премию выдвинули? – спросила она, когда они с Евсем вышли на улицу.

– Да, и сразу в двух номинациях, – с улыбкой отозвался он.

– И как тебе?

– Свежо.

– Свежо у кого-то в голове, честное слово. С этим режиссером явно что-то не в порядке.

– Публика аплодировала.

– Уверена, из чистой вежливости!

Они шли по набережной Фонтанки и смеялись. Садясь в машину, Евсей взглянул на часы:

– У меня свободного времени чуть больше часа, поехали ужинать.

Через несколько минут они сидели на веранде одного из уютных ресторанчиков в центре, и Аня с наслаждением потягивала вино.

– Никаких чачжанмёнов, – говорил Евсей, изучая меню. – Я помню твое страдальческое лицо. Готов поспорить, что с того дня ты больше не была в азиатском ресторане.

– Нет, как-то не довелось. Был у меня приятель, он не особенно любил экзотику.

– Скучный человек, – усмехнулся Евсей.

– Да я теперь вообще редко куда выбираюсь, если, конечно, не считать свадебного банкета. У меня все просто и банально. Даже стыдно перед тобой. У тебя, наверное, за это время произошла уйма интересных событий?

– Да живу как-то. Скучно точно не бывает. Кстати, почему бы тебе в Москву не переехать?

– Мне? – удивилась Аня.

– Не понимаю, чего тебе в Питере киснуть? Сюда хорошо приезжать на отдых, а так ловить тут нечего.

Аня засмеялась.

– Мы с тобой люди совершенно разного темперамента. Что я стала бы делать в Москве? Суета, беготня, кругом мир голого чистогана, выражаясь словами нашего старенького университетского профессора, ну и так далее.

– Ба! – с потешной драматичностью воскликнул Евсей. – Я же беседую с самой утонченной представительницей культурной столицы России. Ни-ни – больше никаких разговоров о презренной работе, отвлекающей от созерцания бытия.

– Перестань меня смешить!

– Я уже и забыл, что ты девушка мечтательная! И все же идея неплохая. Вполне прилично можешь со своей квалификацией зарабатывать. Если надумаешь, звони, помогу, чем смогу.

– Спасибо! Ты самый добрый человек на свете.

Они ужинали, смеялись и болтали гораздо больше часа – Евсей позвонил и отменил какие-то дела. Уже когда стемне-

ло, он подвез ее до дома и, порывшись в визитнице, дал свою визитку.

– Здесь московский телефон и моя почта. Приезжай в августе. У меня кое-что планируется осенью, но свободное время еще более-менее есть. А сам не смогу – найду тебе кого-нибудь в компанию, если захочешь. Слышала, у нас большой парк развлечений открыли? Детские площадки, аттракционы, замки Снежной королевы и бог весть еще кого – будет где ребенка развлекать.

– Он у меня еще маленький.

– Сама повеселишься!

На прощание Евсей махнул ей рукой и уехал.

Аня непроизвольно улыбалась весь оставшийся вечер, и мысли о поездке в Москву не казались уже чем-то невозможным. «Но где выкроить лишних денег на эту поездку?» – размышляла она. Наконец Аня пришла к выводу, что в августе вряд ли может себе позволить такой вояж, а вот ближе к Новому году, подзаработав и кое-что скопив, пожалуй, и съездит. Идея же найти в Москве работу была не такой уж и плохой. Евсей прав, стоит об этом подумать.

Июль выдался дождливым. Во всяком случае, его первая половина. В городе было тепло и влажно. Открытые окна не спасали от духоты, и Аня подолгу гуляла с Илюшкой в парке. Дождь обычно пережидали под крышей старой, еще сохранившейся с советских времен, летней эстрады или под наве-

сом летнего кафе.

После дождя в канавах, на тропинках и в траве стояли лужи, служившие источником живейшей радости ребенку и собаке. Илюшка, устав сидеть в коляске, прыгал и шлепал по лужам так активно, что вся его одежда после таких прогулок обычно сразу отправлялась в стирку.

Как-то утром он проявил особую прыть. Сначала бегал за Локи, а когда тот вильнул хвостом и исчез за кустами, выбежал на аллею и вдруг попал в историю – наткнулся на вставшего со скамейки человека и шлепнулся ему под ноги. Аня рванулась вперед, толкая перед собой коляску, но человек оказался проворнее – он наклонился и поднял малыша.

– Извините! – сказала Аня, подбегая.

– Ничего, ничего, – ответил незнакомец. Это был пожилой азиат, одетый неброско и скромно, зато ботинки его были вычищены до блеска. У него было широкое улыбочивое лицо и короткие седые волосы. Говорил он по-русски, но с сильным акцентом. Аня лишь мельком взглянула в лицо пожилого человека и быстро поймала ребенка за руку. Тот уже схватил с земли оброненное печенье, которое до этого мусолил, и попытался засунуть в рот.

– Илюша, нет! – сказала Аня. – Уже грязно.

С этими словами она отобрала печенье и бросила его в урну.

Мальчонка накуксился, намереваясь громко и требовательно разреветься.

– Илюша? – Незнакомец вдруг расплылся в улыбке и, наклонившись, протянул малышу маленького оранжевого динозавра, похожего на игрушку из киндер-сюрприза.

Илюша тут же решил попробовать динозавра на зуб.

– Эй! – воскликнула Аня, выхватывая у него и этот неожиданный подарок.

Илюша секунду смотрел на нее удивленно, а потом все-таки разразился криками.

– Я прошу прощения! – сказал пожилой человек.

– Разве можно что-то давать чужим детям на улице? Тем более такие мелкие игрушки! – с возмущением ответила Аня. – Они же могут их проглотить.

– Прошу прощения! – повторил мужчина, и искренность в его голосе немного охладила Анин пыл. Она посадила сына в коляску, протерла ему руки влажной салфеткой и дала новое круглое печенье из пачки.

– Я очень люблю детей. Ваш малыш такой красивый и похож на меня.

– Простите? – Аня с удивлением выпрямилась.

– О, уже плохо говорю по-русски. Я учился в Ленинградском университете, давно. Давно не был в России.

Аня рассеянно улыбнулась. Ей хотелось уйти, но мужчина, очевидно, был не прочь поговорить и все смотрел на Илюшку, который успокоился и сосредоточенно грыз печенье. В это время Локи, вынырнувший из кустов, приблизился к незнакомцу и осторожно его обнюхал. Мужчина нахло-

нил к собаке и погладил ее, казалось не испытывая никакого опасения. При этом он почему-то согласно кивал. Потом он снова переключил внимание на ребенка, не переставая улыбаться:

– Я родом из Пусана, это Республика Корея. Ваш мальчик показался мне похож на корейца.

Аня почувствовала, как слабая улыбка сползает с ее лица. Она испуганно посмотрела на странного собеседника и непроизвольно крепче сжала ручку коляски.

– Вы ошибаетесь! У меня никогда не было знакомых корейцев. А отец моего сына... он родом из Хакасии.

– Хакасии? – удивился незнакомец.

– Да, – коротко ответила Аня. – Извините, нам пора.

Она развернула коляску и очень быстро пошла по аллее с тяжело и гулко бьющимся сердцем.

На выходе из парка Аня оглянулась, но пожилого корейца уже не было, и никаких других подозрительных людей она не заметила. По дороге домой Аня все время оборачивалась, пока не поймала себя на мысли, что ведет себя глупее некуда. Настя наверняка сказала бы, что так недалеко и до паранойи.

Дома, занимаясь Илюшей и домашними делами, Аня постоянно прокручивала в памяти неожиданную встречу. Чем больше она думала о пожилом корейце, тем подозрительнее он ей казался. Для этой подозрительности не было никаких объективных причин, хотя стоило признать, что подспудно любой человек азиатской внешности всегда представлялся

ей потенциально опасным. Больше всего на свете Аню пугала мысль, что ее секрет будет раскрыт и существование Илюши свяжут с именем Дам Рёна. Настя убеждала подругу в необоснованности этих пустых страхов. «Ну сама подумай, кто о тебе знает? Кому ты сдалась? Три года прошло, все быльем поросло. Живи уже спокойно». Эти увещевания успокаивали Анну на время, но где-то в глубине души, вопреки всем доводам разума и логики, все равно ворочалась необъяснимая тревога, страх, что однажды ее найдут ненавистники или фанаты Дам Рёна и грубо вторгнутся в ее хрупкий мир.

Уже поздно вечером, долго лежа без сна, она все-таки убеждала себя, что ничего страшного не произошло. Пожилой кореец на самом деле был обыкновенным заезжим туристом. Однако, едва уговорив себя на такой вывод, Аня вдруг осознала, что гулял он отнюдь не в туристическом месте. Эта пугающая мысль заставила ее сесть на постели. Сердце снова начало тревожно биться. Неужели это начало того, чего она так боялась? Не в силах оставаться на месте, Аня встала, взглянула на спящего в кроватке Илюшку и пошла на кухню кипятить чайник. Она стояла у плиты, слушала, как медленно закипает вода, и старалась успокоиться. По факту, убеждала она себя, ничего особенного не произошло. Незнакомец сказал, что Илюша похож на корейца, потому что он сам кореец. Возможно, китаец тоже нашел бы между собой и ее мальчиком что-то общее. В конце концов, русской крови в

Илюше почти совсем не заметно – разве что кожа у него такая же светлая, как у Ани, но это все. Так ей казалось. Во всяком случае, в разговоре с незнакомцем она не произнесла ничего, что могло бы ее выдать или даже намекнуть на то, что она так тщательно оберегала. Вздыхая и хмурясь от этих назойливых мыслей, Аня выпила чай, почти не чувствуя его вкуса, и побрела обратно в комнату. Там она выглянула в окно, всматриваясь в августовскую ночь, но освещенная улица перед ее домом была пустынна, а за границей фонарного света можно было угадать лишь темные очертания деревьев и кустов. Аня задернула занавеску и несколько минут стояла опустив голову. Наконец она подошла к книжному шкафу и остановилась перед фотографией Дам Рёна. Некоторое время назад Аня распечатала эту фотографию из интернета и поставила в простой металлической рамке среди книг. Сейчас девушка несколько мгновений смотрела на снимок, потом, приняв решение, вынула его из рамки и засунула между стенкой шкафа и вторым рядом книг. «Паранойя...» – проворкотала она, но это действие немного ее успокоило.

Анины дни пролетели в заботах, но пожилой кореец по-прежнему не шел из ее головы. Он незримо присутствовал с ней, когда она сидела долгую очередь в роно за направлением в ясли, когда ездила в детский сад оформлять зачисление, когда заскочила в редакцию в преддверии своего скорого возвращения. Она возила Локи к ветеринару, Илюшку – в поликлинику, и ей нужно было купить хотя бы одну-две

обновы к выходу на работу, но с мыслями обо этих и сотне других важных дел ее не оставляло и воспоминание о той мимолетной встрече.

Сложно было сказать, что тревожит Аню больше – ничем не оправданный страх быть обнаруженной пронырливыми репортерами (Настя нет-нет да рассказывала, что негативные публикации о Дам Рёне по-прежнему в топе горячих новостей, которыми пробавляется желтая пресса) или призрачная надежда на то, о чем она даже боялась думать. Раздраженная, недовольная собой, Аня стала замечать, что необъяснимое нервное напряжение последних нескольких недель перешло в следующую стадию – бестолковую суетливость. Она чувствовала себя не способной усидеть на месте – целыми днями крутилась как заведенная, а вечерами, уложив Илюшку, ходила по квартире, что-то двигала, переносила, переставляла предметы. Все вместе это грозило вылиться в нервный срыв, и точно – в один из дней у нее начал дергаться глаз. Аня закрыла его ладонью и засмеялась. Смех вырвался совершенно истеричный. Осознав это, девушка рассмеялась уже по-настоящему. Отсмеявшись, она долго сидела, недоумевая и потешаясь над собой, а затем встала, умылась, вернулась в комнату и достала из-за книг фотографию Дам Рёна. Фотография вернулась на законное место, а Аня уселась за ноутбук и забила в поисковик название одного из популярных русскоязычных порталов об азиатском шоу-бизнесе. Через полчаса она заварила себе чай, нарезала бутербродов, и

пока за окном не забрезжил бледный рассвет, спать не легла.

Этот спонтанный марафон подействовал отрезвляюще. В последнее время Настя не часто снабжала ее новостями, а сама она не стремилась их узнать, так что теперь поток информации привел ее в смятение. Она подолгу читала цепочки комментариев и сообщений на одну и ту же тему или рассматривала картинки, по большей части фотографии последних концертов, прошедших в Японии. Новостям и фотографиям предшествовало сообщение, что к своему дню рождения Дам Рён выпустил фотобук «Everyday» – 160 страниц с фото и собственноручно написанными эссе. В комплект вошли альбом с фотографиями, охватывающий период с его дебюта по настоящее время, открытки, закладки и DVD с записью съемок последней фотосессии. Презентация фотобука состоялась на популярной интернет-платформе. Кроме того, представители Дам Рёна анонсировали автографсессию, которая, начиная с ноября, пройдет в три этапа – в Бангкоке, Осаке и Сеуле.

Выплыла новость об интервью журналу «POSH Magazine Thailand» и фотосессии для этого журнала с использованием одежды популярной тайской марки из коллекции осень/зима. Статья содержала всего лишь несколько цитат, зато фотоматериал был представлен богатый. Скоро на глаза Анне попало нечто по-настоящему интересное – новость почти годичной давности, но куда более содержательная.

«Дам Рён из 6BF – читала Аня, – вернулся в Корею после

концерта в Канаде, где представил финальное мероприятие американского тура, проведенного в поддержку его предыдущего альбома, «Heavens Above Us»^{10*}, в нескольких городах США, Кубы, Мексики и Колумбии.

В эксклюзивном материале «The Korea Herald» бывший участник 6BF рассказал о своей карьере, а также впервые сделал откровенные признания о периоде судебных тяжб с бывшей девушкой, упомянув о сложностях того времени. Он откровенно признался, что был растерян и долго не знал, стоит ли ему продолжать бороться за свое будущее в профессии или лучше найти другую работу. К счастью, решение было принято благодаря любви и поддержке поклонников, которые не переставали верить в него и поддерживать. Дам Рён удивительно трогательно признался в сердечной благодарности всему многонациональному дому PUnsa. Он еще раз принес им извинения за то, что по его вине им пришлось пережить.

Продолжая разговор, Дам Рён отметил: избавиться от ярлыка «кей-поп-айдола» было непросто. Сейчас он считает себя больше похожим на обычного сонбэ^{11**} из колледжа, а не айдола. Он сказал: «Моим главным делом в жизни остается музыка. Я отдаю ей много сил. Мои мысли и чувства находят в ней полное выражение. Я счастлив делиться своими эмоциями с людьми. Делиться переживаниями и сомне-

¹⁰ * *Heavens above us* – небеса над нами (англ.).

¹¹ ** *Сонбэ* – аналогично японскому «сэмпай», старший коллега.

ниями, моей любовью и радостью от каждого нового прожитого дня, что бы он мне ни уготовил. Я счастлив возможности стоять на сцене. Оглядываясь назад, я не испытываю сожалений. Все, что мне нужно было делать, это продолжать прилагать усилия и жить полной жизнью. Так я и поступал. Были взлеты и падения, но я благодарен за то, что прошел через это».

Одетый в простую темно-синюю рубашку из последней коллекции «Juun. J», айдол, превратившийся в музыканта, выглядел расслабленным и спокойным. Он упомянул о собственном ютьюб-канале, где публикует видео, фиксирующие его повседневные занятия. Канал насчитывает большое число подписчиков, которые отмечают открытость и юмор своего кумира. Дам Рён не стесняется показывать фанатам свое лицо без грима и делиться личной информацией, по-прежнему оставляя закрытой от общественности только частную жизнь.

Выражая надежды на будущее, Дам Рён признался, что хочет выпускать больше новых песен и чаще бывать на фестивалях, поддерживая связь со своими фанатами через новые возможности и проекты. Певец также дал понять, что его давняя мечта выступить с симфоническим оркестром может скоро воплотиться в жизнь. Он просил следить за новостями и быть готовыми к приятным сюрпризам.

Говоря о запланированном на середину года туре по Японии, Дам Рён очень тепло отозвался о своих японских по-

клонниках. Певец выступал в Японии два года назад в рамках своего мирового тура «Flying»^{12*} – в Токио и Осаке. На этот раз поклонников ждет полномасштабное шоу, которое охватит восемнадцать городов страны и завершится грандиозным мероприятием в зале Иокогамского национального университета в префектуре Канагава. Для этого концертного тура Дам Рён сам спродюсировал музыкальное видео, песни, различные визуальные эффекты и многое другое для фанатов, которые ждали его возвращения больше четырех лет. На вопрос о запланированных мероприятиях в Сеуле он поделился надеждой встретиться с корейскими поклонниками на двух концертах, которые пройдут в преддверии его дня рождения в зале YES24 в Кванджингу, а также на рождественском фанмите в одном из клубов Итэвона.

Рассказ о насыщенном графике позволил вспомнить о недавно облетевшей Сеть и вызвавшей много откликов фотографии. На ней артист запечатлен после выступления, уснувшим в неудобной позе на заднем сиденье машины. Смущаясь, Дам Рён сказал, что время от времени появляются такие фотографии, хотя он не может понять, зачем это снимают. «Данная фотография была сделана и размещена агентством, возможно для того, чтобы люди помнили, что я тоже живой человек, а не безупречный айдол, и, может быть, кто-то найдет в этом смысл».

Подводя итоги, Дам Рён выразил свою привязанность к

¹² * *Flying* – летящий (англ.).

бывшим участникам группы Six beautiful flowers. «Мы до сих пор поддерживаем связь, хотя видимся нечасто. Я рад успехам ребят, слежу за развитием их карьеры, и, конечно, я буду в числе тех, кто через восемь месяцев поздравит нашего макнэ^{13*} Юнху с возвращением из армии. Я не уверен, что мы воссоединимся как БВФ, но у меня есть ощущение, что однажды мы обязательно соберемся вместе, вшестером», – сказал он.

Аня несколько минут сидела в задумчивости, хотя мысли ее не имели никакого определенного направления – они были разрозненны и хаотичны. Эмоции оказались более определенными – она испытывала удивление от прочитанного. И не только. Она испытывала тревогу и щемящее, совершенно иррациональное чувство потери. Память хранила образ Илюши, слишком далекий от образа Дам Рёна из этой статьи. Впервые Аня спросила себя: зачем и кого она продолжает ждать? А в том, что она именно ждет, не было сомнений. Никогда она не признавалась в этом Насте и даже самой себе, но упрямая и глупая вера в то, что однажды он вернется, жила и поддерживала ее силы. И вот теперь, случись такое, подумалось ей, кого она увидит? Кем он стал? Кем он был всегда? Ее ошеломила ужасная мысль, что Илюши не существует. Его нет в отмеренном ей судьбой пространстве и времени, а тот, кого она однажды видела и узнала, был всего лишь проявлением одной из сторон многогранной личности

¹³ * *Макнэ* – самый младший участник группы.

незнакомца Дам Рёна. Стороны тайной, слабой, уязвимой. Запрятанной глубоко от посторонних глаз.

Аня была далека от понимания вопросов аналитической психологии, но понимала очевидное: испытав серьезное потрясение в жизни, любой человек стремится найти тихую гавань и переждать бурю. Чистое небо над головой, покой и созерцание станут ему утешением, любовь, равная, а то и превосходящая по силе его горе, будет ему желанной отрадой. Но бури утихают, жизнь идет своим чередом, а мимолетные встречи остаются всего лишь тенью прошлого, пока под влиянием новых событий и впечатлений не поблекнут и память о них не исчезнет совсем. К ней наконец пришло осознание того, что она стала для этого человека давно истаявшим воспоминанием.

Аня остановилась у окна. Несколько раз она глубоко вздохнула, стараясь изгнать большую тяжесть из груди. Дождь, бесконечный холодный дождь, стучал по карнизу. За размытым стеклом не было ничего, кроме темноты. Даже окна соседних домов не светились привычным теплым светом. Аня взглянула на часы – слишком поздно. «Поздно...» – прошептала она и опять вернулась к ноутбуку.

Вслед за только что прочитанной статьей была размещена еще одна ссылка. Аня присела на стул и кликнула на нее.

Это был эмоциональный репортаж о концерте в Иокогаме – финальном и самом грандиозном мероприятии японского тура в июне этого года. Концерт транслировался на популяр-

ной интернет-платформе, привлек большую онлайн-аудиторию и, по словам автора, показал потрясающие изменения в мировоззрении музыканта, оставившего далеко позади зажигательные ритмы кей-попа. Было написано, что «Дам Рён подарил поклонникам со всего мира сказочные 120 минут, наполненные впечатляющими техническими эффектами и разнообразной музыкой – от лирических баллад, очень теплых и красивых, созданных в гармонии акустики и струнных, до рок-композиций и песен, глубоко пропитанных чувственными эмоциями соул и джазовой вокальной импровизацией». Не скупясь на эпитеты, репортер описывал удивительное единение музыканта и его поклонников, всей той огромной аудитории, которая имела возможность не только присутствовать на шоу, но и оставлять свои комментарии в открытом чате трансляции, выведенном на большом экране. «Сообщений, – читала Аня, – наполненных любовью, восхищением и благодарностью, было так много, что лента не останавливалась ни на секунду, и даже зрители в зале могли видеть, как много людей из других городов и стран мира приветствуют певца. Общему дому UInsa, без преувеличения самому сплоченному и самому преданному, удалось выразить чувство удовлетворения, счастья и гармонии. Дам Рён вернулся с твердыми целями. Среди поклонников артиста много тех, кто сопровождает его на протяжении лет, и тех, кто узнал его позже. И причина верности такого множества людей – не только его музыкальное дарование, его

внешность, его доброе сердце, отданное благотворительности, но прежде всего та магия, которой он делится с каждым. Эта магия вернулась вновь, понятная без перевода, которую все мы можем ощутить и по достоинству оценить».

– Что-то ты стала рассеянной, – как-то заметила Настя.

После почти трех месяцев семейной жизни и недавнего возвращения из свадебного путешествия она, казалось, пришла к своему обычному состоянию душевного покоя и несколько снисходительного взгляда на вещи. «Кипр, конечно, хорошо, – сказала она, вручая Анне презент из поездки. – Но по большому счету, все предсказуемо».

– Так и есть, – грустно улыбаясь, отвечала Аня.

Сегодня Настя забежала к ней передать гостинцы из Ропши – трехлитровую банку квашеной капусты и пару баночек варенья. Аня встретила ее вяло, нехотя поддерживала разговор, а теперь уже несколько минут, не поворачиваясь и не говоря ни слова, мыла посуду.

Настя стала замечать, что Аня в последнее слишком рассеянна – погружена в себя, не всегда отзывается и с первого раза понимает обращенные к ней слова. Нечто подобное уже происходило – вот так же вздыхала, маялась, блуждала окрест страдальческим взглядом или как будто полностью выключалась из действительности и смотрела в одну точку. В тот раз причиной такого поведения стала ошеломившая Настю новость о скором появлении ребенка. Надо признать,

было от чего впасть в прострацию. А теперь-то что?

– Ты меня слышишь вообще?

Аня оглянулась на подругу и снова повернулась к мойке.

Настя недоуменно хмыкнула.

– Помнишь, ты как-то сказала, еще до свадьбы, что поедешь в Сеул?

Настя перестала качать ногой и насторожилась:

– Я такое сказала?

– Я спросила тебя про медовый месяц, а ты сказала: «Не поехать ли мне в Сеул?» Я удивилась тогда. У тебя это прозвучало так обыденно и просто. Поехать в Сеул – как будто на выходные в Москву или к маме в Ропшу.

– И что? К чему ты клонишь? Ты собралась ехать в Сеул?

– Нет, я не собралась, – поспешно ответила Аня, намыливая тарелку. – Но, может быть, мне стоит это сделать? Ты будешь смеяться или, наверное, ругаться, но ведь никто не запрещает мне поехать туда и сходить на концерт.

– Что с тобой?

– Почему ты спрашиваешь? – с неожиданным раздражением огрызнулась Аня. – Ты меня осуждаешь? Считаешь меня дурой?

– Конечно, нет, – серьезно сказала Настя. – Но я... немного удивлена.

– Неужели?

– Если ты хочешь мой совет, – начала Настя после минутного размышления, – нет... если ты прислушаешься к моему

совету, я скажу тебе: лучше оставь эти мысли.

– Почему?

Настя недовольно поморщилась – верный признак того, что продолжать разговор не стоит. Но Аня выключила воду и, повернувшись, медленно и тщательно вытирала руки, явно в ожидании ответа.

– Ты ничего не знаешь? – наконец произнесла Настя, понимая, что Аня не отстанет.

– Что я должна знать?

На этот раз Настя нахмурилась, глядя на подругу исподлобья.

– Что-то с Илюшей... – Аня осеклась.

Настя увидела ее лицо и с досадой цокнула языком:

– Ну в самом деле, сколько это может продолжаться?! Теперь еще и Сеул ни с того ни с сего! Может, и правда лучше тебе все рассказать?..

– Что рассказать?.. Ты что-то знаешь? С ним все в порядке?

– Еще как! – презрительно бросила Настя. – У него кто-то есть.

– Что?

– Неужели ты так и не читаешь новости о нем?

– Нет, я... не читаю, – пробормотала Аня.

В растерянности она отложила полотенце и села на стул.

– Пожалуйста, расскажи, что тебе известно.

– Слушай, я не в курсе подробностей...

– Прошу тебя.

– Ну хорошо. Только обещай мне... Ладно! – с досадой процедила Настя. – Это произошло с месяц назад. Была какая-то большая тусовка, то ли награды раздавали, то ли еще что-то в этом роде, – короче, все в костюмах и вечерних платьях. И был там в составе суперпопулярной группы один паренек, о котором недавно стало известно, что у него имеется подружка, и даже будто он жениться собирается. Ну, для оголтелых фанатов такие новости – сама понимаешь... Они реально взъярились, стали его жестко троллить, объявлять бойкоты, писать гадости, вплоть до того, что потребовали от агентства вышвырнуть его из группы... Агентство бросилось оправдываться, обещало разобраться в ситуации. В общем, полный дурдом!

– А при чем здесь Илюша?

– Он подошел к этому бедолаге и сфоткался с ним, хотя они разве что шапочно знакомы. Потом выложил фотографию у себя на странице с поздравлениями и пожеланиями счастья, а также написал, что надеется получить от этого парня... как там его?... поздравления и в свой адрес, потому что он тоже очень счастлив.

– Но ведь это не обязательно значит...

– Не будь дурочкой! Такие заявления просто так не делаются. Тем более зная, какие фанаты впечатлительные, и зная, насколько закрыт на эту тему Дам Рён. Его паблик чуть не лопнул от комментариев. Сыпались, как в онлайн-трансля-

ции. Все и думать забыли про горе-жениха. Ленты таблоидов запестрели новыми заголовками. На следующий день его агентство выступило с официальным заявлением. Эффект был такой, будто небо на землю упало. Любопытное зрелище... Никогда мне не понять этих странных азиатов!

– И все-таки его слова...

– Аня, он публично признал отношения. Через какое-то время в Гонконге у него проходила пресс-конференция в связи с премьерой фильма. Народу набилось тьма-тьмушная. На «Ютубе» все выложено, можешь посмотреть. Там его прямо спросили, и он прямо ответил, дословно – есть девушка, мысль о которой делает его счастливым. И да, они в отношениях. При этом видела бы ты его лицо! Он просто лущился радостью.

– Она тоже актриса?

– Не знаю, – раздраженно бросила Настя, вдруг пожалев о сказанном. – Ее имени он не назвал. Да и какая тебе разница? Какая-нибудь Чон На, Хан Би, Сон Ми, или как там у них полагается... А может, в Китае кого присмотрел, пока снимался. Какую-нибудь актрисульку себе под стать.

Некоторое время Аня сидела молча, устремив взгляд за окно.

– Он сильно пострадал после этого?

– Пострадал? – изумилась Настя.

– Эти люди так жестоки к своим кумирам. Не могут принять того, что они тоже бывают одинокими и слабыми, что у

них есть чувства. Не прощают любви...

Настя скосила на подругу подозрительный взгляд, но не заметила на ее лице сильных эмоций. Аня была спокойна и печальна.

– Знаешь, сейчас он достиг такого положения и возраста, что, мне кажется, ему это сойдет с рук. Тем более он мужчина с прошлым. Не желторотый мальчишка, от которого пищат экзальтированные девчонки-юниорки и которого агентство может дергать за ниточки. Его фандом многое с ним пережил. Они ему простят.

– Ты стала так хорошо в этом разбираться? – усмехнулась Аня.

– Большого ума здесь не надо.

Настя осторожно дотронулась до Аниного плеча:

– Отпусти его. Это действительно конец.

Аня вздохнула и, повернувшись к Насте, улыбнулась:

– Да, так и есть. Почему я вдруг опять задумалась об этом? Так глупо. Я желаю ему счастья. На самом деле, искренне... Хорошо, что ты все рассказала. Признаться, в глубине души оставалась крохотная надежда. Один день... Что он значит по сравнению с теми годами, что прошли? Глупая, глупая... – Из глаз полились слезы, но некоторое время Аня не замечала их. Потом утерла тыльной стороной ладони и снова улыбнулась.

– Вот честное слово, так хочется иногда тебя стукнуть! – сказала Настя.

– Не переехать ли мне в другой город?

– Что?

– Или квартиру поменять?

– Господи! Я тебе поражаюсь! От перемены места жительства тараканы из твоей головы не разбегутся.

– Нет, ты не права. Мне хочется перемен. Надо обязательно что-то сделать! – Аня встала и энергично заходила взад-вперед. – Может, волосы отрезать? Или перекраситься радикально. Ярко-рыжий? В блондинку?

– Прыгни с парашютом, – усмехнулась Настя и моментально пожалела о брошенной в сердцах фразе.

– Точно! – воскликнула Аня. – Какая хорошая идея!

Именно это я и сделаю.

– Ты с ума сошла? – Настя тоже встала. – Ты же высоты боишься.

– С чего вдруг? – возразила Аня. – У меня вестибулярный аппарат слабый, укачивает быстро. Но к самолетам это не относится.

Настя посмотрела на нее недоверчиво, потом рассмеялась.

– Хочешь сказать, что подойдешь к открытой двери самолета и выпрыгнешь? Я скорее поверю, что этот твой балбес Илюша переедет в Россию и будет петь по кабакам, чем в такую чушь!

Аня вдруг тоже рассмеялась. Это был веселый и очень заразительный смех. Настя смотрела на нее со все возрастаю-

щим удивлением.

– Так. Это надо провернуть на каких-нибудь выходных. Можно и в рабочий день, пока Илюшка в садике, но хорошо бы тебе поехать со мной. Для моральной поддержки.

– Уж будь уверена, такой аттракцион я не пропущу, хотя все это бред. Ты сейчас не в себе.

Аня посмотрела на Настю открытым ясным взглядом:

– Не хочешь тоже прыгнуть?

– Нет, спасибо. И тебе не советую развивать эту тему. Предупреждаю, если ты все-таки залезешь в самолет, а там сдрейфишь, я эту умору по гроб жизни не забуду!

Настя думала, что Аня, трезво поразмыслив, откажется от своей нелепой затеи, но скоро поняла, что ошиблась. Аня с завидным усердием изучила вопрос, проштудировала сайты компаний, предлагающих соответствующие услуги, прочитала комментарии и отзывы и наконец выбрала место и время для своего судьбоносного прыжка. Настя посмеивалась над ней, а когда поняла, что все зашло достаточно далеко, махнула рукой и решила: будь что будет.

В аэроклуб они отправились в последний день августа. «Последний день моего декретного лета», – пошутила Аня, ранним утром садясь с Илюшкой в Настину машину, и они поехали в Гатчину.

Всю дорогу Аня была чрезвычайно возбуждена. С горящими глазами она говорила о предстоящем событии, шути-

ла и смеялась. Она демонстрировала откровенный нервный мандраж, который проявлялся в неудержимом потоке слов и ярком румянце, окрасившем щеки. Настя только поддакивала подруге, совершенно не стараясь вникать в ее лихорадочную болтовню, и размышляла, что, в общем-то, прыжок с парашютом не такая уж бредовая идея. Аню давно следовало хорошенько встряхнуть, а что может быть радикальнее выбранного способа? «Когда она сверзится с небесной выси и, дай бог, благополучно приземлится, мозги ее наконец встанут на место», – пришла она к заключению.

На аэродром приехали чуть раньше назначенного времени. Выйдя из машины, сразу же увидели небольшую группу людей, которые обсуждали предстоящий полет. Новичков сегодня было всего двое: Аня и долговязая девица, окруженная компанией подтрунивающих над ней друзей. Настя пожелала Анне удачи и, забрав Илюшку, удалилась с поля. Аня проводила ее бодрой улыбкой и присоединилась к парашютистам-любителям, ловя каждое сказанное ими слово.

Минут через двадцать, сполна наслушавшись историй о прыжках, Аня встала в очередь на прохождение медосмотра. К счастью, он закончился довольно быстро. После этого состоялся часовой инструктаж, который проводил крепкий коренастый человек по имени Семен. Этот инструктор Семен оказался словоохотливым и добродушным малым. Он подробно объяснил, что такое прыжок с парашютом, и рассказал несколько забавных историй. Аня невольно подума-

ла, как бы ей самой не стать героиней забавной истории, которую потом расскажут новичкам. Большую часть времени Семен посвятил действиям парашютиста в нештатных ситуациях – приземлении на водную поверхность, автостраду или линию электропередач.

– Вопросов нет? – бодро заключил он.

– Есть, – робко отозвалась долговязая девица. – Это очень страшно?

– Конечно, – улыбнулся Семен, – что абсолютно нормально. Сделать шаг в бездну без сомнения и ужаса? Это невозможно. Но несколько секунд наедине с небом сотрут из вашей памяти все страхи. Останется только восторг и абсолютное счастье.

Аня внутренне подобралась – ей обещали восторг и абсолютное счастье. Ради этого стоило рискнуть.

Правда, подготовка к полету на этом не закончилась. Следующий час посвятили практическим занятиям. Анне пришлось забираться на трамплин и прыгать оттуда, чтобы как можно лучше прочувствовать, по выражению Семена «отделение от самолета и приземление». Карабкаясь очередной раз на трамплин, Аня старалась не смотреть на небольшую компанию, удобно расположившуюся за ограждением, – стоя среди наблюдавших за подготовкой, Настя и Илюшка махали ей всякий раз, когда она оказывалась наверху, а потом падала вниз, «как мешок картошки», – так прокомментировала впоследствии Настя, ничуть не заботясь о чувствительном

самолюбии подруги.

Наконец, после основательного инструктажа, уже подготовившего Анину уверенность в благоразумности всей затеи, начались более волнующие события – на нее и других участников группы надели парашюты. Словосочетание «десантные парашюты» почему-то вызвало у Ани испуганное удивление, но размышлять об этом долго не пришлось. Очень скоро после этого всю компанию привезли на поле и погрузили в самолет АН-2, сразу впечатливший Аню – на борту большими буквами было написано «Родина», а на хвосте красовалась красная звезда.

Пока железная птица набирала высоту, Аня смотрела в иллюминатор как замороженная. Бирюзовое небо, причудливо-перистые облака, озаренные солнцем, —неописуемая красота... И тут Аня впервые за это утро осознала, что через несколько минут она окажется по другую сторону иллюминатора. Ее обуял почти неконтролируемый страх – сердце забилось, как у пойманного в силки зайца; казалось, вот-вот выскочит. Инстинкт самосохранения наконец проснулся, но отступить было уже некуда. Где-то в животе противно заныло, а голову заполнил туман, и в эту минуту Аня искренне пожалела, что решила прыгать одна, а ведь сегодня кто-то знающий говорил, что первый прыжок лучше всего совершить в тандеме с инструктором. Самолет в таком случае взлетал гораздо выше, и падать приходилось дольше, но парить в небе, чувствуя за спиной надежного и опытного че-

ловека... как Аня сейчас мечтала об этом!

Нервно облизнув губы, девушка кинула взгляд на своих попутчиков. Даже бывалые парашютисты как будто притихли. Многие из них вцепились пальцами в ремни подвесной системы парашюта. Лица у всех были серьезные – шуточки и подтрунивания остались на земле. Совершенно неожиданно пилот сигнализировал выпускающему, что выброска разрешена. Немедленно какой-то человек поднялся со своего места и открыл дверь. Аня подумала, что сейчас она умрет. Ее охватила такая сильная дрожь, что, взглянув на свои руки, она увидела, как они трясутся. Тряслись и колени, во рту пересохло. В открытый люк ворвался поток ветра, но он не смог освежить ее несчастную голову, которая вдруг ощутила всю тяжесть шлема. Словно во сне Аня увидела, как один за другим ее соседи подходят к открытой двери, замирают на секунду и проваливаются в бездну. Когда очередь дошла до нее, она поднялась на ватных ногах, посмотрела безумным взглядом на выпускающего. Она смутно уловила, что он говорит что-то ободряющее, а потом поняла, что, не на шутку встревоженный ее очевидной паникой, он предложил ей остаться в самолете. Аня мотнула головой, не в силах разжать зубы и ответить. Она глянула вниз – далекая земля, безумно далекая земля, в самом деле была похожа на лоскутное одеяло. Уже в стороне, отнесенные ветром, медленно плыли несколько белых куполов. Аня глубоко вздохнула, занесла ногу, но не шагнула, а свалилась за дверь.

Сердце подскочило к горлу – это было в миллион раз хуже, чем падать с виража самой высокой американской горки. В Анину память навсегда врезался силуэт удаляющегося самолета, в то время как она сама спиной падала в пропасть. Несколько мгновений она почти не соображала. Потом все чувства обострились, и Аня с необыкновенной ясностью осознала, что под ногами у нее ничего нет кроме ослепительного неба, а земля далеко. В ушах со страшной силой свистел ветер. Сердце будто сошло с ума и билось где-то в голове. Страх несчастной мятущейся души, потерявшей опору и надежду, словно воплотился наяву, стал настолько реален и осязаем, что девушка зажмурилась, и в ее потрясенном сознании вдруг мелькнула яркая и острая как бритва мысль – не раскрывать парашют. Время, чтобы дернуть кольцо, было упущено. Но Аня не успела осознать это. В следующую секунду ее с силой рвануло вверх – защитный механизм сработал исправно, и солнце, бьющее в глаза даже сквозь защитные очки, закрыл купол развернувшегося парашюта. Аня машинально вскинула голову и, вспомнив инструкции, дрожащими пальцами разблокировала красную стропу на запаске. Она парила в небе, уносимая ветром, но уже с гораздо меньшей скоростью. Безумный калейдоскоп остановился – все вокруг обрело четкие очертания, и последние несколько секунд Аня как замороженная смотрела на развернувшуюся перед ней панораму. Ее окружало бездонное синее небо. Небо над ее головой. Небо вокруг нее. Аня вздохнула полной

грудью и вдруг с сожалением осознала, как стремительно ее влечет вниз. Лишь на короткий миг она ощутила бескрайний простор вокруг себя, увидела невероятную небесную ширь, которая заставила ее пугливое сердце сжаться, а душу – возликовать, и земля была уже под ногами.

Приземление оказалось довольно чувствительным. Пережитое потрясение напрочь вымело из Аниной головы все заученные инструкции – она сгруппировалась лишь в последний момент и больно ударилась коленями о поверхность, завалилась набок, и несколько метров ее по инерции тащило по земле.

Наконец движение остановилось. Аня не сделала попытку встать или даже выпутаться из парашютных строп, она всего лишь перевернулась на спину и лежала, глядя в небо. Ей не хотелось даже шевелиться, но в одиночестве она оставалась недолго – к ней подбежали и заставили подняться. Опытные руки освободили ее от парашюта, она сняла шлем, защитные очки и только тогда осознала в полной мере, что совершила прыжок почти с тысячи метров.

Дальнейшие события запомнились ей уже не так хорошо. По прошествии времени она могла вспомнить лишь возбужденные голоса своих товарищей по полету, громкий смех, эйфорию и облегчение, а еще – улыбающееся лицо инструктора Семена, который поздравлял их и вручал новичкам «Свидетельство парашютиста».

Настя похлопала Аню по плечу и с интересом покрутила

в руках выданный документ.

– Ну, я тебя поздравляю, – сказала она. – Со стороны выглядит красиво, конечно, но сама бы я ни за что не рискнула.

В ответ Аня лишь слабо улыбнулась.

Прихрамывая она добралась до машины и с трудом забралась на свое место.

– Что-то я не вижу на твоем лице восторга и счастья, – заметила Настя, пристегивая ремень безопасности и заводя мотор. – Не понравилось, что ли? Или не сработало?

Аня не ответила. Она не отрываясь смотрела, как здание аэродрома, тренажеры и вышки для парашютистов остаются позади, пока не повернули на трассу и Настя не нажала на газ.

– Удивительное ощущение, – вдруг сказала Аня. – когда у тебя под ногами ничего нет. Пустота, никакой опоры, ты падаешь все ниже, ниже... Знаешь, горизонт на самом деле круглый, а на границе неба и земли – солнечная дымка. И тени... так причудливо падают тени.

Настя усмехнулась:

– Красота! Так тебе понравилось или нет? Может быть, еще раз захочешь прыгнуть?

Аня покачала головой и снова надолго замолчала.

Они ехали в плотном потоке автомобилей. За окнами не было ничего примечательного – трасса, редкие строения, вильнувшая и ушедшая в сторону железнодорожная колея, узкие лесопосадки вдоль дороги и поросшие травой равни-

ны.

– О чем ты думаешь? – спросила Настя.

Аня вздохнула.

– Думаю, что я разочарована в себе. Да, как-то все это жалко выглядит со стороны, разве нет? Я собой недовольна. Совсем.

– Ты слишком увлекаешься самоедством. Вот что мешает тебе просто жить и радоваться? Зачем эти крайности? Сегодня парашют, а завтра что тебе взбредет в голову? Толку-то, как вижу, нет.

– Вот именно, – поддержала ее Аня. – Толку нет. Вообще я долго думала, какой во всем этом был смысл? Какие уроки я должна была усвоить? Что в себе изменить? И пришла к выводу, что нет никакого смысла. Разве я стала другой? Поумнела или опыта набралась в чем-то? Да нет... Это просто жизнь. День за днем. Тривиальный сюжет. Жизнь, оказывается, банальная штука, ты не замечала? И я сама как героиня нелепой истории, вроде «Ожерелья» Мопассана. Это все равно что одолжить на один вечер драгоценное кольцо, а потом всю жизнь расплачиваться за его потерю. Выплатить сполна, все до последней слезы, до последней капли пота, – и узнать, что утраченная драгоценность была фальшивкой.

Аня засмеялась. Настя смотрела на нее без улыбки.

– История в «Ожерелье» очень трагична.

– А по-моему, это смешно. Глупо и смешно. Пошлая жизнь глупого человека, что может быть комичнее?

– Возможно, твой внезапный цинизм? – скривила губы Настя. – Такие рассуждения и это выражение лица совсем тебе не идут.

– Мне следовало лучше заботиться о себе. К сожалению, у меня глупое сердце и совершенно нет здравого смысла. Иногда я представляю себя сидящей за высокой стеной, в таком, знаешь, индивидуальном донжоне, который защищает меня от всего, что способно задеть извне. Из этой позиции очень просто наблюдать за жизнью. Она течет мимо тебя, течет...

– Ах вот оно что! А говоришь, уроков не извлекла. Тебя, как я посмотрю, можно поздравить. Нашла способ закрыться и взирать на все с холодным равнодушием? – Настя еще раз коротко посмотрела на задумчивую Аню, а потом заявила: – Знаешь что, детка? Твоя проблема в том, что у тебя действительно нет ни капли здравого смысла – ты даже саму себя не способна обмануть. Жалкое создание! Никогда не пойму и не приму причину твоих душевных изломов, но ты глубоко ошибаешься, полагая, что защищена в этой своей эфемерной крепости... Какая чушь! О чем ты заставляешь меня говорить? Надеюсь, это не заразно. Еще, чего доброго, заделаюсь поэтом или сентиментальным мечтателем. Вся эта образность, ты знаешь, не для меня. Но если тебе удобней справляться с пошлой жизнью, сидя в воображаемом донжоне, да бога ради! Я уж точно не стану тебе мешать. В конце концов, у каждого человека должно быть в душе тайное убежище. Да хоть меня взять. Мое убежище напоминает цветущий сад.

щий сад и забито очаровательными вещами. Я люблю представлять себя в кресле-качалке, греющейся на солнце, попи- вающей чаек из фарфоровых чашечек и поглядывающей из- под широкополой шляпы на пасторальные пейзажи... Смеш- но? Во всяком случае, это лучше, чем прятаться за вообра- жаемым глухим забором и бичевать свою грешную душу.

Аня молчала, не зная, что ответить, но Настя даже не об- ратила на это внимания. Она больше не отрывала взгляда от дороги. Ее встревоженное еще минуту назад лицо приняло привычное выражение.

– Ты нагородила больше, чем я способна переварить. Ты же знаешь, я всегда готова поговорить с тобой на любые те- мы, даже высокодуховного содержания – о смысле жизни, из- влеченных уроках, о карме и предопределении, о поисках са- моё себя, но поверь мне, все это такая дичь, в которую не сто- ит углубляться. Там, где другой блеснет в поверхностной ин- теллектуальной риторике, ты увязнешь по уши. Просто жи- ви свою жизнь и радуйся тому, что имеешь. Ты ведь всегда находишь, за что быть благодарной.

– Ты любой пафос сведешь на нет, – проворчала Аня.

– Избави меня боже от драматичных мизансцен! – в при- творном испуге воскликнула Настя.

Илюшка пошел в садик, и садик ему не понравился. Две недели Аня забирала его в одиннадцать утра, стремясь при- учить сына к новому этапу в его жизни постепенно, но ни-

чего хорошего из этого не выходило. Едва они приходили в группу, Илюшка начинал плакать. Материнское сердце обливалось кровью всякий раз, когда Аня оставляла сына и торопливо закрывала за собой дверь. Через две недели воспитатели сообщили родителям, что дети более-менее адаптировались и теперь ясельная группа вошла в привычный рабочий режим, так что Аня получила возможность официально вернуться на работу.

Возвращение ее вышло не таким радужным, как представлялось. Первые недели душевного подъема сменились привычной рутинной и суетой. За два с лишним года Аня отвыкла от сидячей работы. Ей было тяжело проводить целые дни за монитором компьютера. Спину к концу дня ломило, а от усталости все чаще болели глаза. Ее угнетала однообразная картина за окном – серые дома, серый асфальт, серое небо, – затяжная осень сыпала унылыми дождями, и последние краски ноября постепенно выцветали, жухли и облетали последние листья с оголившихся деревьев. Город чем дальше, тем больше погружался в тусклые сумерки, пока наконец не настало время, когда бледный свет низкого и холодного солнца появлялся лишь на несколько коротких часов.

Каждый Анин вечер проходил однообразно. Иногда, устав от темноты за окном и навалившихся забот, она бросала все дела и устраивала себе и Илюшке дискотеку. Включала погромче глупые, но заводные песни и принималась скакать и прыгать под музыку, пока в изнеможении не падала на диван

под громкий Илюшкин смех и возмущенный лай Локи.

Однажды выдался особенно утомительный день, и он не заладился с самого утра. Проснувшись около шести часов, Аня принялась за дела, оставшиеся с вечера, за которые, если честно, и не хотела браться. На кухне скопилась гора посуды, по большей части какие-то кастрюли и чашки. Наскоро перемывая их, Аня уже в который раз дала себе зарок подкопить денег и купить наконец посудомоечную машину – ежедневная необходимость стоять у раковины выматывала ее больше всего и отнимала уйму времени. Справившись с посудой, она принялась гладить свои и Илюшины вещи на сегодня, потом вдруг вспомнила о необходимости положить в Илюшин детсадовский шкафчик запасные колготки и смену белья, вернулась в комнату и стала в потемках искать их в комод. Илюша зашевелился спросонья, захныкал, но он мог поспать еще несколько минут, так что Аня тихонько убаюкала его и вернулась на кухню. Здесь она в который раз наткнулась на Локи. Тот держал в зубах свой поводок, красно-речиво намекая на необходимость выйти с ним на прогулку. Сунув ноги в кроссовки и накинув первую попавшуюся под руку куртку, Аня пошла выгуливать собаку. Очутившись на холодном сыром воздухе, она очень быстро замерзла и не могла согреться еще долго, даже когда вернулась домой и по второму разу вскипятила чайник. Неожиданно она вспомнила, что забыла вымыть голову, и последние оставшиеся у нее четверть часа ушли на мытье, сушку и торопливые сборы.

Илюшка капризничал, не хотел никуда идти, а когда она уже натягивала на него верхнюю одежду, заревел в голос и не успокаивался почти до самого детского сада. Времени катастрофически не хватало. Выскочив из дома, Аня свернула с асфальтированных тротуаров во дворы и следующие двадцать минут почти бежала, толкая перед собой коляску, которая дребезжала и прыгала по дорогам, размытым за ночь проливным дождем. Когда она добралась до яслей, уже начинался завтрак. Раздевая впопыхах сопротивляющегося сына, Аня поймала на себе недовольный взгляд воспитательницы: она выглянула на секунду из дверей и процедила сквозь зубы что-то, что, очевидно, должно было сойти за приветствие. Именно сегодня Илюша вел себя из рук вон плохо. Продолжив утреннюю истерику, он стал кричать в голос и падать на пол. Пока Аня его поднимала, усаживала, стягивала с него комбинезон и переодевала, ей стало ужасно жарко, она чувствовала, как пот течет у нее по спине, и единственным ее желанием было как можно скорее выбраться на улицу.

Взглянув на часы, Аня увидела, что еще чуть-чуть – и она опоздает на работу. Ведь как раз сегодня пятничную летучку назначили раньше обычного; если она задержится еще хотя бы на пять минут, ей придется бежать на метро, – о том, чтобы ждать на остановке транспорт, а потом еще, не дай бог, застрять в пробке, не могло быть и речи. Аня присела на корточки и начала уговаривать сына, сулить ему награду – потом, вечером, – если сейчас он успокоится и отпустит

ее, но Илюша был в ударе. Он ревел и жаловался, хватал ее за руки и за одежду. Аня в отчаянии посмотрела в открытую дверь группы, где воспитательница, переходя от стола к столу, что-то громко вещала притихшим детям. На выручку Ане пришла нянечка. Она вошла из коридора, неся объемные кастрюли с завтраком, на минуту скрылась из вида, а потом вернулась и решительным движением взяла Илюшу за руку. Он мгновенно замолчал. Это особенно изумило Аню. Пролепетав суровой на вид женщине слова искренней благодарности, Аня быстро поцеловала сына, совсем уж неожиданно получив в ответ чарующую улыбку на мокром от слез лице, и поспешно ретировалась.

Редакция кипела и бурлила. Ожидались какие-то высокие гости из столицы. Поговаривали, что грядет реорганизация, а то и закрытие издания, во всяком случае сокращение штата – наверняка. Аня успела на утреннее совещание, но сидела как на иголках, слушая выступающих и постепенно приходя в оторопь от предстоящих перемен. «Илюше еще нет трех лет, и меня пока не тронут, – лихорадочно думала она, – но следующим летом, если дела будут так же плохи, наверняка заставят изменить условия договора, а то и совсем уволят... Да и сейчас смогут, если захотят!» Немногим позже выпускающий редактор, созвав всех «своих» в курилку, конфиденциально поведал, что за каждым сотрудником установят негласный надзор, так что вопрос соблюдения трудовой дисциплины и эффективности на производстве перестает быть

умозрительным. Аня стояла здесь же, в облаке сигаретного дыма, и если и посмеивалась над привычкой начальника вычурно изъясняться, то в глубине души испытывала большую тревогу. До самого вечера ей пришлось разбирать дела, писать, переводить, сверять верстки, контролировать стажеров. Было уже начало седьмого, когда она поняла, что детский сад закроется через сорок минут.

Огромной бедой для Илюши было то, что его всегда забирали последним. За доброй частью малышей бабушки приходили сразу же после обеда и дневного сна, за остальными – около пяти часов, и только несколько человек оставались до самого вечера. Илюше всегда приходилось дожидаться маму в дежурной группе, куда после шести приводили оставшихся в саду детей. В хорошую погоду они гуляли на площадке, но сегодня, в холодный дождливый день, наверняка сидели в опустевшем здании. Выскочив из переполненного метро, Аня добралась до садика лишь в начале восьмого. Это было непозволительно поздно. За несколько шагов до калитки ее настиг звонок дежурного воспитателя, осведомившегося, скоро ли она явится. Аня взлетела по лестнице, и когда вошла в группу, Илюша сидел с насупленным видом в самом углу лавки и натягивал на голые ноги колготки. Рядом всюю шла уборка, а воспитательница, уже полностью одетая, стояла в дверях.

– Я прошу прощения, – пробормотала Аня.

– Детский сад работает до семи часов, – сказала женщи-

на. – Вы единственная, кто постоянно опаздывает!

Аня быстро одела Илюшу, еще раз пробормотала слова извинения и поспешила уйти. Едва очутившись на улице, Илюша сообщил, что хочет есть, и Аня вспомнила, что собиралась зайти в магазин – впереди выходные, и как-то разом в доме иссякли запасы круп и картошки, не осталось ни одного яблока, которые Илюшка так любил, да и много чего еще не помешало бы закупить. Дойдя пешком до большого сетевого супермаркета, Аня провела там не меньше часа: Илюшка долго бегал по детскому отделу, манящему цветными упаковками со всякой всячиной, потом ни за что не хотел садиться в коляску, но обещание купить вкусняшку за съеденный в кафе куриный суп немного его успокоило и примирило с действительностью.

Аня набрала два пакета снеди и медленно двинулась к дому. Долгий утомительный день близился к завершению. Аня мечтала о чашке горячего чая и чего-нибудь поесть. Но, едва войдя в подъезд, она поняла, что этот ужасный день решил быть ужасным до конца. Кнопка лифта представляла собой темный и безжизненный кусок старой пластмассы. На табло вместо номера этажа горели два зеленых пунктира, что означало – лифт не работает.

– Господи боже мой, второй раз за месяц! – в сердцах воскликнула девушка. – Что же это такое!

Илюша спал. Аня посмотрела наверх и увидела у себя над головой длинный, уходящий далеко наверх и закручи-

вающийся спиралью лестничный марш. Постояв минуту с поникшими плечами, она вздохнула и начала готовиться к подъему. Сначала подумала было тащить коляску по лестнице спиной вперед, ступенька за ступенькой, но с объемными пакетами сделать это было непросто, да и коляска сама по себе была не из легких, а с сидящим в ней ребенком – так и вовсе неподъемной. Тяжко вздохнув, Аня поняла, что придется нести сына на руках. Прежде всего она отставила покупки, вытащила Илюшку и осторожно прижала его к плечу, придерживая рукой, на которой болталась сумка, а в другую взяла пакеты. Коляску тоже пришлось брать с собой. Уже несколько дней Аня нигде не могла найти ключ от велосипедного замка. С тех пор, скрученный в тугий жгут, замок висел у самых колес, совершенно бесполезный, а оставлять коляску без присмотра Аня побоялась. Ей удалось кое-как ухватить ее за одну из загнутых ручек, и теперь коляска тащилась следом за ней по лестнице, скособочившись на левый бок.

Взобравшись на второй этаж, Аня остановилась, опустила на пол сумки и освободившейся рукой расстегнула пальто, размотала шарф. Илюша уже весил порядочно и больно давил ей на ключицу; рука, державшая его, стала затекать. Устроив ребенка поудобнее и слегка размяв пальцы, Аня присела, стараясь держать спину прямо, чтобы, не дай бог, не уронить свое сокровище, снова подцепила пакеты, коляску и начала подниматься дальше. На подходе к четвер-

тому этажу, она услышала шаги – кто-то спускался вниз. И правда, какой-то человек возник и остановился наверху пролета, до подножия которого она добралась. Навьюченная как мул, Аня едва могла видеть его, поняла только, что это мужчина.

«О, хоть бы он мне помог!» – пронеслось в голове. Руки, ноги, поясница – все ужасно болело. Волосы упали на глаза, шарф болтался на взмокшей шее, а покрытое испариной лицо покраснело.

Мужчина пошел Анне навстречу. Подойдя к ней, он быстро и молча забрал у нее авоськи и коляску. Аня только успела заметить на своей побагровевшей ладони отчетливый след от перетянувших ее пакетов, похожий на белый глубокий шрам.

– Спасибо! – с чувством сказала девушка и наконец смогла прижать к себе ребенка обеими руками.

Она подняла взгляд на спасителя, намереваясь сообщить, что ей надо на шестой этаж, и осеклась. Лицо ее застыло, как у каменного изваяния, а ноги подкосились.

– Не падай, – сказал Дам Рён. – Если упадешь, я не смогу тебя поймать.

– Как ты здесь... почему... – отозвалась Аня, в одну секунду пережив сильнейшее потрясение и леденящий испуг. – Что случилось?

– Я подхожу к твоей двери с самого утра, но в ответ мне только Локи лает. Рабочий день! Стоило подумать об этом

раньше. Наконец-то ты пришла!

С этими словами он повернулся и довольно быстро зашагал наверх. Аня двинулась следом. На шестом этаже она остановилась и принялась искать ключи, обнаружив их в конце концов в кармане пальто, куда заранее положила. Все это время она чувствовала на себе взгляд Дам Рёна и, только шагнув в темную прихожую, испытала минутное облегчение. Девушка быстро и осторожно раздела ребенка и перенесла его в кроватку. При этом ее обострившийся слух улавливал каждое движение молодого человека. Он сложил в коридоре коляску, отнес покупки на кухню, сказал что-то прыгающему вокруг него Локи и наконец вошел в комнату. Несколько мгновений они стояли бок о бок, глядя на спящего Илюшку, пока Аня не сделала шаг в сторону, держась за бортик кроватки дрожащей рукой. Дам Рён обернулся, глядя на нее. Аня увидела в рассеянном свете ночника его лицо, выразительные блестящие глаза, губы, чуть тронутые улыбкой. У нее помутилось в голове. В груди стало больно. Она поняла, что задыхается, на самом деле не знает, как дышать. Инстинктивно схватившись за грудь, она втягивала ртом воздух, внезапно осознав, что не в состоянии вспомнить ни одного английского слова.

Спасение пришло в виде звонка в дверь.

Аня словно очнулась, испуганно взглянула на Дам Рёна и выскочила из комнаты.

Запыхавшаяся Настя шагнула через порог, тяжело отду-

ваясь.

– Нет, ты представляешь, именно сегодня лифт не работает! – заявила она вместо приветствия. – Как назло! Я, пока сюда доползла, думала, сдохну. И как они эту громадину на шестой этаж затащат? Точно придется больше заплатить! Надеюсь, ты все приготовила? Денис уже внизу, сейчас поднимется.

– Денис?

Настя вопросительно взглянула на Аню, наконец увидев ее ошарашенное лицо и ноль понимания в глазах.

– Я тебе диван привезла. Ты что, забыла?

– Диван?

– Ты спала, что ли? Эй, очнись давай! Мы же с тобой договаривались. Я на сегодня грузчиков заказала. Они уже внизу с Денисом. И вот, извольте радоваться, лифт сломался! Им придется твой старый диван вниз по лестнице тащить и новый сюда поднимать. А он, знаешь ли, не маленький. В общем, вечер томным не получится!

– Я... – пробормотала Аня в полнейшей растерянности, – у меня ребенок спит.

– Ну что поделать? Потом доспит. Давай-давай, шевелись. Я так понимаю, ты ничего не приготовила. Пойдем скорее валики снимем и барахло из нижнего ящика вытащим, пока грузчики тот волокут. Ты чего такая красная? Правда, что ли, спала?

Не тратя больше слов, Настя сбросила куртку, вошла в

комнату и включила свет. Дам Рён полусидел на низком подоконнике, скрестив руки на груди. Когда вошла эта высокая подтянутая девушка с гордым лицом и нервными узкими плечами, он улыбнулся ей самой приветливой из своих улыбок и сказал: «Hello!» Ему стоило большого труда не засмеяться – удивление, неверие и, наконец, потрясение, по очереди отразившиеся на Настином лице, были самой яркой и противоречивой гаммой чувств, которую ему когда-либо приходилось видеть. Дам Рёну было невдомек, что, несмотря на большое внимание к его персоне, Настя никогда не думала о нем как о реальном человеке. Абстрактный образ далекого корейца рисовался в ее воображении самыми фантастическими красками, которые, увы, могут лишь оживить повседневную действительность, но никак не стать ее частью. То, что этот человек, сошедший со страниц иноземного глянца, сейчас находится в антураже простой питерской квартирки, непринужденно сидит на подоконнике, где у Аньки вечно копятся чашки с недопитым чаем, улыбается и даже, кажется, помахал в знак приветствия рукой, произвело на Настю весьма глубокое впечатление. К ее чести, она быстро справилась с эмоциями. Не прошло и минуты, как Настя надменно вскинула голову и смерила нежданного гостя таким взглядом, что его улыбка невольно дрогнула. Это был короткий взгляд – дерзкий, подозрительный, колючий. Дам Рён отвел глаза. В его памяти всплыло широкое лицо с невыразительными чертами, бледным тонкогубым ртом и по странности гладкими,

словно налитыми щеками – лицо следователя каннамского департамента полиции, куда он впервые был вызван на допрос. Этот следователь Чхве при первой встрече посмотрел на него точно так же – быстро, оценивающе, с прищуром.

Из коридора опять донесся шум.

– Это я, – прозвучал голос Дениса. – Что у вас дверь нараспашку?

Он вошел в комнату и остановился. Аня застыла, обратившись в соляной столп, высокий кореец у окна при его появлении выпрямился во весь рост, Настя стояла посередине комнаты. Вид ее гордой, прямой спины был красноречивее любых слов.

– Ого, – сказал Денис обозревая немую сцену, – да у вас веселье.

Вслед за Денисом в комнату вошли еще несколько мужчин в спецовках.

– Ты переезжаешь? – спросил Дам Рён, огорошенный не меньше других, – воображая себе эту встречу, он не мог представить, что она окажется столь сумбурной и многолюдной.

– Я... нет... – ответила Аня по-русски.

– Денис! Забирай его, пускай помогает! – вдруг сказала Настя.

– Что? – Аня захлопала глазами.

– Помощь не помешает, – отозвался Денис, стараясь придать своему лицу непринужденное выражение, и, кажется,

через пару минут ему это удалось. – Аня, познакомь нас.

Аня приблизилась к молодым людям.

– Позвольте представить, – заговорила она, на этот раз переходя на английский, и церемонная фраза, произнесенная в данной ситуации, показалась ей еще более вычурной и нелепой, чем могла бы прозвучать по-русски, – это Дэнис, муж моей подруги Анастасии, – Аня слабо кивнула в Настину сторону. – Денис, это Илюша... господин Ким Иль У.

Денис протянул руку, Дам Рён ее сейчас же крепко пожал.

Мужчины о чем-то заговорили по-английски. Настя стала раздражаться еще больше, потому что почти ничего не могла уловить из их беглой речи. Взглянув на Аню, она резко сказала:

– Давай разбирать вещи.

– Ты хочешь заставить его таскать диваны? – спросила растерянная Аня.

– А он не мужик, что ли? Пускай таскает!

Аня перевела взгляд на Дам Рёна. В этот момент он посмотрел на часы, сказал: «ОК!», повернулся к Анне и весело ей подмигнул.

Началась настоящая суматоха. Старый диван освободили от ненужных вещей, но поскольку он был большой, а дверные проемы – узкие, стали думать, как его вынести. Локи, обалдевший от количества набившегося в дом народа, прыгал и лаял, таскал в зубах поводок и путался у всех под ногами. Маленький Илюшка, окончательно разбуженный под-

нятым гвалтом, смотрел на толпу с не меньшим удивлением, чем Локи, а потом присоединился к нему, и они вдвоем начали носиться среди всей этой суеты, прыгать и ползать по перевернутому дивану и сброшенным на пол подушкам, – словом, для него вечер этого унылого дня заиграл самыми яркими красками. Когда наконец, не без помощи инженерной мысли, диванная рокировка завершилась победой, Дам Рён свистнул Локи, и квартира опустела. Во внезапно наступившей тишине две девушки посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, пошли на кухню. Там, прилипнув носом к оконному стеклу, сидел Илюшка и во все глаза глядел вниз на улицу в ожидании, когда их старый диван будут выносить из подъезда и грузить в машину.

Аня бездумно взялась за чайник. Только сейчас Настя заметила, какое у нее на самом деле нервное, перепуганное лицо.

– Настя, что это? Почему?.. – спросила девушка. – Он вдруг как-то просто возник... Зачем?.. Он хочет забрать у меня ребенка? Как он узнал?

Настя ничего не ответила, лишь окинула Аню критическим взглядом. Затем подошла к ней, забрала из рук пустой чайник и произнесла самым решительным тоном:

– Иди умойся, приведи себя в порядок.

Аня смотрела на нее так, словно смысл сказанных слов ускользнул от нее.

– Чтобы там ни было, тебе надо выглядеть и чувствовать

себя хорошо. Иди в ванную, освежись и переоденься. Послушай меня хоть раз в жизни. Когда он придет, тогда и будешь думать «что» да «почему», а сейчас займись собой.

Настя ожидала встретить возражения, но Аня медленно кивнула и почти все оставшееся время, пока заносили и ставили новый диван, просидела, запершись в ванной.

Когда она вышла, одетая в темный брючный костюм, с рассыпанными по плечам мягким душистыми волосами и слегка подкрашенными губами, рабочих уже в доме не было. Новый диван, придвинутый к стене, служил местом дислокации живописной группы из четырех человек, двое из которых, так похожие друг на друга, маленький и большой, находились в самом живом и непосредственном общении. Завидев Аню, Дам Рён поднялся, не отпуская Илюшку. Тот сидел на его руках спокойный и довольный, и это царапнуло ревнивое Анино сердце.

– Твой друг согласился оказать мне большую услугу. Хорошо, что ты собралась. Идем.

– Куда?

Дам Рён взглянул на часы.

– Мой самолет улетает через три с половиной часа. Дэнис отвезет нас в аэропорт. Он согласился подождать и после привезти тебя домой, ведь будет уже глубокая ночь. А твоя любезная подруга присмотрит за малышом.

Настя смерила его взглядом, уловив, что речь идет о ней, а Дэнис негромко засмеялся: назвать Настю любезной не

пришло бы в голову ни единому человеку, который хотя бы немного ее знал.

Собрались быстро. Дам Рён закинул на плечо свою единственную поклажу – небольшой разноцветный рюкзак – и вышел из квартиры. Спускаясь вслед за ним по лестнице, Аня остро ощутила обступившее их замкнутое пространство – короткие площадки, узкие лестничные пролеты. Они очутились здесь одни. Денис ушел далеко вперед, его шаги были слышны уже в самом низу. Аня смотрела на прямую спину Дам Рёна, на его лицо, иногда мелькающее перед ее взглядом. Каждую минуту ей казалось, что вот сейчас он приостановится, повернется и обнимет ее. Но он шел не оглядываясь, лишь на выходе придержал для нее дверь. Сели в машину. Дам Рён сейчас же достал телефон и сделал короткий звонок. Аня отвернулась и стала смотреть в окно, за которым лил проливной дождь. Выехав со двора, Денис свернул на полупустой в этот поздний час проспект. Все предметы, мелькающие за залитым струями дождя стеклом, сливались в расстроенном Анином воображении в хаотично движущиеся тени с редкими всполохами красных и зеленых пятен светофоров. Аня молчала. То, что он не повернулся, не сказал ни слова, задело ее очень глубоко. Разочарование горечью разлилось в душе. Аня поняла, что не в силах справиться с эмоциями. Однажды она уже сидела в машине, пряча от него лицо, но сейчас он, кажется, на нее и не смотрит: убрал телефон, заговорил с Денисом. Неожиданно Аня услышала,

что ее окликают по имени. Она встрепенулась и увидела в зеркале заднего вида глаза Дениса, смотрящие на нее вопро- сительно.

– Если тебе холодно, там где-то есть плед, – сказал он.

– Мне не холодно, – растерянно ответила девушка.

– Ты выглядишь так, как будто продрогла, – произнес Дам Рён, беря ее за руку. – Погода сегодня намного хуже, чем в тот раз, когда я здесь был. Или тогда выдались несколько теплых дней?

– Осенью в Петербурге дожди... – отозвалась Аня. Она опустила взгляд на их сомкнутые руки, вдруг остро, почти болезненно ощутив близость этого человека, прикосновение его теплых пальцев.

Дам Рён не отнял руки, пока они не добрались до Пулково. Денис припарковался, не доезжая до аэропорта: ему предстояло провести в ожидании немалое время, и он не собирался платить за многочасовую стоянку.

Когда они вошли в здание аэропорта и миновали первый контроль, к ним тут же подошел человек и поклонился Дам Рёну.

– Господин Ли Сон Ки – мой телохранитель и помощник, – представил Дам Рён.

Телохранитель Ли, рослый мужчина средних лет, поклонился Анне и Денису. Аня заметила, что он окинул их обоих цепким оценивающим взглядом, чуть дольше задержав внимание на ней. Дам Рён отдал ему документы для регистра-

ции и, когда тот удалился, посмотрел на часы.

– У нас чуть меньше полутора часов.

Денис взгляделся в информационное табло.

– Я не вижу рейса на Сеул.

– Я лечу в Хельсинки. Оттуда ранним утром в Хошимин.

Там меня заберет частный самолет моего приятеля. Чтобы незаметно добраться до тебя, чаги, и вернуться обратно, мне приходится изрядно попетлять. Хотя я и сейчас не уверен, что мы не попали в чей-нибудь объектив.

Услышав это, Денис посмотрел на Дам Рёна с интересом.

Дам Рён протянул ему руку:

– Примите мою искреннюю благодарность за оказанную услугу.

– Надеюсь, у меня не будет повода об этом сожалеть, – внезапно произнес Денис и перевел взгляд на Аню.

Дам Рён понимающе кивнул, но не ответил. С этим они расстались.

– Позвони мне, – сказал Денис девушке и затерялся в толпе.

Несколько минут Аня и Дам Рён неподвижно стояли рядом, пока он не сказал:

– Думаю, ты проголодалась. И я бы выпил чашку кофе.

Они сели за столик в самом дальнем углу большого ресторана, расположенного на четвертом этаже. С их места была видна часть взлетно-посадочного поля, но сейчас в большие, почти до самого потолка, окна хлестал косой дождь,

и по неясным очертаниям и сигнальным огням можно было лишь угадывать движение воздушных судов на земле и в черном дождливом небе.

Увидев перед собой еду, Аня вспомнила, что мечтала об ужине еще несколько часов назад, и сначала она просто молча ела, в то время как Дам Рён медленно пил кофе.

Утолив первый голод, Аня наконец подняла глаза на своего молчаливого спутника. Впервые за долгое время она видела его лицо. Ни одна фотография, даже сделанная в последнее время, не могла передать произошедшие в нем перемены. Но Аня увидела их сразу. У него был пепельный цвет волос, отчего кожа казалась светлее прежнего. Лицо, лишенное даже мимических морщин, хотя, возможно, такое обманчивое впечатление создавал рассеянный свет ресторана, выглядело по странности неподвижным. Черты лица же, напротив, обострились – из них исчезло то мальчишеское, что запечатлелось в Аниной памяти, когда проскальзывало в его удивительной улыбке, в его взгляде. Сейчас перед ней сидел молодой мужчина, утративший очарование юности, но его близость ошеломляла не меньше. Аня вдруг осознала, что все то время, пока она торопливо ела, руки ее дрожали, а щеки горели жгучим румянцем. Сейчас на смену бездумным действиям пришло настоящее душевное смятение. Аня не могла сосредоточиться, не могла сфокусировать внимание на том, что было важнее всего: тревоге за своего ребенка. Она только смутно понимала, что трепещет всем телом,

что не может взять себя в руки и успокоиться.

В отличие от нее Дам Рён встретил ее взгляд с видимым спокойствием.

– Спрашивай, – сказал он.

Аню почему-то покорило это короткое слово.

– Ты хочешь забрать у меня ребенка? – Голос прозвучал сдавленно, и это расстроило ее еще больше.

Дам Рён удивился.

– Это твой первый вопрос? Что ж, я намерен публично признать отцовство и, разумеется с твоего согласия, разделить опеку.

– Публично признать отцовство?.. Ты хочешь объявить о существовании ребенка? Что же тогда станет с моей жизнью?

Прежде чем ответить, Дам Рён некоторое время молчал.

– Господин Пак рассказал мне о встрече с тобой. Он сказал, что ты очень испугалась – ты не поверила ему, догадалась, что он не обычный прохожий. Его слова доставили мне большую радость, и в то же время мне было больно представить, в каком положении ты оказалась. Много раз, вспоминая о тебе, я не находил ответов; у меня были сомнения, я испытывал неуверенность и сожаления. Оказывается, эти чувства способны ранить куда больнее, чем открытое предательство. Но никогда я не думал, что встреча со мной может нанести тебе такой большой вред.

– Вред? – Аня почти со страхом посмотрела на него.

– Законы общества очень жестоки к незамужним матерям.

Анне потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить сказанное. Наконец она сообразила, что он судит согласно укоренившимся в его сознании представлениям и традициям, весьма далеким от ее собственных, как один полюс земного шара может быть далек от другого. С этим пониманием пришла горькая мысль, что он оказался здесь, лишь движимый чувством вины, желанием возместить причиненный ущерб. Аня попыталась внутренне собраться. Чтобы скрыть обуревавшие ее чувства, она придвинула чашку с чаем и сделала несколько неторопливых глотков.

– Ты ничего мне не должен. Оставить ребенка было моим решением. Это ответственность, которую я никогда не рассчитывала с тобой делить. Но тебе не надо волноваться – меня никто не обижает и не ущемляет в правах. Ни меня, ни моего сына.

Несколько мгновений он, нахмурившись и с нескрываемой досадой, смотрел на нее:

– Неужели ты думала, что я ничего не сделаю, обнаружив правду? Не сделаю ничего, чтобы ты могла узнать, что я за человек и какой из меня мужчина?

Аня опустила взгляд:

– Ты решил, что я с благодарностью приму тебя... твоё участие...

– Я поступил самонадеянно? – Он минуту помолчал. – Поймешь ли ты, если я скажу, что у меня есть оправдание? В тот день... господин Пак вместе с вашей фотографией при-

нес мне положительный тест на отцовство. Странно, этот документ значил для меня меньше, чем то, что я понял, выслушав его рассказ. Я понял две вещи: ты знаешь, кто я, и ты... оберегаешь меня.

– Тест на отцовство?! – воскликнула Аня, потрясенная. – Наша фотография?

Она смотрела на Дам Рёна с таким выражением, что он невольно улыбнулся:

– Пожалуйста, опусти чашку.

Аня поставила чашку с обжигающим чаем на блюдце.

– Ничего не понимаю, – пробормотала она. – У меня голова идет кругом...

Неожиданно он протянул руку, словно желая коснуться Аниной ладони, но остановился. Вместо этого вынул из внутреннего кармана два конверта и положил на стол.

– У меня кое-что есть. Я ношу это с собой с тех пор, как получил.

Аня недоверчиво взглянула на него и открыла один из конвертов – в нем лежала фотография, на которой улыбающийся Илюшка смотрел прямо в камеру. Во втором оказался кусок недоеденного печенья.

– Что это?

– Наверное, мне следовало начать с самого начала, но у нас так мало времени... Я коротко расскажу тебе. Господин Пак Хо Джун – старый друг моего отца. Еще со школы. Мои родители умерли довольно рано, и господин Пак заботился

о нас с сестрой. Этот человек знает меня лучше, чем кто-либо другой. Мой истинный друг. Мой второй отец. Именно он предложил мне приехать сюда – в эту страну, в этот город... Я был тогда просто раздавлен. После долгой и упорной работы вновь оказаться в положении трейни – бесправного, неуверенного в себе дебютанта... Это отрезвляло. И пугало. Мои мытарства закончились, но мне дали понять, что и лично для меня все кончено. Ужасное время! Ненависть и злость кипели во мне, как... как котел с ядовитым варевом. Я не мог спать ночами. Я больше не способен был написать ни строчки, не мог извлечь из себя ни одной ноты. Путешествие должно было дать передышку, отвлечь от мрачных мыслей. Скажу откровенно, я не верил, что меня что-то спасет или возродит, как называл это господин Пак. Тем более такая дальняя и утомительная дорога. Я приехал сюда, но меня ничто не впечатляло. Мне показывали здешние красоты и просторы, мне рассказывали какие-то истории, но я ничего не видел и не слышал. Моя голова была забита страхами и переживаниями, они не давали мне покоя и всегда приводили к одному: я не знал, как и зачем мне жить. Все утратило смысл. Самое страшное, что может случиться с человеком, – отчаяние. Это чувство бессилия, чувство, что больше не можешь двигаться дальше, как бы сильно этого ни хотел... Когда мы с тобой встретились, я был в собственных глазах ничтожнее самого бесполезного из людей... Отчаяние – это боль...

Он на мгновение замолчал, словно сосредотачиваясь, и

заговорил снова:

– Дальше ты знаешь. Нашлись люди, которые оказали мне доверие. Они многим рисковали, я понимал это, был им искренне благодарен, но больше не думал, что для меня их помощь – благо. Оставаясь здесь, с тобой, я дошел до того, что не хотел возвращаться, но... уже не мог этого не сделать. Я был заложником своей жизни, и тогда это ощущалось сильнее, чем когда-либо прежде. С каким сожалением я уезжал... и в еще более растрепанных чувствах, чем до поездки сюда. Я не мог сам себе честно признаться в истинной цели моих поступков и желаний. И у меня не было честного ответа для тебя. Но даже если бы мне хватило сил быть откровенным, что я мог тебе предложить? Кем для тебя стать? Все, что мне приходило в голову, было или нелепо, или невозможно. Оставалось только предоставить тебя твоей жизни, а самому вернуться к своей. «Почему нет?» – думал я. Это было самое правильное и честное решение. Разве не так? – спросил он вдруг.

Аня опустила глаза и не ответила.

Дам Рён смотрел задумчиво.

– Не знаю, когда я осознал, что невольно замечаю все то русское, что вдруг возникало в поле моего зрения. Вопреки желанию и даже моим убеждениям. Когда стал вглядываться в европейские лица поклонников в зрительном зале, обращать внимание на изредка, но все же мелькающий в толпе трехцветный флаг, оборачиваться при звуках этой

вашей невообразимой речи... В какой-то момент я понял, что это по-настоящему меня тревожит, раздражает, доставляет большие неудобства, – внезапно он улыбнулся. – Знаешь, этой осенью к первому сеульскому концерту твои соотечественники собрали пятьсот килограммов риса. Больше были только рисовые венки^{14*} из США и Японии.

Аня не смогла скрыть удивления.

– Тебе подарили пятьсот килограммов риса?! – тихо воскликнула она.

– На самом деле гораздо больше – около семи тонн.

– Господи, зачем тебе столько? Тебе дарят рис?! Это... так принято, чтобы артисты не голодали?

Дам Рён засмеялся, почти неуловимым, скольльзящим движением проведя ладонью по усталым глазам.

– Я начинаю сомневаться, что ты так уж много знаешь обо мне, – сказал он. – Нет, чаги, я не буду есть этот рис. Его собрали от моего имени для благотворительных целей и отвезли туда, где он нужен детям-сиротам, старикам или бездомным.

Аня прикусила губу, поняв, что попала впросак. Неожиданно она почувствовала, что ее щеки снова начинают гореть. Собеседник не отводил от нее взгляда, но она не могла

¹⁴ * *Рисовый венок*, или фан райс (fan rice (англ.) – рис от поклонников), – ставшая традиционной в кей-поп-культуре форма благотворительности, когда поклонники собирают и дарят от имени звезды рис, который потом развозится нуждающимся – в детские дома, дома престарелых и хосписы. А на концертах звезде преподносят символический «веночек» – украшенный мешочек с рисом.

понять его истинного выражения – Дам Рён смотрел прямо и спокойно, как человек, погруженный глубоко в себя. Ее же беспокойный взгляд замер на лежащих перед нею конвертах. Молодой человек тоже посмотрел на них и дотронулся до фотографии.

– В конце июля, вернувшись из Японии, я сказал господину Паку, что поеду в Санкт-Петербург. Он выслушал меня без возражений и без удивления. Иногда мне нелегко с ним, но, должно быть, он действительно понимает меня лучше, чем я сам. Он сказал, что хочет сначала разузнать о тебе. Его доводы были разумны: прошло три года, ты могла уехать, выйти замуж, могла стать совсем другим человеком. Я... да, так и есть, я смалодушничал и согласился. Он планировал пробыть здесь не больше одного-двух дней, но вернулся только через две недели. Он пришел в студию, улыбался, был со всеми приветлив, но, едва поймав его взгляд, я немедленно прервал работу и сел к нему в машину. Мы ехали в полном молчании, пока не свернули на безлюдный берег под одну из опор моста Чхонхо. Он сказал, что у него есть для меня единственная новость, которую я должен знать. После этого дал мне фотографию и заключение ДНК-теста. И принес свои извинения. Он признался, что его не заботила этическая сторона вопроса. Тест был сделан анонимно, и если бы его результат оказался отрицательным, я о нем никогда бы не узнал. Помимо свалившейся на меня информации, больше всего я был впечатлен тем, с какой ловкостью он это

проделал. Должно быть, у него были мои волосы или ногти, – признаюсь, я не стал это выяснять.

Аня молчала, замолчал и Дам Рён. Вдруг она услышала его глубокий вздох и невольно подняла глаза.

– Господин Пак, – произнес молодой человек, – кое-что прибавил к своему рассказу. Он сказал, что результаты теста представляют для меня серьезную опасность, хотя и усомнился, что эта опасность может исходить от тебя. Он не высказался прямо, но я отлично его понял. Я понял, что результаты этого теста могут и дальше оставаться тайной для Кореи и остального мира, если я не буду вмешиваться.

«Не будет вмешиваться? – беспокойно отозвалось в Аниной душе. – Что же он делает сейчас? Вмешивается? Зачем?.. Чего же ты хочешь!»

Но вслух она ничего не сказала. Было невозможно прямо задать вопрос о его нынешних чувствах, о его мыслях, о его намерениях – о том, что всегда бредило и тревожило ее и о чем он ни тогда, ни теперь, ни разу не заговорил.

Дам Рён пристально вглядывался в Анино лицо. Ее испуг, тревога, удивление, казалось, отступили, но ее другие, более глубокие чувства невозможно было угадать. Она словно застыла. Сидела молча, не глядя на него. Молодым человеком овладели мучительная неловкость и растерянность. Ему думалось, что, очутившись рядом с ним, эта девушка должна испытывать и выражать какие-то эмоции. Почему она не плачет? Или не пытается храбриться? Она могла бы его про-

клинать или, почуяв его слабинку, дерзить и угрожать, но она просто сидела и смотрела в сторону.

Дам Рён помедлил некоторое время, решая, как поступить, и сделал еще одну попытку:

– Господин Пак признался, что нашел тебя в первый же день. Еще до отъезда я переслал ему твою фотографию и сказал, что собака твоя как две капли похожа на Атика моего друга Дже Хёна. Сидя на скамейке, господин Пак увидел, как какой-то парень привез тебя на машине, выгрузил из багажника детскую коляску, а ты вышла с ребенком на руках. Вместе вы направились к дому. Господин Пак сделал несколько снимков, вернулся в отель и забронировал билет на ближайший рейс. Вечером, накануне вылета, что-то заставило его проверить камеру. Когда он рассматривал фотографии, то заметил вот эту. Господин Пак немедленно изменил свои планы. За это он благодарен Будде, в которого верит. Наблюдая за тобой, он скоро убедился, что парень и темноволосая девушка – твои близкие друзья. При встрече я их сразу узнал. К сожалению, приехать быстро не получилось. У меня были обязательства и планы, но сегодня... сегодня день, когда я смог тебя увидеть.

«Один день? – подумалось Анне. – Нашел один день, чтобы пролететь половину Европы и Азии ради нескольких часов?»

– Анна, – вдруг позвал он, наверное впервые назвав ее по имени. – Скажи мне что-нибудь!

Аня сцепила руки под столом и по-прежнему сидела молча, не поднимая глаз. Ее мысли метались в гулкой пустоте, не находя ни опоры, ни словесного выражения; душа пребывала в смятении. Что она могла ему сказать? Какими словами описать ушедшее время, выразить свои чувства? Несчастливая девушка точно онемела. Зачем он здесь? Чего он от нее на самом деле хочет, почему улыбается сдержанно и пытливо рассматривает? Он находится так близко, но кажется чужим, далеким более, чем когда-либо прежде. Обида и разочарование жгли ей грудь. В минуту, когда он ждал ее ответа – признаний ли, упреков ли, как знать? – она чувствовала лишь беспомощность. Смущенная, растерянная, Аня желала сделать и сказать так много, но оставалась неподвижна, будучи не в силах раскрыть рта.

Телефон Дам Рёна зазвонил. Молодой человек посмотрел на кран и отклонил звонок. Несколько мгновений он тоже сидел молча, вперив невидящий взгляд в опустевшую кофейную чашку, затем произнес:

– Мне пора, – и с этими словами поднялся.

Аню словно ударили – она вздрогнула и взглянула на него.

– Не волнуйся, чаги, – сказал он, и Аня вдруг увидела, что по лицу его прошла нервная судорога. Но это длилось лишь мгновение.

Дам Рён слабо улыбнулся, наклонился и дотронулся до ее щеки.

– Дождись здесь своего друга. Мы, конечно, еще увидим-

ся.

Он подхватил с соседнего стула рюкзак, взмахнул на прощание рукой и вышел из ресторана.

Аня обмерла. Несколько минут она сидела, оглушенная частыми и тяжелыми ударами сердца, потом встала и тоже вышла из ресторана. Она долго шла сквозь толпу, озираясь по сторонам, пробегая глазами указатели и информационные табло. Спустя несколько минут она увидела Дам Рёна. Он и телохранитель Ли стояли в очереди зеленого коридора таможенной зоны. Дам Рён тоже увидел ее, но телохранитель отвлек его внимание. Спины вставших за ними пассажиров скрыли от девушки эту пару, и тогда она повернулась и медленно побрела обратно. Дойдя до какого-то поворота, Аня прислонилась к стене и прикрыла глаза. Было около половины третьего ночи – утомленное тело словно налилось свинцом, в отяжелевшей голове плыл туман. Аня ощутила неодолимое желание очутиться дома, в своей постели, укрыться одеялом с головой. Она глубоко вздохнула и в это мгновение почувствовала, что Илюша обнял ее.

– Не плачь, чаги. И не бойся. Видишь, я называю тебя как престарелый супруг свою милую старушку.

– Илюша... – пробормотала она, прижав ладони к его плечам и не открывая глаз. – Я так много хочу тебе сказать.

– Но не решаешься и боишься? Ходишь кругами, как тогда у метро? Нет, не слушай меня, это я сплеховал. Я спел тебе столько песен, а самых простых слов, чтобы выразить то,

что на душе, не говорю. Стоит попробовать еще раз? Мысли о тебе преследовали и тревожили меня достаточно долго, чтобы понять. Я... – он коснулся губами ее макушки и продолжил по-русски: – ...люблю тебя.

Аня подняла голову, серьезно посмотрела на него, но почти сейчас же тяжелые веки ее закрылись. Он поцеловал ее снова, на этот раз с большим чувством, как тогда, и сказал: «Спасибо!» Объятия разомкнулись. Аня поймала его за рукав, и он остановился. Ее тревожное лицо, блестящие от слез глаза заставили его сердце сжаться.

– Ты уверен? – спросила она. – А если это лишь воспоминания о том, что было и без следа исчезло? Если это иллюзии, глупые мечты? Когда они развеются, когда мы узнаем друг друга, что с нами будет?

– Вот чего ты боишься? Отвечу искренне – не знаю. Я долго и упорно работал, чтобы обрести то, что по-настоящему желаю, то, что мне дорого. Время, когда меня мучили вопросы, что дальше делать? куда идти? – в прошлом. Я осознал – все мишура и тлен, весь блеск до первого дождя, а лично у меня нет ничего, что принадлежит только мне. С того дня у моста Чхонхо прошло достаточно времени, и я не могу сказать, что оно было легким для меня. Новые страхи и сомнения, тысяча вопросов... не так-то просто заглянуть в собственную душу, но вывод, к которому я пришел, оказался самым простым и очевидным: это недоеденное печенье, которое лежит в моем кармане, дороже всего, что у меня до сих

пор было. Вот и все. Вот и весь секрет счастья, чаги. Сейчас я хочу просто жить. Быть не Дам Рёном, даже не Ким Иль У... Я хочу быть тем, кого ты зовешь Илюшей.

Он осторожно обнял ее.

– Разве мог я забыть небо над озером? Небо над озером...

– тихо и задумчиво проговорил он. – Столько тепла и света. Столько любви... Обещаю одно: я буду стараться. Буду и впредь усердно работать, чтобы крепко стоять на ногах. Делать все от меня зависящее для своей семьи, потому что я не из тех, кто, лежа на кане, мечтает о рисовой каше.

Аня озадаченно посмотрела на него и вдруг спросила:

– Ты любишь суп из водорослей?

– Суп из водорослей? – удивленно переспросил он. – Обычно сестра готовит мне его ко дню рождения... кажется, я не ем его чаще чем пару раз в год.

Аня увидела, как за его спиной появился телохранитель Ли и остановился на расстоянии от них.

– Теперь мне действительно пора, – сказал Илюша, но, видя, что она не в силах справиться с собой, сжал ее тонкие холодные пальцы в своих ладонях и посмотрел в ее блестящие от слез глаза.

Эта девушка... Странная, нелепая, доверчивая. Она смотрела на него, как никто и никогда не смотрел за всю его жизнь – открыто, непредвзято. С удивлением. Его удивляла ее способность краснеть и забавляла абсолютная неспособность скрывать свои чувства. Благослови бог ее бесхитрост-

ную душу! За то, что она придавала ему сил, дарила надежду. За то, что волновала, тревожила и не отпускала его.

– Когда я летел сюда, – произнес он, чувствуя, что голос изменяет ему, – я читал письмо одного мудрого и доброго человека, французского профессора. Он сказал мне, что прошлое надо оставить позади, а будущего не стоит бояться. Я больше не боюсь. Я не хочу, чтобы ты боялась или сомневалась во мне. Не хочу, чтобы ты плакала. К сожалению, близость такого человека, как я, принесет тебе много беспокойства. Возможно, именно от этого ты однажды устанешь, но пока ты захочешь оставаться со мной, я не отпущу твою руку. Слышишь? Веришь мне? Ну же, смотри веселее и улыбайся.

Он коротко обнял ее, повернулся и быстро зашагал к телохранилищу Ли.

Еще минуту Аня стояла, прислонившись к стене, потом направилась к выходу. Ливень прекратился, лишь ветер доносил откуда-то с карнизов здания аэропорта редкие капли. Низкое небо над головой было серым и плотным, без единого намека на присутствие луны или звезд, но зато на горизонте светилось яркими огнями взлетно-посадочных полос. Время от времени, почти с одинаковыми интервалами оно освещалось мигающими сигналами взлетающих лайнеров и оглашалось ревом двигателей. Аня закуталась в шарф чуть не до самых глаз, как делала всегда, когда ее охватывали одиночество и холод, подошла к балюстраде открытого пандуса

и еще долго смотрела на огни, взмывающие в пасмурное и беззвездное петербургское небо.

Открытое письмо, опубликованное на официальной странице Дам Рёна профессором Бургундского университета Франш-Конте (Безансон, Франция) Домиником Брессе:

«Месье Ким, господин Дам Рён, приветствую Вас. Как Вы? Я один из Ваших новообращенных французских фанатов, мне 62 года, я ученый, профессор психологии. Я совершенно случайно узнал о Вас. Моя студентка Жаклин, которую очень волнует Ваша ситуация, познакомила меня с ней. И Вами. Сначала я размышлял о Вашем опыте как о типичном случае. Но, ближе изучив вашу историю за последние годы, я неожиданно обнаружил, что мне выпала честь увидеть мужественного и волевого человека с интересной душой. Мне никогда не приходило в голову, что я стану поклонником звезды кей-поп и членом семьи Unsa. Каждую неделю я нахожу время поговорить с Жаклин о Дам Рёне. Это заставило меня почувствовать, что моя жизнь ширится и растет вместе с Вами, а не движется к концу день за днем. Спасибо, что появились в моей жизни в это время.

Дам Рён, ты не против, если я буду называть тебя „мой сын“? Я знаю, у тебя нет отца и, возможно, нет рядом человека, способного направить и утешить. Позволь мне, в силу моего возраста и глубокого уважения, быть тебе другом, который скажет такие важные слова. Просматривая твои фо-

тографии от 18 до 34 лет, я был глубоко впечатлен меняющим выражением твоего лица: плачущего, улыбающегося, ослепительного на сцене: а также каждым твоим успехом на экране. Ты доставил мне большую радость, вызвал мое сочувствие и заставил меня гордиться тобой. Я был взволнован, как в тот день, когда впервые стал отцом. Как и тогда, мое сердце наполнилось надеждой на будущее своего сына, я хотел обнять его, научить его любить этот мир, утешать его, когда он падает, праздновать его победы, гордиться им, когда он становится мужчиной, разделять его радость, печаль, гнев...

Дам Рён, хотя мы живем в разных странах, находящихся на расстоянии тысяч миль друг от друга, я благодарен тебе за то, что позволил мне вновь испытать радость отцовства, и это волнение заставляет меня чувствовать себя возродившимся. Я хотел бы быть тебе другом и сопровождать тебя в оставшуюся треть моей жизни.

Когда Жаклин сказала мне: „Профессор, вы могли бы написать Дам Рёну“, я подумал о своем последнем письме, написанном от руки. Я отправил его моему старшему сыну, который учился тогда за границей. В то время мой сын, моя жена и я жили в трех разных местах и не могли быть рядом. Я чувствовал их одиночество и обиду, но ничего не мог поделать, кроме как утешить их своими письмами. Прошу прощения за то, что я пишу тебе эти слова с желанием утешить уже после того, как ты пережил так много трудностей, но все

же не утратил решимости. Но, сын мой, хотя ты сам способен все преодолеть, я хочу сказать тебе, как старик с богатым жизненным опытом и как отец: ты состоялся как прекрасный сын, брат, друг, воин и человек. Ты никогда не отступал. Ты ни о чем не сожалел, справляясь с невзгодами. Успех не сделал тебя самонадеянным, ты научился мирно жить со своим внутренним „я“, несмотря на взлеты и падения. На мой взгляд, сильный человек должен быть сильным не только телом, но и духом, а также иметь мужество брать на себя ответственность и идти вперед с любым бременем на плечах. Ты должен гордиться собой. Теперь я взял тебя за образец, чтобы вдохновлять моего внука и моих учеников.

Сын мой, я изучаю психологию. Я помогаю другим разобраться в их внутреннем мире. Нередко я сталкивался с темной и безобразной стороной человеческой природы. Я тоже когда-то сражался на краю тьмы, что приводило меня в изнеможение. И теперь ты стал светом, который освещает мой внутренний мир. Всякий раз, когда я занимаюсь исследованиями, пишу для журналов или занимаюсь семейными делами, если мое внутреннее спокойствие расстраивается, я включаю айпад, листаю твои фотографии и слушаю твой голос. Сын мой, радость и тепло, которые ты даришь, были самой большой ценностью, которую я обрел в последние годы. Спасибо. В силу своей профессии я осмотрительно отношусь к людям, скорее даже недоверчиво. Но в тебя я верю. Несмотря на все испытания и темные времена, ты остался

чист и благороден сердцем. Твоя музыка врачует душевные раны. За эти годы ты осветил жизнь многих. И теперь мне хотелось бы, чтобы ты согрел себя.

Я знаю, что ты сожалеешь и чувствуешь вину перед своей семьей, друзьями и фанатами, которые так любят тебя. Ты был готов говорить „извините“ при каждом появлении. Мне было больно видеть это. Даже сейчас, когда ты говоришь: „Я в порядке“, я знаю, что ты совсем не в порядке. Когда ты улыбаешься, я знаю, что ты не всегда истинно счастлив. Сын мой, не заставляй себя угождать другим. За твоей спиной люди, которые по-настоящему верны тебе. Они действительно любят тебя. Пожалуйста, верь в силу любви, верь, что все изменится и время лечит. Ты не обязан оставаться тем, кем был год, день или даже пятнадцать минут назад. Тебе не нужно сожалеть или чувствовать себя виноватым. Ты имеешь право на опыт, изменения и взросление.

Дам Рён, я никогда не был в Южной Корее, но могу представить, что солнце в твоей стране такое же, как солнце в Париже или Безансоне, а улицы полны людей. Ты мог видеть это сам. Жаклин показала мне видео, снятое на мосту Александра III, у Лувра, на вечерних парижских бульварах. Пусть прозвучит старомодно, но я увидел одинокого странника в толпе шумного города, и твой голос, исполняющий такие прекрасные песни, опечалил меня. Это была светлая грусть. Мне жаль, что ты посетил мой родной город прежде, чем я узнал о тебе. Если бы ты захотел приехать еще раз, я

был бы самым благодарным французским фанатом из всех, что ты можешь здесь встретить. Я живу с мыслью о том, что у меня есть сын в Южной Корее, который с юности много работает, который знает, как справиться с усталостью, который никогда не сдаётся. Я читал, что ты однажды три часа рыбачил возле пруда без рыбы. Наивный мой мальчик, ты знаешь, что рыбалка – это хобби мужчин моего возраста? Я надеюсь, что однажды мы сможем порыбачить вместе. И поверь мне, я знаю клевые места. Я также читал, что ты любишь ходить в горы – невысокие горы. В Южной Корее много гор, есть они и во Франции. Когда ты снова приедешь – ведь сейчас ты достаточно окреп для встреч с людьми, которые в тебя верят и не сомневаются в чистоте твоего сердца, – ты можешь подняться в прекрасные Пиренеи или Западные Альпы и увидеть, как огромен мир, не ограниченный горизонтом. Ты должен увидеть небо над головой. Это лучшее, что может случиться с человеком – понять, как бездонно небо и как свободна душа. Это то же самое, что увидеть поток жизни. Ты находишься на пути, отличном от дорог обычных людей. На твоём пути дуют сильные ветры и бьют дожди, обочины твоей дороги поросли шипами и чертополохом, а ещё подстерегают лесть и медные трубы. Но не бойся, сын мой. Каждый человек, которому хватило смелости идти против ветра, становится хозяином своей жизни. Зрелость человека проявляется в готовности противостоять любым последствиям своих решений. Если ты допустил ошибку, исправь ее, если

ты проиграл – начни заново, если случайно выпустил руку человека, которого любишь, – просто вернись. Сын мой, ты сам решаешь, кто ты есть.

Дам Рён, каждому человеку нужно время, чтобы повзрослеть. Я хочу, чтобы ты знал это. Я хочу, чтобы ты знал, что у тебя есть мы, IUnsa, готовые разделить твоё счастье и печаль. Мы – люди из разных уголков мира. Ты можешь почувствовать нашу любовь, уважение, терпимость и твердую веру в тебя. Ты не можешь отрицать, что вместе с тобой вперед идет и фантастическая группа поклонников. Даже если твой важный день еще не наступил, тебе не нужно чувствовать себя одиноким, в этом мире так много любви.

К сожалению, мое здоровье уже не то. Я старик, и неизлечимая болезнь медленно подтачивает мои силы. Но пока жизнь продолжается, я верю в лучшее. Еще хочу сказать тебе как отец: жизнь прекрасна еще и потому, что ты все время сталкиваешься с выбором. И ты обычно не знаешь, какой выбор окажется лучшим. Это превращает жизнь в приключение, путешествие и добавляет в нее веселья. Сын мой, познакомиться с тобой – одна из самых больших радостей в оставшиеся мне дни. Стать IUnsa – мое последнее приключение, но ты, Дам Рён, стоишь того, чтобы пуститься в него. Сын мой, я обещаю писать тебе раз в полгода, чтобы ты знал, что я жив и я рядом с тобой. Если однажды я умру и ты не получишь моего письма, пообещай не грустить, потому что всегда найдутся люди, которые будут заботиться о тебе и бе-

речь тебя. Открой им свое сердце, как я открыл мое старое сердце для тебя. Не плачь, Иль У. Человек обречен умереть и покинуть этот мир, но моя отцовская любовь к тебе будет вечной. Для старика это особенно важно. И в последних строках этого письма я хочу сказать тебе: Иль У, сын мой, я люблю тебя. Давай примем прошлое, встретимся с настоящим и не будем бояться будущего. Пожалуйста, оставайся в безопасности и добром здравии.

Твой отец из Франции, Доминик Брессе, Université Bourgogne Franche-Comté (UBFC) (Besançon)»